

РОДИТЕЛЯМ ДЕТЯМ

В. А. Сухомлинский

РОДИТЕЛЬСКАЯ ПЕДАГОГИКА

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Книги Василия Александровича Сухомлинского давно стали золотым фондом отечественной педагогики. Его беседы о добре и зле, о совести, о любви к детям, о том, как воспитывать родителя в себе, – вопросы, о которых мы забыли на гребне 90-х – 2000-х, но которые мощным колоколом звучат сегодня. Как сохранить человека в себе и как вырастить его в своем ребенке – вечная тема, отраженная Сухомлинским просто и мудро.

- В. А. Сухомлинский

- Беседы

- Беседа первая
    - Беседа вторая
    - Беседа третья
    - Беседа четвертая
    - Беседа пятая
    - Беседа шестая
    - Беседа седьмая

- Статьи

- Учите ребенка мыслить
    - Воспитание без наказаний
    - О педагогической культуре родителей
      - 1. Волшебство слова
      - 2. Пятьсот открытий дошкольника
    - Осторожно: ребенок!
    - Нравственное иждивенчество – откуда оно?
    - Не бойтесь быть ласковыми
    - Автору письма «Ременная педагогика»
    - Берегите чистоту души ребенка
      -
      - Что же это за плевелы зла и откуда они попадают в душу ребенка? От чего же нужно беречь ее?
      - Как же уберечь детскую душу от эгоизма?
    - Продолжаем себя в детях в сердцах сыновей
      - 1. Счастливые и несчастные семьи
      - 2. Альфа и омега воспитания
      - 3. Мудрость родительской любви
      - 4. Имеющий в руках цветы
      - Слово к отцам
      - Мы продолжаем себя в детях

■ [Оставить себя в человеке](#)

В. А. Сухомлинский

Родительская педагогика

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© ООО Издательство «Питер», 2017

© Серия «Родителям о детях», 2017

Беседа первая

К материнскому и отцовскому долгу человека надо готовить чуть ли не с колыбели – вот в чем проблема

Мать привела в школу дочь.

Мать... Она почти не изменилась с того времени, как 10 лет назад вышла к столу, взяла экзаменационный билет и без подготовки выдержала экзамен – блестяще ответила на все вопросы по истории. Потом – такие же ответы по литературе, по математике, химии, физике. Она была гордостью школы. Прошли годы. Сейчас она уже мать, привела записывать в дошкольную группу дочку. Словно угадывая мое желание узнать что-нибудь о ее жизни, молодая мать рассказывает:

– Поступила в институт, окончила два курса. Училась очень хорошо. Но суждено было иное. Вышла замуж. У мужа работа была связана с переездами, институт пришлось оставить. С мужем прожила полгода. Разошлись. Когда скажешь кому-нибудь об этом – сочувственно молчат или пытаются утешить какими-нибудь случайными словами. Не нужно ни сочувствия, ни утешения. Я в большой обиде на тех, кто воспитывал нас в годы юности.

Женщина вздохнула и замолчала. Я чувствовал, что ее волнуют те же мысли, которые не один год волнуют и меня, и спросил:

– Какая же у вас обида?

– Не учили жить. Ведь разошлись мы с мужем не из-за какого-то разочарования друг в друге, не из-за того, что, как привыкли говорить, «не сошлись характерами». Нет, мы просто не умеем жить. Не умеем быть мужем и женой. Ни он, ни я. Не умеем любить друг друга. Да, человеческая любовь требует большого умения. Мы просто не представляли себе, что это такое – любовь мужа и жены, и никто нам даже не пытался сказать об этом. Не умеем мы уважать друг друга. Не умеем чувствовать рядом с собой человека. Не умеем уступать друг другу. Не умеем подчинять чувства разуму, не умеем дорожить жизнью, – о, как это важно, уметь дорожить жизнью!

У нас тогда был большой разговор с молодой матерью. Он навсегда сохранился в моей памяти и в сердце. И сейчас, когда я стал писать «Родительскую педагогику», я подумал: где же первая страница этой книги? Первой страницы-то и нет – вот в чем беда. Строим здание, а фундамента нет. Ведь действительно, мы не

учим в школе самому главному – не учим жить. Учим всему, знают наши питомцы множество полезных и нужных (а иногда и не очень нужных) вещей: и в каком состоянии материя в центре Солнца, и сколько атомов вещества в кубическом сантиметре межзвездного пространства, и что записано было в законах царя Хаммурапи, и что такое гравитация... но ничего не знают о том, как человеку готовиться к семейной жизни, что это значит – быть женой и мужем, матерью и отцом своих детей. Не задумываемся мы – ни педагоги, ни родители, что важнейшая мудрость жизни, которую должен постигнуть каждый наш гражданин, – это человеческие взаимоотношения.

Забываем мы, что, образно говоря, каждое существо, рожденное человеком, еще не есть человек, человеком его надо сделать; каждое человеческое существо, как только оно научилось мыслить и чувствовать, устремляется к тому колодцу, который называется счастьем – человеческим счастьем. Каждый жаждет счастья, но далеко не каждый трудится, чтобы углубить этот колодец, открыть в нем новые родники. Учить в детстве открывать родники счастья для других людей – вот какого предмета пока еще, к сожалению, нет в школьном воспитании.

На педагога, который посвятил бы воспитательную беседу с восьмиклассниками или девятиклассниками теме «Взаимоотношения мужа и жены в молодой семье», посмотрели бы как на чудака. А между тем говорить об этом с молодежью значительно важнее, чем о гробницах ассирийских царей или о центре Галактики.

Замечали вы, конечно, вот что: как только на уроке в старшем классе заходит речь (по литературе, скажем, никак не обойдешь, программа требует) о любви, браке, рождении детей, лица подростков, юношей и девушек расплываются в улыбки, начинается шушуканье... В этом, как в зеркале, я вижу легкомысленное отношение старших к важнейшим вопросам жизни человека, к его будущему. Я считаю идеалом такое положение, чтобы в те мгновения, когда речь заходит о любви, браке, детях, человек – и маленький наш человек, ребенок, и подросток – должен чувствовать то же самое, что чувствует эмоционально воспитанный человек при виде тысячелетнего памятника искусства. Нам, старшему поколению, надо научиться говорить с детьми и юношеством о великом и прекрасном – любви, браке, деторождении, человеческой верности до гроба, о смерти и памяти сердца. До тех пор, пока мы не научимся об этом говорить и думать, мы не научим наших детей чистоте и красоте помыслов и чувств. Невежество же в этой сфере оборачивается слезами и горем детей.

На протяжении последних десяти лет я изучил причины разводов 200 молодых семей. 189 разводов произошли именно из-за неумения молодоженов понять друг друга. Вступая в брак, юноша и девушка понятия не имеют о той сложной, тонкой культуре взаимоотношений, которой требует жизнь в браке. Им никто не говорил, и они не знают, что жить в браке, жить изо дня в день вместе, в одной комнате, не в считанные часы свиданий, а всю жизнь, – это большой, ни с чем не сравнимый труд, духовный труд, напряжение. Для этого нужна огромная духовная культура, духовная подготовка, школа мудрости.

А школы этой, как ни странно, нет, нет поэтому и первой страницы «Родительской педагогики». Поэтому к рождению детей некоторые молодые люди подготовлены в нравственном отношении так же, как неграмотный человек, не знающий азбуки, подготовлен к постижению философии. Жизнь требует того, чтобы для юношей и девушек в старших классах средней школы был введен курс о культуре взаимоотношений в семье, о браке, рождении и воспитании детей. И читать этот курс должен духовно богатый, морально прекрасный человек. На убедительных фактах надо раскрывать перед завтрашними отцами и матерями суть той истины, что жить в браке – это значит ежечасно соприкасаться мыслью, сердцем, чувствами с человеком, сначала с мужем, с женой, а потом с детьми. Это очень сложно и тонко – постигнуть разумом и сердцем, казалось бы, на первый взгляд, простые жизненные вещи. Эти вещи требуют большой мудрости матери, отца, педагога. И если мы по-настоящему будем открывать перед юношами и девушками мудрость и сложность жизни, это поможет им стать зрелыми, осмотрительными, не будет того легкомыслия, которое еще есть сейчас во взглядах и поступках многих молодых людей.

Если бы мне поручили составление программы этого самого нужного в старших классах предмета – «Семья, брак, любовь, дети», я на первое место поставил бы вопрос культуры человеческих желаний. Ведь что такое умение жить в браке – человеческое умение любить, уважать друг друга, чувствовать человека рядом с собой? Это, прежде всего, умение руководить, управлять своими желаниями, умение поступаться частью своих желаний во имя блага семьи, родителей, детей, умение ограничивать свои желания. В мире, который дает простор для расцвета человеческих желаний, счастлив лишь тот, кто умеет быть властелином своих желаний, – запомните это, дорогие отцы и матери, и учите этому своих детей.

Разводиться торопятся прежде всего эгоисты, индивидуалисты – те молодые люди, для которых личные

желания превыше всего. Пусть будет в нашей мудрости, дорогие отцы и матери, которую мы передаем своим детям, самая сокровенная страничка: «Гармония желаний в молодой семье». Раскрывая письма этой странички, нам надо анализировать все, что может происходить в молодой семье; на поучительных примерах показывать, как возникают человеческие желания, какие из них можно удовлетворять и в каких именно условиях, а какие нужно уметь сдерживать; как подчинять свои желания общим интересам семьи. Я не преувеличу, если скажу, что молодые родители, не умеющие быть мужем и женой, зачастую так же беспомощны, неумелы и неопытны, как дети; им и помогать надо, к сожалению, как детям; и вот большое горе приходит тогда, когда эти взрослые дети рожают детей, – беда и обществу, и детям, рожденным теми, кто сам еще ребенок по своему нравственному и духовному развитию.

Раскрою маленькую тайну. Курс «Семья, брак, любовь, дети» есть. Мы уже несколько лет учим юношей и девушек, как морально готовиться к браку и жить семейной жизнью, в чем состоит культура человеческих взаимоотношений, как воспитывать своих детей. Безусловно, преподавать этот очень важный предмет при отсутствии на него времени в учебном плане – нелегкое дело. Но какими бы ни были трудности, надо преодолевать их, потому что предмет этот не менее важный, чем математика, физика, химия. Если не самый важный. Подумайте сами: не всем быть физиками и математиками, а родителями быть всем, мужем и женой – всем.

Пусть не поймут меня так, будто я принижаю роль математики и других естественных наук. Без знания этих предметов невозможен даже вход в приходящую науку. Но все же знания о человеке еще важнее. И если не сегодня, то завтра в школьном учебном плане предмет о культуре человеческих взаимоотношений будет стоять первым, ибо мы живем в век человека.

Дорогие отцы и матери, давайте же воспитывать у своих детей моральную готовность к материнству, отцовству.

Что это такое – моральная готовность к материнству и отцовству? Человеческая сущность наиболее ярко раскрывается в долге. В том, что человек возлагает на себя ответственность за другого человека. Долг, долг и еще раз долг – вот та атмосфера, в которой надо воспитывать существо, родившееся человеком, чтобы оно достойно было называться высоким именем Человека.

Беседа вторая

О гражданской и моральной ответственности родителей

Материнские, отцовские чувства трудно передать словами. Их может вполне постигнуть лишь тот, кто сам стал отцом или матерью. Помню волнующее событие, которое произошло у нас в школе. У молодых супругов – учителя и учительницы – долго не было детей. Десять лет ждали он и она – ждали родительского счастья и уже мало верили, что оно заглянет к ним. Но вот молодая женщина забеременела. Со слезами радости рассказала она об этом в учительской – сначала женщинам, ну а женщины рассказали мужчинам. Все радовались и поздравляли. А когда молодой отец привез жену с сыном домой, он, счастливый и взволнованный, зашел с ребенком на руках в школу. Хотел что-то сказать и заплакал. А потом, преодолев волнение, сказал: «С той минуты, как прозвучал его крик, я почувствовал себя совсем другим человеком. От сердца моего отделилась маленькая крошка, а чувство такое, что это второе мое сердце, второе мое существо». Потом он рассказывал, что и в классах, на уроках, он теперь совершенно по-другому увидел детей. «Каждая детская боль стала моей собственной болью».

Вдумаемся, отец и мать, в эти слова. Рождая ребенка, мы отделяем частицу своего сердца. Нет благороднее, выше миссии для человека-творца, чем отцовство и материнство. С той поры, как частица от твоей плоти стала дышать и открыла глаза на мир, ты возложил на себя огромную ответственность: каждое мгновение, видя своего ребенка, ты видишь себя. Воспитывая своего ребенка, ты воспитываешь себя, утверждаешь свое человеческое достоинство.

Есть десятки, сотни профессий, специальностей, работ: один строит железную дорогу, другой возводит жилище, третий выращивает хлеб, четвертый лечит людей, пятый шьет одежду. Но есть самая универсальная – самая сложная и самая благородная работа, единая для всех и в то же время своеобразная и неповторимая в каждой семье, – это творение человека.

Отличительной чертой этой работы является то, что человек находит в ней ни с чем не сравнимое счастье. Продолжая род человеческий, отец и мать повторяют в ребенке самих себя, и от того, насколько сознательным является это повторение, зависит моральная ответственность за человека, за его будущее. Каждое мгновение этой работы, которая называется воспитанием, это

творение будущего и взгляд в будущее.

В воспитании органически сливается общественное и интимное. В этом слиянии, на мой взгляд, и заключается гармония человеческого счастья. Если вы мечтаете оставить после себя след на земле – не обязательно быть выдающимся писателем или ученым, творцом космического корабля или открывателем нового элемента Периодической системы. Вы можете утвердить себя в обществе, воспитывая хороших детей. Хороших граждан, хороших тружеников, хорошего сына, хорошую дочь, хороших родителей.

Творение человека – высшее напряжение всех ваших духовных сил. Это и жизненная мудрость, и мастерство, и искусство. Дети не только и не столько источник счастья. Дети – это счастье, созданное вашим трудом. Помните это – и ты, юноша, с замиранием сердца ожидающий часа свидания с любимой, и ты, молодой отец, у которого в колыбели уже поет свою вековую песню дитя, и ты, поседевший, умудренный радостями и тревогами семейной жизни, отец детей и дедушка внуков своих. Счастье отцовства и материнства не манна небесная, оно не приходит праздничным гостем, как только вы, юноша и девушка, стали мужем и женой. Оно трудное и выстраданное – это счастье, оно приходит только к тем, кто не боится единообразного, многолетнего труда до самозабвения. Сложность этого труда состоит в том, что он представляет собой слияние разума и чувств, мудрости и любви, умение, наслаждаясь нынешним мгновением, тревожно заглядывать в будущее. Там, где утрачена эта мудрая отцовская и материнская способность, счастье становится призраком.

Вспоминается одна горькая история. Жил в нашем районе добрый человек, хороший, почитаемый и уважаемый труженик – комбайнер. За самоотверженный труд наградили человека орденом. Часто портреты его помещали в газетах, а однажды даже у дороги поставили стенд с большим портретом Ивана Филипповича и написали: вот с кого надо брать пример. Был у Ивана Филипповича сын – тоже Иван. Любили отец и мать единственного ребенка, но неразумной была эта любовь: удовлетворяли все прихоти Ивасика. Покупали все, что пожелает дитя (так до четырнадцати лет называли родители сына). А сын почувствовал, что он купается в лучах отцовской славы, не испытал никаких трудностей – и вырос большим лодырем. Все ему доставалось легко, но чем легче достаются человеку радости и счастье в детстве и отрочестве, тем меньше подлинного счастья знает он в зрелой жизни.

Задумайтесь над этой закономерностью воспитания, дорогие

мать и отец. Учителя приглашали, бывало, Ивана Филипповича в школу, но ему все некогда было: то на заседании правления колхоза, то в район вызвали для обмена опытом, то в соседний колхоз поехал проверять договор на социалистическое соревнование. Однажды случилось несчастье: избил Иван свою одноклассницу так, что врача пришлось вызывать. Послали за Иваном Филипповичем: иди, отец, скорее в школу, несчастье с сыном. «Какое несчастье?» – тревожно спросил отец. Рассказали, в чем дело. Отец облегченно вздохнул: «Я думал, что с ним какое-нибудь несчастье... Некогда мне сейчас в школу идти. Еду на слет ударников».

Вечером Ивана Филипповича все-таки удалось пригласить в школу. Выслушав взволнованный рассказ воспитателя, не сказав ни слова, он пришел домой, избил сына, объясняя причину своего гнева: «Чтобы в школу меня больше не вызывали». А на следующий день Ивасик пошел в поле, взял две горсти грязи и залепил глаза на отцовском портрете. Понял Иван Филиппович, что воспитание – это тонкая работа разума и сердца... понял, но поздно. Задумаемся над этой жизненной историей. Поучительна она и для того, чей сын в колыбели, и для того, у кого дочь – невеста.

Получил я недавно письмо от одного хорошего рабочего с Урала. «Наградили меня орденом, – пишет отец. – Все поздравляют, радость в доме. А сын, подросток 12-летний, пятиклассник, тоже поздравил меня – убежал из дому... Страшными стали для меня эти дни. Передумал все, что делал, как жил. И пришел к выводу: не сын виноват, а я. Не знал я, чем он живет. Единственной заслугой моей, кажется, только и было, что породил его... Ни одной детской радости не принес ему. А как только в школе какая-нибудь неудача у сына – избивал его. Возненавидел меня сын. Вот теперь я и стою на распутье: для чего мне и орден, и почет, и уважение товарищей, если нет самого главного...»

Вдумайтесь в эти кровью написанные строчки. Какая бы у вас ответственная, сложная, творческая работа ни была на производстве, знайте, что дома вас ожидает еще более ответственная, более сложная, более тонкая работа – воспитание человека. Это не только самая важная, самая нужная, самая неотложная работа для вас. Этого требует и великий принцип нашего общества: человек – высшая ценность среди всех ценностей мира. Надо понять каждому из нас, уважаемые отец и мать, что невоспитанный человек, нравственный невежда, недоучка – то же, что самолет, выпущенный в полет с испорченными двигателями: погибнет сам и принесет гибель

людям.

Если вас приглашают в школу, идите, договаривайтесь на производстве, чтобы вам дали отпуск. В селах нашей республики я знаю уже больше десяти колхозов, где отца, у которого не ладится что-то в семье с воспитанием детей, не допускают к работе на производстве недели две. В конце концов, нравственные невежды, недоучки причиняют вред обществу в тысячу раз больший, чем то, что отец получает на две недели отпуск (конечно, без оплаты), чтобы по-настоящему подумать о воспитании детей, заглянуть в душу самому себе.

Однажды я спросил у председателя колхоза, который строго придерживался правила об отпуске отцам-неудачникам: «Велики ли потери от этого для хозяйства? Оправданны ли эти потери?» Председатель ответил: «Прямых потерь нет – отец, вынужденный заняться только воспитанием, зарплаты не получает. Косвенные потери – рублей сто в год на весь колхоз. Но лучше обществу потерять сто рублей, чем потерять обществу одного человека».

Беседа третья

Видение собственного нравственного облика

Я читал, что в Москве ежемесячно справляют несколько тысяч свадеб. Это замечательно. Хотелось бы, чтобы каждый юноша, вступающий в брак, проверил себя, готов ли он к воспитанию детей. «А если не готов, – спросит юноша, завтрашний отец, – то что же, не жениться?» Нет, в этой тонкой сфере человеческой жизни не надо прибегать к столь категорическим ответам. В жизни человека огромную роль играет самовоспитание. Воспитанным можно назвать в полном смысле того человека, который умеет воспитывать сам себя.

И вот это видение собственного духовного мира, взгляд в собственную душу приобретает особую важность с того момента, как у тебя, юноша, возникла мысль о женитьбе. Жизнь с женой в браке и воспитание детей – это два лепестка одного и того же цветка. Помни, завтрашний отец, помни, молодой человек, у которого жена через несколько дней отправится в родильный дом, – помни, что радость отцовства можно сравнить с радостью садовника, который годами оберегал дерево от холода и зноя, лелеял его, ночами не спал и наконец увидел плоды своего труда. Воспитание детей – это отдача особых сил, сил духовных. Человека мы создаем любовью – любовью отца к матери и матери к отцу, глубокой верой в достоинство и красоту человека. Прекрасные дети вырастают в тех семьях, где мать и отец по-настоящему любят друг друга и вместе с тем любят и уважают людей.

Я сразу вижу ребенка, у которого родители глубоко, сердечно, красиво, преданно любят друг друга. У такого ребенка мир и покой на душе, стойкое душевное здоровье, чистосердечная вера в красоту человеческую, вера в слово воспитателя, чуткость к тонким средствам влияния на человеческую душу – доброму слову и красоте.

Проверь себя, юноша, загляни в свою душу: способен ли ты любить людей, отдавать им свои душевные силы? Без этой способности вся родительская педагогика превратится в звук пустой. Помни, что воспитываешь ты детей, прежде всего, настоящей любовью к жене. А по-настоящему любить – это отдавать, вкладывать душевные силы, видеть частицу вложенного тобой добра в другого человека. Хороший муж создает счастье своей семьи любовью, и эта любовь, как солнечное тепло и

солнечный свет, собранные в цветке розы, – эта любовь становится нравственной красотой твоих детей, отец.

Любить жену – это значит уважать ее, беречь, боготворить – да, не бойтесь этого слова, верить разумом и сердцем, что она – лучшая из всех женщин мира, потому что она твоя жена и мать детей твоих.

Может быть, уважаемый отец, тебе кажутся странными эти слова в книге, названной автором «Родительской педагогикой». Может быть, ты думаешь: какое это имеет отношение к воспитанию детей? Прямое, непосредственное. Супружеская любовь, верность, взаимная преданность и помощь – это тончайшие корни, питающие дерево материнской и отцовской мудрости.

Поэтому проверь себя, завтрашний отец, хватит ли у тебя духовных сил на этот нелегкий труд – всю жизнь любить свою жену.

Как проверить? Как любить? Есть такая опасная вещь – лень души. Загляни себе в душу, нет ли в ней зернышка этой беды. Если есть – выбрось ее, не дай прорасти дурманом. Лень души – это равнодушие к человеку. Ты идешь по улице многолюдного города, видишь среди множества лиц человека, в глазах которого смятение и отчаяние. Твои глаза скользнули по этим единственным в мире глазам, но не донесли до твоей души ни отчаяния, ни смятения, ты не подумал, что перед тобой – горе, возможно, перед тобой гибель целого мира, ведь каждая человеческая душа – это неповторимый мир. Если ты не чувствуешь этого мира, значит у тебя первые признаки этой болезни – лени души. Преодолей в себе эту болезнь. Всматривайся во все, что происходит вокруг тебя. Учись видеть и чувствовать человека. Помни, что самое главное в окружающем тебя мире – человек. Человек со всей своей сложностью и многогранностью, со своими радостями и горем: если не преодолеешь в себе эту болезнь в самом ее зародыше, то не сумеешь видеть и чувствовать в своей жене человека, не сумеешь любить ее, не сумеешь творить в ней красоту и благородство и поэтому не сумеешь правильно воспитывать своих детей.

Беседа четвертая

Что возвышает вас в глазах ваших детей

Семья в нашем обществе – первичная ячейка многогранных человеческих отношений – хозяйственных, нравственных, духовно-психологических, эстетических.

Вот судьба одной семьи. Молодой агроном и работница животноводческой фермы совхоза начали свою семейную жизнь светло и радостно. Молодой семье помогли построить каменный дом. На приусадебном участке хозяин посадил виноград, завел пасеку. Достал редкие сорта яблонь и груш. Дом Николая Петровича с садом и виноградником стал тихим уголком. Но тяжелой и пасмурной была жизнь в этом доме. С каждым годом все больше и больше охватывала хозяина страсть обогащения. Он обнес усадьбу высоким забором. С ранней весны до поздней осени ночевал в саду – чтобы никто, чего доброго, не сорвал цветок, яблоко или гроздь винограда. Весь урожай сада шел на рынок. Мария, жена Николая Петровича, просила оставить хоть что-то дома, но хозяин был неумолим. Около дома построил каменный погреб, сарай, сделал электрическую установку для полива сада и огорода. Достал невиданные сорта помидоров и начал выращивать их – тоже для продажи. В глубине сада появилась теплица – тут выращивались не только ранние помидоры, но и цветы – тоже на продажу.

У Николая Петровича и Марии была единственная дочь. Отец запретил ей приглашать домой товарищей.

Закончила Оксана школу, стала работать лаборанткой на маслозаводе. Полюбил девушку молодой механизатор. Один раз тайно от отца пришла девушка с юношей в заснеженный сад, открыла теплицу и подарила ему несколько цветков. Внезапно пришел отец, разозлился, увидев дочь и молодого человека в теплице, вырвал цветы...

– Больше ноги моей не будет в этом проклятом доме, – сказала Оксана. – Вы, отец, старались убить во мне все человеческое. Вы отравили мне детство. Ваша душа жестока.

Оксана ушла от родителей, а через несколько лет ушла к дочери и мать. Остался Николай Петрович один со «своими сокровищами». Вот так счастье становится призрачным и отравляющим, если оно основано на низменных страстях.

Добро только тогда добро, когда оно для людей, – вот что нужно помнить нам, уважаемые родители, устраивая свое тихое семейное гнездо. Наивысший принцип нашего общества: все для

человека, все во имя счастья человека – не какая-то абстрактная истина. Это также принцип глубоко личного, тайного – наших взаимоотношений с теми, кого свела с нами судьба, чтобы продолжать человеческий род, с родителями и родными.

Однажды пришел ко мне отец нашего ученика и жалуется: «Что делать с сыном-пятиклассником? Становится непослушным, обманывает, уклоняется от работы. Вот недавно было: не пошел на пионерский воскресник сажать деревья, сказал, что болен, а на самом деле играл в футбол». И больше всего беспокоило отца вот что: живет подросток только для себя, сердце его становится холодным, безразличным, взгляд – непроницаемым. Выслушал я жалобы отца и спросил: позвольте говорить откровенно, как отец с отцом? Да, согласился тот.

Тогда я сказал: почему же ваша мать живет в маленькой каморке? Почему вы отделили ее от семьи – от себя и внука, не приглашаете даже обедать за общий стол? В каморке матери – одно окно, и то разбитое, неужели вы этого не видите? И вы хотите, чтобы сын был коллективистом? Вы говорите ему высокие слова об обязанности перед коллективом, про то, что пионер должен близко к сердцу принимать интересы Родины? Помните, что тончайший корень, который питает великое дерево любви к Родине, – это та минута в жизни вашего сына, когда он принесет бабушке яблоко из сада и цветок розы, поставит перед ней стакан свежей, ключевой воды и поправит подушку в изголовье.

Поднимайте сами себя в глазах своих детей, старайтесь, чтобы дети видели высший смысл вашей жизни в посеве того зерна, из которого вырастает буйная поросль человеческого счастья.

В село приехал молодой учитель – только что закончил университет. Пошел как-то читать лекцию на животноводческую ферму. Познакомился с девушкой – синеглазой, белокурой красавицей. Рассказала девушка о своей судьбе: отец погиб на фронте, мать тяжело больна, ей пришлось оставить пятый класс и пойти на ферму. Полюбил учитель девушку. Предложил ей выйти за него замуж. Решительно отказалась девушка: «Вы университет закончили, а я...» Но не отступился юноша от красавицы и от мечты своей. Три года учил девушку. Долгими зимними ночами сидели они вдвоем над учебниками. Девушка была способной и настойчивой: сдала экзамены за среднюю школу, поступила учиться в медицинский институт – только тогда согласилась выйти замуж. Окончила институт, стала врачом. Живет счастливо супружеская пара, воспитывает пятерых детей.

Дети у них хорошие – дружные, сердечные, чуткие к малейшим движениям материнской или отцовской души, добрые,

послушные, заботливые и трудолюбивые. Главное, что бросается в глаза, когда смотришь на детей этих счастливых родителей, – они сознательно стремятся к тому, чтобы не принести горя, тревоги, печали своим родителям. Стремление детей принести счастье своим родителям – это то, что вложили отец и мать своей сердечной заботой друг о друге, своей взаимной преданностью, тонкой человеческой чуткостью. Мы, родители, воспитываем своих детей прежде всего своими взаимоотношениями. Про это следует помнить всегда.

Беседа пятая

Берегите в душе ребенка веру в высокое, идеальное, незыблемое

Перед ребенком открывается мир. Он познает много новых для него вещей, все для него новое, все его волнует: и солнечный зайчик в комнате, и сказка об Ивасике-Телесике, и яркая бабочка, и далекий лес на горизонте, и белое облачко в небе, и седая голова бабушки. Но открывается перед ребенком и другое: человек. Первое, с чего начинается познание мира ребенком, – это ласковая материнская улыбка, тихая колыбельная песня, добрые глаза и теплые материнские руки. Если бы мир все время смотрел в душу ребенка ласковыми глазами матери, если бы все, что позже встретит ребенок на своем жизненном пути, было таким добрым и ласковым, как добрая мать, – на свете не было бы ни горя, ни преступлений, ни трагедий, я имею в виду наш, социалистический мир, где нет социальных причин для горя, преступлений, трагедий.

Вот так и начинает ребенок познавать мир человека – с матери и отца, с того, как обращается мать к нему, как отец относится к матери. Из всего этого и складываются первые детские представления и понятия о добре и зле.

В хорошей семье, где мать и отец живут в согласии, где господствуют чуткие отношения к слову, к мысли и чувствам, к взгляду, еле заметному оттенку настроения, в отношениях добра и согласия, взаимной помощи и поддержки, духовного единства и щедрости, доверия и взаимного уважения родителей, перед ребенком раскрывается все то, на чем утверждается его вера в человеческую красоту, его душевное спокойствие, равновесие, его непримиримость ко всему аморальному, антиобщественному. Если вера эта разрушена, в детскую душу ворвется трагедия, горе. Нет ничего опаснее для семьи, для школы, для нравственной полноты жизни нашего общества, чем ребенок – страдающий, несчастный – на обломках своей веры.

Вспоминается тяжелая доля Николая Прохоренко. Как только услышу слова «детское горе», так и видится мне он. С болью и мольбой в глазах пришел он к отцу, который оставил семью, и спрашивает: «Папа, когда ты придешь ко мне? Я так хочу, чтобы ты пришел...» До девяти лет Николай видел во взаимоотношениях отца и матери только хорошее. Отец помогал матери в ее работе по дому, вечером садился с сыном за стол и рисовал птиц, зверей, какие-то фантастические существа... Он

работал шофером, летом брал сына в недалекие поездки. Сколько радости приносило это ребенку!

И вдруг все изменилось. Мама и папа стали как чужие. Садись за стол обедать и опускали глаза, чтобы не глядеть в глаза друг другу. Потом случилось самое страшное: отец больше не приходил домой. Мать сказала: «Теперь мы будем жить без отца». Это поразило, оглушило ребенка. Трудно, очень трудно воспитывать таких детей в школе. Тут уже необходимо быть не только педагогом, но и врачом души, спасителем. Много духовных сил требуется приложить к ребенку, который утратил веру в высокое, идеальное, нерушимое, чтобы он снова верил и в человека, и в добро.

То, что случилось в семье Коли Прохоренко, не исключительный случай. Родители, которые не могут или не умеют подняться на вершину человеческих чувств и человеческого благородства, сеют несчастье и пожинают зло.

Бывает и так, что детская вера в добро не разрушается, как у Коли Прохоренко, но ребенок становится непослушным, до него, как жалуется отец, не доходят добрые слова. В таких случаях, уважаемые родители, посмотрите на себя. Где-то есть трещинка, вначале маленькая, незаметная, в ваших взаимоотношениях. Это могут быть самые разные тонкости духовно-психологических и морально-эстетических «выбоин» на нелегком пути семейной жизни: и равнодушие, когда человек не видит человека, с которым он на всю жизнь соединил свою судьбу; и плохо скрытое недовольство друг другом; и та духовная несовместимость, когда люди, которые собрались пройти вместе весь жизненный путь, исчерпались духовно за несколько лет и надоели друг другу.

Оберегать свой семейный путь от этих «выбоин», уметь творить великое, бесценное богатство семейной жизни – взаимную любовь, – значит иметь в доме наиболее приятный для воспитания детей микроклимат.

Беседа шестая

Умейте беречь и уважать, возвеличивать и усовершенствовать человеческую любовь – самое тонкое и самое капризное, самое нежное и самое сильное, самое хрупкое и самое крепкое, самое мудрое и самое благородное богатство человеческого духа.

Об этом богатстве написаны тысячи поэм, сложены миллионы песен. Я хочу вместе с вами, уважаемые отцы и матери, взглянуть на ту грань любви, о которой мало говорят, – любовь как воспитатель ребенка.

Яркой звездой на небосклоне моей памяти навсегда останется воспоминание о жизни Николая Филипповича – хорошего врача и чуткого человека. Сорок два года работал он в большом приднепровском селе. Жена Мария родила ему шестерых детей – трех сыновей и трех дочерей. Когда после сложной операции приходил, бывало, Николай Филиппович, утомленный и обессиленный, Мария говорила: «Ложись вот здесь, в виноградной беседке, отдохни, нет работы более изнурительной, чем твоя...» Он, улыбаясь, отвечал: «Нет, самая тяжелая в мире работа – это работа матери. И самая тяжелая, и самая изнурительная, и самая почетная. Я помогаю людям в горе, ты создаешь человечеству счастье, создаешь человечество».

Вспоминая жизнь Николая Филипповича, я думаю: в этой жизни выразилось богатство человеческого духа – человеческой любви. Летний рассвет. Спит Мария, утомленная ежедневными заботами о детях, спят сыновья и дочери. Тихо встает Николай Филиппович, чтобы не разбудить жену и детей. Идет в сад, срезает цветок розы, приносит в спальню, ставит в деревянную вазочку на ночном столике около кровати жены. Вырезал эту вазочку Николай Филиппович в первый после женитьбы год, вырезал несколько месяцев, стоит она, похожая на кленовый листок... Спит и не спит Мария, слышит сквозь сон осторожные шаги Николая Филипповича и уже не может заснуть от острых запахов розы, лежит, счастливая, с закрытыми глазами еще с полчаса.

Так было каждое утро – годы, десятилетия. Построил Николай Филиппович маленькую теплицу – специально для цветов; приходил в теплицу на рассвете и в лютые морозы, и в осеннюю непогоду, и ранней весной, брал нежный цветок и нес его жене. Подрастали один за другим дети. И, подрастая, вставали вместе с отцом на рассвете, и в вазе уже было два, потом три, потом четыре, пять, шесть, семь цветков...

Умер Николай Филиппович. Разлетелись в разные уголки

нашей Отчизны сыновья и дочери, а мать Мария еще и сегодня живет в большом приднепровском селе. И как бы далеко от нее ни жили сыновья и дочери, раз в год приезжают они к матери – в день ее рождения; и снова в деревянной вазе пламенеют семь роз – шесть от детей и одна от отца – символично. Ни к кому из детей не может пойти жить мать Мария, ибо, дав преимущество кому-то одному, смертельно обидит других.

Вот о чем я думаю всегда, когда речь заходит о том, как воспитывать детей. Человеческая любовь – могущественная сила воспитания. Тот, кто умножает жизнью своей это бесценное богатство человеческого духа, – тот, воспитывая самого себя, воспитывает своих детей. Ибо, как писал Л. Н. Толстой, суть воспитания детей заключается в воспитании самого себя. Воспитание самого себя есть могущественный способ влияния родителей на детей.

Вот почему, уважаемый отец и уважаемая мать, уважаемые юноша и девушка, которые готовятся вступить на первую ступеньку семейной жизни, поговорим сегодня о любви – это и есть разговор о святой святых воспитания. Про любовь человеческую – это необходимо еще и еще раз подчеркнуть, так как она не только счастье, не только чистейший источник радости и человеческих удовольствий. Она ведет к самому радостному и самому приятному, но одновременно и к самому трудному, самому сложному и самому ответственному человеческому долгу – ибо этот долг вечный к браку. Брак и его узы, писал Вольтер, либо самое большое добро, либо самое большое зло. Когда он добро – тогда это само небо на земле... Если вы понимаете всю сложность брачного союза как гражданского долга, как долга души и тела, разума и идеала, тогда брак, став самым большим добром, станет вместе с тем и благодатным полем труда – большого, неутомимого труда, а этот труд, уважаемые отец и мать, и называется человеческой любовью.

В тонкостях этого труда и заключается мудрость воспитания детей. Человеческая любовь – это не природное влечение и природный инстинкт, хотя и основана она на взаимном влечении противоположных полов и немыслима без инстинктивного начала. Но уже через месяц после вступления в брак любящие исчерпают себя, если к браку толкнуло только природное влечение, только инстинкт, так как это не человеческая любовь. Человеческая любовь – это союз души и тела, разума и идеала, счастья и долга.

И через все это красной нитью проходит труд, труд и еще раз труд – неусыпный и неустанный труд, который создает богатство человеческого духа в тебе самом, отец и мать.

Юноша и девушка пылко полюбили друг друга. Им советовали: присмотритесь хорошенько, узнайте лучше друг друга. Нет, мы уверены в своей любви, она – вечна. Поженились, прожили несколько месяцев, она забеременела, и вот молодому мужу попалась на глаза другая девушка, он вдруг почувствовал, что любви к жене нет. Вот вам еще один развод, для общества еще одна трагедия, для человека же, который еще не родился, горе на всю жизнь. Почему такое бывает и что делать, чтобы такого не было, как нужно воспитывать молодежь?

Не только воспитывать, но и, прежде всего, воспитываться – вот что важно. У наших молодых никакой любви и не было. Была потребительская жажда удовольствия, которую они ошибочно приняли за любовь. В их браке не было главного – неусыпного труда, который по сути своей – вклад своих духовных сил в другого человека, чтобы этот человек был лучше – духовно богаче, счастливей. Это главное – счастливей. Когда молодые супруги взаимно творят счастье, когда в будничных заботах есть это самое тонкое и самое крепкое человеческое богатство, то взаимная любовь вечна, тогда не сможет внезапно открыться, что один человек лучше другого. Если речь идет о любви и браке, то вообще нельзя делать такого сравнения – один лучше, другой хуже. Каждый человек неповторим, с рождением нового человека рождается новый мир, и когда у матери рождается ребенок, то она, жена и мать, становится в тысячу раз неповторимей в своей красоте, однако эту неповторимость создаем мы, создаем своим неутомимым трудом. Есть старинная украинская мудрость: у хорошего мужа и жена хорошая, твоя жена – это колодец, загляни в него, каким ты увидишь себя, такова и твоя жена.

Самое сильное, самое тонкое богатство человеческого духа – любовь – действует на ребенка как музыка, как чарующая красота, что пленяет душу. Это богатство постоянно настраивает чуткую струну детского сердца – чуткость к слову, к доброй воле, к ласке и сердечности. Тот, чье детство освещено солнцем любви как неустанного труда, кто взаимно творит счастье, отличается исключительной чуткостью и восприимчивостью к отцовскому и материнскому слову, к их доброй воле, к их поучениям и напутствиям, советам и предостережениям.

В семье Николая Филипповича было такое правило: когда семья кончает обедать, все дети (разница в годах между ними была не так велика – девять лет) убирают со стола, моют посуду. Однажды семья обедала во дворе, под грушей. Самая младшая, шестилетняя дочка, забыла о своем долге. Мать укоризненно покачала головой и взялась за дело, которое должна была выполнить дочка. Девочка заплакала, она остро пережила укоры

совести... Как же, воспитывая самого себя, воспитывать детей?

Если среди богатства синонимов, какими наша речь обозначает человеческую любовь, выбрать тот, который выразительнее всего передает суть любви как неутомимого труда, то таким синонимом будет слово долг. Воспитательная сила человеческой любви – это красота долга человека перед человеком. Любить означает чувствовать сердцем тончайшие духовные потребности человека. Вот эта способность чувствовать человека сердцем и передается от отца и матери ребенку без каких-либо слов и объяснений, передается примером. Николай Филиппович не требовал от детей, чтобы они вставали рано утром с ним вместе и приносили материнский или, как говорили девочки, ранний цветок. Он не вкладывал особых усилий в то, чтобы дети видели, как он идет в сад или в теплицу и приносит цветок. Дети спали и как бы сквозь сон чувствовали, что и для чего делает отец, какие чувства он выражает, что дают эти чувства матери. Дети учились улавливать самое большое человеческое стремление – стремление к счастью. Им хотелось идти навстречу этому стремлению, и они шли, творили добро, давали матери радость.

Ранний цветок для матери – это вершина красоты, богатства человеческого духа, созданного неутомимым трудом в семье Николая Филипповича. А к этой вершине вели каменистые и тернистые тропы. Воспитывать шестерых детей – этот труд требовал от матери больших физических и духовных сил. На каждом шагу дети видели, можно сказать, сердцем ощущали отношение отца к нелегкому труду матери. Детей – как только они могли понять это разумом и сердцем – волновало не только то, что отец брал на себя все, что мог взять, чтобы облегчить работу матери. Их особенно волновало внимание, чуткость отца, способность его души чувствовать, что матери нелегко, что ей нужно помочь. Развитие этой способности и есть воспитание самого себя – лучший, нагляднейший пример, про роль которого говорил великий мудрец Л. Н. Толстой. Там, где молодой отец на глазах своих маленьких детей неустанно развивает эту способность, где хлопоты и заботы жены постепенно становятся и его хлопотами и заботами, семья является школой эмоционального и нравственного воспитания детей. Казалось, никто специально и не учит детей: не будьте равнодушны к людям, а они – чуткие, приветливые, доброжелательные, внимательные. Эту чуткость развивает в них отцовское самовоспитание.

Человеческая любовь – это не только бесценное богатство человеческого духа. Она вместе с тем и вечно меняющееся

богатство. Это не бриллиант, блеск которого не изменяется десятилетиями. Это драгоценный камень, игра красок которого изменяется с каждым годом, даже месяцем, и самое удивительное, что хозяином и повелителем этой игры красок становится тот, кому принадлежит этот камень. Умейте быть чародеем, от мудрости которого зависит великое искусство сохранения переливов красок драгоценного камня на всю жизнь. От этого искусства зависит воспитательная сила вашей любви, больше того – зависит и крепость брака как союза души и тела, разума и идеала, счастья и долга. Скоропреходяща страсть первых месяцев супружеской любви, и если, кроме этой страсти, брак ни на чем не держался, драгоценный камень вашей любви превратится в уголек. И вместо неба в ваш дом придет ад, а для детей – страдание, равнодушие, неверие в человека. В высоконравственном браке огонь первой страсти – самое дорогое воспоминание на всю жизнь, он как бы свет, отраженный новой жизнью, – взаимным творением счастья, воспитанием детей. В высоконравственной многолетней любви на каждом шагу выражается человеческое отношение человека к человеку, и прежде всего мужа к жене. Человеческое отношение к жене и матери – это отношение к источнику жизни, к самой жизни. Ибо женщина, жена, мать – прежде всего творец новой жизни, и когда эта мысль, этот идеал красной нитью пронизывает всю семейную жизнь, ребенок учится на примере родителей – прежде всего отца – дорожить жизнью, относиться к ней как к наивысшей ценности, которую ни с чем нельзя сравнить.

Учить дорожить жизнью – вот тот столбовой корень нравственного поведения, от которого питаются ветви чуткости, сердечности, заботы о человеке. Я знаю одну хорошую семью: муж – учетчик тракторной бригады, мать – доярка. Работа у матери нелегкая. Несколько дней в неделю необходимо начинать рабочий день на ферме в шесть часов утра. Чтобы приготовить завтрак, необходимо встать в четыре. Муж не разрешает жене вставать так рано. В четыре встает он, готовит завтрак и обед, провожает жену на работу, а потом детей в школу.

Возвращается муж с работы в четыре часа, дети уже дома, жены еще нет. Пообедав, отец вместе с детьми готовит ужин. Общая работа отца и детей одухотворяется мыслью: маме нашей нелегко, у нее сегодня напряженный день, приготовим вкусный ужин, сделаем все для того, чтобы, вернувшись с работы, она могла отдохнуть. Работа для детей не игра, а забота о самом дорогом человеке – матери. Самым дорогим человеком мать становится благодаря тому, что изо дня в день прикладываются силы физические и духовные, чтобы принести ей радость.

Дорогим для людей становится то, во что вложены силы души. Если вы, мать, хотите быть для своего сына, своей дочери самым дорогим в мире человеком, одухотворите их стремлением творить радость, счастье для вас же.

Отношение к венцу красоты человеческой – женщине – познается детским сердцем в тончайших, незаметных пустяках. Каждый раз, когда у матери нелегкий, напряженный рабочий день, отец, приготовив вместе с детьми ужин, достает чистое полотенце и вешает его около умывальника. Мать – самая большая труженица, в этом чистом полотенце – уважение к ее труду, к красоте человеческой, к источнику жизни.

Это и есть воспитание любви, воспитание себя самого и детей своим поведением. Только там, где отец сам воспитывает себя, рождается детское самовоспитание. Без яркого примера отца все разговоры о самовоспитании детей остаются пустым звуком. Без примера родителей, без света и тепла родительской любви, выраженной во взаимной заботе и уважении, оно просто невысказано. Ребенку хочется быть хорошим лишь тогда, когда он видит идеальное и увлекается этим идеальным. В этой очень тонкой сфере воспитания нравственные понятия формируются только на основе благородных человеческих чувств. А чувства детей вызываются чувствами родителей.

Вот что рассказывала моя воспитанница Валя Кобзарь накануне торжественного дня окончания школы – о самом глубоком переживании детства: «Мне было лет семь, когда тяжело заболела мама. Отец ночами сидел около больной. В памяти сохранилось воспоминание. Просыпаюсь я как-то на рассвете. Мать тяжело дышит, а отец наклонился над нею, смотрит на ее лицо, и такая невыносимая печаль в его глазах, такая боль и такая любовь, что в ту минуту передо мной раскрылась неизвестная сторона человеческой жизни – верность. Мне кажется, что я с того утра по-настоящему полюбила отца.

Прошло десять лет. Папа и мама живут в мире и согласии. Они для меня самые дорогие люди на свете. Какой-то особенной любовью я люблю отца. Не было такого случая, чтобы я не послушала его совета или сказала ему неправду. Всегда, когда я смотрю ему в глаза, вижу неугасимый свет великой человеческой любви».

Вдумайтесь, отец и мать, в эти слова. Что мы оставляем в сердцах своих детей – оставляем своими делами и словами, поступками и чувствами? Чем мы запомнимся нашим детям, чем возвысим себя в их глазах? Есть единственная могучая духовная сила, которую ни с чем нельзя сравнить, которая способна запечатлеть в душах наш образ – образ настоящей человеческой

красоты. Эта сила – великое богатство человеческого духа – любовь. Будем же создавать это богатство своей жизнью. Есть она в наших родительских сердцах – есть чем воспитывать детей.

Беседа седьмая

Моральные ценности семьи

Идеал семейного счастья в украинской народной педагогике прекрасно выразил великий наш поэт И. П. Котляревский: «Де згода в сімействі, де мир і тишина, щасливі там люди, блаженна сторона...» Когда я вдумываюсь в это большое и многогранное понятие – согласие в семье, мне сразу вспоминается семья Алексея Матвеевича. Это наш колхозник, уважаемый всеми земляками человек. Он и жена его Мария Михайловна учились когда-то в нашей школе, сейчас мы воспитываем их троих детей.

Нас, учителей, трогало, что в этой семье между родителями и детьми господствуют отношения сердечности, откровенности, прямоты. И это требует особого внимания каждого, кто хочет понять тайны родительской педагогики – тонкой, сердечной чуткости человека к человеку. Марийка возвращается из школы, не успела она еще и дверей открыть, как по ее глазам мать почувствовала: у дочки в школе не все благополучно.

– Рассказывай, дочка, что там у тебя?

Дочка рассказывает, что сегодня была контрольная работа по алгебре, задача была трудной, наверное, ошибку допустила при вычислении... Бабушка Мария печально, безмолвно сидит около окна – и к ней один за другим подходят встревоженные дети, спрашивают: «Что у вас болит, бабушка, может, вам дать что-нибудь?» После школы, отдохнув, Олеся, Петрик и Марийка садятся за выполнение домашних заданий. Ко всему приходят своими силами – это стало в семье одним из самых важных правил.

Однажды – еще тогда, когда Олеся исполнилось четыре года и из семьи Алексея Матвеевича в школу приходили двое учеников, – на родительском собрании зашла речь об этой тонкой, нежной стороне духовной жизни детей в этой семье, высокоразвитом чувстве чести, стремлении все сделать своими силами. «Расскажите, уважаемая Мария Михайловна, – обратился к матери классный руководитель, – расскажите, пусть все родители послушают: как воспитываете вы своих детей? Как отшлифовываете в их душах вот эту драгоценную черту, которая для большинства семей пока еще, к сожалению, остается неуловимой, фантастической птицей?»

Мать усмехнулась и ответила: «Некогда нам с мужем воспитывать детей. Каждый день мы на работе: муж – на животноводческой ферме, а я – и в поле, и на току, и в саду – где

нужно, там и работаю летом, а зимой вместе с мужем – на ферме. А они с бабушками дома. Закон у нас в семье такой: как только ребенок встал на ноги – работай. И не только для себя, но и для людей. И на людей смотри человеческими глазами... Это нерушимый закон. А воспитывать нам некогда... Пусть про воспитание расскажет тот, кто не работает, сидит с ребенком да еще воюет с ним из-за двоек, как слышала я не раз...»

И нам, учителям, и родителям стало ясно: то, про что говорит мать как про отсутствие воспитания, это и есть настоящее воспитание.

В чем же оно состоит – в чем тот нерушимый закон, о котором говорила мать?

В глубоком благородстве, красоте человеческих взаимоотношений. Не один год думаем мы о тех духовных силах, что объединяют людей в семье Алексея Матвеевича, видим все новые и новые грани этих сил в других семьях – и для нас становится очевидным: самое главное моральное богатство, которое имеет огромную воспитательную силу, – взаимоотношения заботы, взаимоотношения уважения. В семье Алексея Матвеевича (и во многих других прекрасных семьях) господствует культ Человека, культ долга перед Человеком.

Могучая духовная сила воспитания заложена в том, что дети учатся смотреть на мир глазами родителей, учатся у отца уважать мать, бабушку, женщину, человека. Женщина, мать, бабушка в семье становятся, можно сказать, эмоциональным, эстетическим, нравственным, духовным центром семьи, ее главою. Отец пришел с работы – и первое, что он спрашивает у детей, что ему нужно непременно знать, как здоровье бабушек – его матери и матери жены. Как бы он ни был занят, какие бы ни были неотложные заботы и хлопоты – первая забота, первые хлопоты – для бабушек. Дочка Мария на всю жизнь запомнила тот праздничный день, когда отцу исполнилось 30 лет. Должны были прийти гости, все готовились к семейному празднику. Но вдруг заболела бабушка Мария – мамина мама. «Ни о каком празднике не может быть и речи», – сказал отец и повез бабушку в больницу.

Вот что означает тот человеческий закон, о котором говорила на родительском собрании мать, – на людей смотреть человеческими глазами. Когда Олеся – самой младшей в семье Алексея Матвеевича – исполнилось четыре года, умерла мамина мама. Это было в мае. Дети посадили на бабушкиной могиле цветы. А дома недалеко от хаты посадили куст розы, назвали его розой бабушки Марии. Ежегодно в ясный майский день Мария, Петрик и Олеся несут цветы розы на бабушкину могилу. Этот день так и зовется в семье – бабушкин день.

Может, некоторым читателям кажется: нужно ли говорить об этом – о цветах на могиле, о кустах роз, посвященных умершей, про семейный день – день бабушки. Да, без этого немыслимо настоящее воспитание, без этого нет тех духовных сил, на которых держится семья. Есть старая французская пословица: мертвые мстят живым за то, что живые забывают о мертвых.

Жизнь учит, что мстят жестоко: на хорошей, жизнеспособной земле вырастает чертополох, люди с каменными сердцами, бездушные, холодно-расчетливые. Уважение и почтение к памяти умерших – огромный капитал, проценты с которого идут живым. Это тончайшие корни, которые несут животворные соки земли к дереву, имя которому – человечность.

В семье Алексея Матвеевича отец делает все для того, чтобы дети дорожили матерью. Летом и ранней весной на животноводческой ферме работать легче, чем в звене, где мать выращивает сахарную свеклу. И вот в дни напряженного нелегкого труда Алексей Матвеевич идет в поле, а жена – на ферму. Дети привыкли к тому, что отец всегда берет на себя самую тяжелую работу, и учатся у него смотреть на мать глазами благородного сильного мужчины.

Искусство воспитания в таких семьях, как семья Алексея Матвеевича, в том и состоит, что моральное богатство создается взаимоотношениями, в которых тесно переплетаются любовь и добро с суровым долгом и трудом, с личным примером. Дети Алексея Матвеевича и Марии Михайловны трудолюбивы, правдивы, сердечны именно потому, что в образах самых дорогих для них людей – отца и матери – перед ними раскрывается благородное видение человека и самих себя. Передавая детям самые тонкие духовные черты человеческого благородства, отец с малых лет пробуждал у них чуткую совесть – умение дорожить добром в самом себе, быть требовательным к самому себе.

Если в нескольких словах выразить всю мудрость родительской педагогики, то она заключается в том, чтобы дети наши были тверды и суровы в требованиях к самим себе, чтобы – тут я нарочно впадаю в преувеличение, – собирая сына на свадьбу, где все гости – горькие пьяницы, мать могла быть уверена, что сын ее придет домой трезвым... Требовательность к самому себе, моральный закон в собственном сердце, честность и правдивость наедине с собой – для родителей это высокая мечта, идеал. И достигается он тогда, когда любовь, доброта, ласка соединяются со строгой требовательностью, с долгом, с непримиримостью к злу, неправде, обману.

Перед торжественным днем вступления в комсомол Марийка рассказала мне: «Я не помню, с какого времени я начала работать.

Сколько себя помню – всегда работала. Это было очень, очень давно. Наверное, тогда мне было лет семь. Отец сказал мне: посади вот эти три саженца винограда. Я уже хорошо умела это делать. Выкопала ямки, залила водой и посадила. А корни не обмакнула в глиняный раствор. Помню, подумалось, они же будут закрыты землей, никто не узнает – смочены корни в глиняном растворе или нет. Посадила, полила. Отец вечером спрашивает: а корни замочила в глиняном растворе? Никогда в жизни – ни до этого, ни после я не обманывала, а тут сказала неправду. Конечно, отец сразу заметил обман. Он не сказал ни слова, а только глянул мне в глаза внимательно-внимательно. Вздыхнул как-то тяжело, как будто кто на плечи ему положил тяжелую ношу. Откопал мои саженцы, намочил в ведре с мокрой глиной... А я стояла и смотрела... И лицо мое горело от стыда. Закончив работу, отец сказал: “Можно обмануть кого-то, а себя никогда не обманешь”».

Бывает, родители плачутся: «Что нам делать с сыном? Не понимает доброго слова. Учишь его – это хорошо, а это плохо, это можно, а это нельзя – а он как будто и не слышит... Хоть кол на голове теши». Равнодушие к слову – большая беда в воспитании. Утратив надежду на то, что можно воспитывать словом, родители пускают в ход тумаки и ремень... Как же предупредить беду? Как добиться того, чтобы слово воспитывало, чтобы на скрипке детской души были струны, а не веревки? В раннем детстве человек должен пройти великую школу тонких, сердечных, человеческих взаимоотношений. Эти отношения – самое главное нравственное богатство семьи.

Учите ребенка мыслить

Недавно, во время поездки в Кировоград, я познакомился с молодым железнодорожником. Работает он на полустанке, где нет даже начальной школы. Возвращался домой с родительского собрания в школе. Меня поразили печальные глаза молодого отца. В них была грусть и какая-то глубоко затаенная, давно не дающая покоя мысль.

«Учится сын в третьем классе, живет на квартире у дальних родственников, – рассказал он мне. – Если вы не только учитель, но и отец, то поймете меня. Разве может быть для отца большее горе, чем услышать от учителя: сын ваш тихий, дисциплинированный, трудолюбивый, но... умственными способностями не отличается. Учится на тройки – и то хорошо. Лучшие оценки – четверка, пятерка – не для него, так я понял учителя. Другие по три, по четыре задачи решают на уроке, а мой Сашка и одной не решит. Не поймет даже, о чем речь идет в задаче. В чем же дело? Разве мальчик мой какой-то недоразвитый? Поверьте, я бы полжизни отдал за то, чтобы стал он умным человеком».

Нелегко, очень нелегко беседовать с отцом о таких вещах. Для любящих родителей нет ничего дороже ребенка. Это вечная истина, потому что смысл жизни человеческой в том, чтобы повторить себя в новом человеке, повторить на более высокой основе, поднять детей своих на более высокую ступеньку умственного, нравственного, эстетического развития, чем достигли мы сами, родители. Нелегко вести беседу на эту тему, но вести надо.

В наше время – пору всеобщего расцвета творческих сил каждого гражданина социалистического общества – от умственного развития человека зависит его личная судьба и счастье. Человек, чувствующий в какой-то мере свою неполноценность в умственном развитии, свою ущербность, глубоко несчастен. Присмотритесь внимательно к подросткам, попавшим на скользкий путь преступлений, правонарушений, – кто они? Среди них много недоучек – людей, в силу самых разных причин обделенных интеллектуальными ценностями, людей, для которых духовные богатства, накопленные человечеством, остались где-то в стороне.

До тех пор, пока в нашем обществе будут недоучки, неудачники в учении, мы не можем дать полного духовного счастья буквально каждому, всем без исключения членам общества. А личное счастье – это залог счастья общества.

Неудивительно, что родителей все больше беспокоят трудности, которые встречают их дети в учении. Почему один может учиться отлично, а другому будто самой судьбой предназначено не подниматься выше тройки? Что же это такое – судьба? Почему она так щедра к одним и скупа к другим? Ведь мы стоим сейчас накануне осуществления всеобщего среднего образования для молодежи; давайте задумаемся в величие, в небывалую в истории новизну этого дела. Каждый, все без исключения получают среднее образование. Это означает, что Володя или Коля, которого с трудом тянут, чтобы кончил он восьмилетку, будет учиться дальше, должен кончить десятый класс.

Вопрос этот приобретает исключительную остроту. Задача подчас не только в том, чтобы дать правильный ответ на вопрос отца или матери, но и в том, чтобы помочь им найти пути развития умственных способностей их Володи или Коли, по возможности предотвратить такие нежелательные, печальные, иногда даже трагические явления, когда, потеряв веру в свои силы, маленький гражданин не только оказывается за бортом школы, но и противопоставляет себя обществу, вступает с ним в конфликт.

Предотвратить несчастье вступающих в жизнь людей одна школа не может. Отец и мать – такие же воспитатели, как и учитель, они должны быть не менее мудрыми творцами Человека, чем учитель, потому что ум их сына уходит своими корнями в ту пору, когда еще сына не было на свете. Воспитание Человека начинается задолго до его рождения.

Вам, дорогие отец и мать, хочется, чтобы ребенок был умным, сообразительным, чтобы духовные богатства и ценности человечества стали его личным достоянием. От чего же зависит осуществление этих чаяний? От чего вообще зависят умственные способности ребенка и взрослого человека?

Причин и истоков много. Надо сперва остановиться на причине, корни которой кроются порой в той безответственности, с какой молодые мать и отец подходят к созданию нового человека, новой жизни. Речь идет о наследственности. Умственные способности имеют материальную основу – мозг. Эта основа как раз и начинает формироваться в утробе матери. Есть страшный враг детства и детского здоровья вообще, особенно умственного развития ребенка. Имя этому врагу – алкоголизм родителей. У алкоголиков рождаются дети, которые в той или иной мере имеют отклонения, аномалии в развитии коры полушарий головного мозга. Чтобы родить уродца, не обязательно нужно быть алкоголиком. Достаточно отцу и матери быть в состоянии сильного опьянения. Дети, зачатые в момент

опьянения родителей, уже в зародыше несут страшные следы «зеленого змия». В одних случаях эти отклонения, аномалии имеют ярко выраженный характер – ребенок растет умственно отсталым, ему уже в утробе матери было предопределено учиться в специальной школе – для дебилов, имбецилов или идиотов. В других случаях недостаточное развитие клеток коры полушарий менее выражено – клетки угнетенные, хилые, их функции нарушены. Такой ребенок очень медлен но мыслит, у него плохая память. Всю жизнь этот человек вынужден нести тяжелое бремя, сваленное на его плечи легкомысленными родителями.

Почему надо говорить об этом? Потому что, к сожалению, у нас есть дети, имеющие нарушения, отклонения, аномалии в умственном развитии из-за пьянства родителей. Есть в одном из классов нашей школы подросток – сын алкоголика. Несчастный он человек, никакое воспитание не может возместить того, чего не дала ему природа из-за преступного отношения родителей к будущему своих детей. Этот подросток с большими трудностями научился писать и лишь на пятом году обучения впервые самостоятельно решил несложную задачу для третьего класса... Заучив правило, мальчик через два часа ничего не помнит. Дочитав условие задачи до конца, он уже не помнит начало. Слабость памяти – так в повседневной жизни называют этот порок в умственном развитии. В основе его лежит глубокое уплотнение клеток коры полушарий головного мозга, вследствие чего информация от окружающего мира доходит к клеткам с большим опозданием и не подвергается той обработке, какой она подвергается в нормальных клетках. Никакое лечение здесь не поможет. Только терпеливая, кропотливая воспитательная работа педагога может в какой-то мере выровнять умственное развитие ребенка. Но такую работу – надо сказать об этом откровенно – умеет проводить один из ста педагогов.

Уважаемые молодые родители, помните, что здоровье и умственное развитие ваших детей зависят от вас. Помните, что создание человека – это не просто биологический акт. Человек тем и отличается от животного, что он осознает свою деятельность, включая и повторение самого себя в детях.

Еще в большей мере зависит умственное развитие ребенка от окружения, в котором он делает первые шаги познания. Речь идет, прежде всего, о человеческом окружении, о тех сложных и многогранных взаимоотношениях, благодаря которым ребенок познает мир и себя как частицу природы, как разумное, одаренное, творческое существо.

С первых шагов сознательной жизни ребенка родители должны обращать его внимание на причинно-следственные связи

между предметами и явлениями окружающего мира, добиваясь того, чтобы маленький человек умел видеть. Умение видеть, умение замечать то, что с первого взгляда не отличается чем-то особенным, – это, образно говоря, воздух, на котором держатся крылья мысли. Первоисточник разума, мысли, мышления – в окружающем мире, в тех явлениях, которые человек видит, познает, которые вызывают у него интерес. Первая искра мысли загорелась в сознании нашего далекого предка несколько десятков тысячелетий назад, наверное, тогда, когда он увидел какое-то удивительное, непонятное для него явление, и ему захотелось понять сущность этого явления.

Со времени далекого рассвета человеческой культуры и до наших дней окружающий мир, и прежде всего природа, является богатейшим и неисчерпаемым источником мысли. Разум – это раньше всего любознательность. Вы пошли со своим четырехлетним сыном на прогулку. Вот лес, за ним – молодые насаждения: сосенки, елки, дубки, ясень, Ребенок сам не заметит разницы между лесом и искусственными насаждениями. Любознательность надо воспитывать – учить наблюдать. Скажите сыну: «Посмотри на эти высокие деревья и на маленькие деревца, чем отличается старый лес от молодого?» Ребенок не сразу заметит разницу, но, присмотревшись внимательно, обязательно заметит. В его глазах вспыхнет радостный огонек, он скажет: «В старом лесу нет ровных рядов, а в молодом – какие ровные рядки!»

«А почему это так?» – спрашиваете вы, и сын задумывается. Ему хочется объяснить непонятное, но далеко не всегда он сможет это сделать. Даже если он и не даст ответа на ваш вопрос, даже если ответ дадите вы – огонек любознательности уже вспыхнул в детском сознании. Сын ваш увидел то, на что он никогда не обратил бы внимания, если бы вы не пробудили у него желания узнать, почему в молодом лесу ровные рядки, и если бы он не узнал, что человек посадил лес своими руками.

Вы идете в старый лес, перед вами толстые стволы дубов и ясеней. И вот ребенок уже сам увидел: на стволах – зеленый мох, и везде он растет почему-то только с одной стороны – подальше от солнышка. «Почему это так?» – спрашивает сын. У него нет еще достаточного запаса знаний, чтобы объяснить такое удивительное явление. Он изумлен открытием еще одной тайны природы. Вы идете вглубь леса. Мальчик воскликнул: «Э-ге-е-ей!» И лес где-то далеко откликнулся, эхо катится оврагами и смолкает вдали. «Что это такое?» – спрашивает мальчик.

Вот и начался его путь в мир познания. Используйте каждый свободный час для того, чтобы помочь ребенку сделать еще и еще

один шаг по этому пути. Идите вместе с ним в поле, в лес, на берег пруда. Самый непримечательный овражек, заросший кустарником, таит в себе изумительные вещи – если только вы умеете увидеть их и раскрыть на них глаза вашему ребенку. Незабываемые минуты изумления, удивления, которые переживает ваш сын, – это взлеты пытливой мысли.

В детском мозгу в такие мгновения совершаются удивительные вещи: между мыслящими клетками устанавливаются тончайшие нити взаимосвязей. И чем больше вещей и истин открывается перед вашим ребенком в окружающем мире, тем больше он видит непонятного, загадочного. Почему летом солнышко высоко в небе, а зимой – низко? Почему на высоком дубе растут маленькие желуди, а на маленьких стеблях – большие арбузы и тыквы? Почему сверкает молния и гремит гром? Почему одни птицы улетают в теплые края, а другие остаются у нас на зиму? – тысячи подобных вопросов задает ваш ребенок в неповторимые часы путешествия в мир природы. И чем больше он поставит вопросов, чем больше увидит вокруг себя в годы раннего детства, тем умнее он пойдет в школу, тем зорче будет его глаз и острее память. Будьте воспитателями ума своего ребенка, учите его мыслить.

Воспитание без наказаний

В Кировоградский детский приемник милиции доставили 14-летнего подростка. Подвижный, смывленный, он, как выяснилось, учился в пятом классе третий год. Теперь вот сбежал из дому... Твердит одно: «Ни за что не вернусь домой. Не пойду в школу!»

Детприемник затребовал из школы характеристику на мальчишку. Директор тотчас же ответил примерно следующее: ученик Федор С. – неисправимый, законченный хулиган, бездельник, издевается над учителями, к тому же шалопай и тупица. Выяснилось: перед тем как убежать из дому, Федор на уроках шалил, мяукал, лаял. По дороге на станцию вынул стекло в магазине сельпо, снял с витрины рюкзак, два карманных фонарика и несколько батареек. «Это преступное действие подлежит наказанию, – грозно заключил свою характеристику директор, – такого ученика нельзя оставлять в нормальной школе».

К судьбе Феде мы еще возвратимся. А пока давайте, товарищи родители, кто бы вы ни были – рабочие или врачи, учителя или инженеры, партийные или хозяйственные работники, а также молодежь – завтрашние отцы и матери, – задумаемся над вопросом: почему до сих пор существует детская безнадзорность? Откуда это противоестественное для нашего общества явление? Причем оно опасно не только само по себе – тем, что часть подростков идет в жизнь нравственно искалеченными. Безнадзорность в детстве является семенем, дающим свои плоды в зрелые годы.

В нашей стране есть все возможности свести на нет причины, порождающие безнадзорность, правонарушения малолетних, полностью ликвидировать это зло.

Главной причиной детской безнадзорности и правонарушений является, по моему твердому убеждению, низкая педагогическая культура семейно-школьного воспитания. Пора и родителям и учителям глубоко осознать, что ни школа без семьи, ни семья без школы не могут справиться с тончайшими, сложнейшими задачами становления человека. Пока же получается так, что семья и школа воспитывают человека каждый по своему разумению.

Многие родители совершенно не знают, как правильно растить юных, формировать их характер, взгляды, привычки, в чем заключается этот процесс. Бесспорно, нет родителей, которые бы не хотели, чтобы их дети выросли хорошими людьми, честными тружениками, полезными обществу. Но беда в том, что

не все это умеют делать.

Мы в своей практике убедились: сами дети являются огромной воспитывающей силой для взрослых. В самом деле, в доме, где есть дети, для педагогов открывается благотворная возможность формировать очаг моральной чистоты, благородства, духовного богатства, сердечных человеческих отношений. Если при помощи школы в молодой семье заложены прочные основы высокой педагогической культуры семейно-школьного воспитания, ребенок способен творить чудеса: он не допустит, чтобы отец стал пьяницей, удержит родителей от грубого слова, ссор и т. д. Вот почему, думается, важнейшей задачей педагогов является обучение родителей тому, как воспитывать детей.

У нас в школе работает вот уже полтора десятка лет постоянно действующий родительский университет. В нем несколько групп. Первая – для молодых супругов, у которых еще нет детей. Во второй занимаются родители дошкольников – ребятишек, которым предстоит поступать в первый класс, а также созданы специальные группы для отцов и матерей учащихся разных возрастов.

Ребенок учится в школе 10 лет, а его родители учатся в своем университете 13 лет. Посещают занятия и отец, и мать, все без исключения. Если тот или иной из родителей не может явиться на лекцию, он просит у директора или классного руководителя разрешение на это.

Занятия в каждой группе проводятся два раза в месяц по полтора часа. Ведут их директор школы, завучи, лучшие учителя. Вообще же эту работу я, как директор, считаю самой нужной и важной среди всех других обязанностей руководителя школы.

Кое-кто может спросить: если в школе работают семь родительских групп да собираются они дважды в месяц, то выходит, учителя только и делают, что говорят с родителями? Нет, перегрузки мы не чувствуем, потому что освободили себя от многих ненужных, но широко бытующих в школах форм общения с родителями. Мы не ходим к ребятам на дом. Их отцы и матери идут к нам сами.

На занятиях педагоги стремятся конкретно разобрать, что значит правильно воспитывать детей, подростков, юношей и девушек. Не провозглашают лозунги и призывы, к которым, к сожалению, иногда сводятся родительские собрания, а дают деловые советы отцам и матерям.

Так, на занятиях молодоженов – будущих родителей – разговор ведется главным образом о культуре взаимоотношений супругов, об умении человека управлять своими желаниями,

сообразуя и согласуя их с желаниями других людей. Если внимательно проанализировать то, что в житейском понимании называется счастьем и несчастьем, удачей и неудачей, духовным богатством, создаваемым вдвоем (а потом и семейным коллективом), – все это основывается на культуре человеческих отношений. Оберегая неприкосновенность интимного мира людей, мы вместе с тем тактично прикасаемся к самым заветным, можно сказать, заповедным уголкам человеческих сердец. Именно это-то как раз и привлекает молодых отцов и матерей. Кстати, почти все они – наши бывшие ученики.

Л. Н. Толстой писал, что рождение ребенка создает для родителей особую «область уязвимости». Отцам и матерям мы стараемся как можно ярче показать эту их «уязвимость» перед детьми, убеждаем, что каждым шагом своей жизни они воспитывают ребят, оставляют в них крупицу своего собственного разума, нравственности своей души.

На занятиях с родителями, детям которых предстоит поступить в школу, мы учим их, как развивать умственные способности и речь детей, воспитывать чувства. Специальные лекции посвящаются темам: «Отец и сын», «Мать и дочь», «Семья как школа человеческих взаимоотношений», «Первые нормы нравственной культуры детей» и др.

Исключительно важным элементом семейного воспитания является трудовая закалка детей. Думается, идеалом здесь должна служить мудрая заповедь народной педагогики: ребенку надо трудиться с того момента, как он научился держать ложку в руках и нести пищу из тарелки в рот. Труд в семьях наших учащихся стал основой культуры человеческих взаимоотношений. Красной нитью здесь проходит идея труда для человека, для его счастья и блага.

Вместе с отцами и матерями мы добиваемся того, что с первых шагов своей сознательной жизни и до возмужалого возраста ребенок, подросток что-то создает для людей: в семь лет, т. е. к тому времени, как идти в первый класс, каждый обязательно выращивает в своем дворе яблоню матери и несет ей первые плоды с дерева, выращенного собственными руками.

Воспитание было бы однобоким, если бы маленький человек, проживший на свете 11–12 лет, оглянувшись на детство, не увидел первые результаты своей трудовой жизни, не сказал себе с удовлетворением: эту зеленую рощу для отдыха людей вырастил я; этот виноградник посадил я – для всех!

Многолетний опыт убеждает в истинности очень важной педагогической закономерности: там, где источником радости ребенка, подростка является труд для людей, общества,

совершенно нет наказаний. В них просто нет нужды, вопрос о наказаниях даже не возникает. А раз нет надобности в наказаниях, – значит, нет нарушителей дисциплины, дезорганизаторов.

Да, утверждаю: учащиеся нашей школы не знают наказаний. И прежде всего потому, что источником их детской радости является жажда созидать, удовольствие делать людям добро. У нас не практикуются не только коллективные «проборки» ребят в пионерском отряде, классе. Ремешок, подзатыльник и прочие наказания в семьях тоже совершенно исчезли.

Без этого «достижения» мы не представляем себе элементарной педагогической культуры семейно-школьного воспитания. В. И. Ленин говорил, что завоевания революции может закрепить только школа. Да, воспитание без наказаний – это не узкошкольное дело. Это одна из важнейших проблем коммунистического переустройства общества, его тончайших и сложнейших сфер – человеческого сознания, поведения, взаимоотношений.

Можно еще нередко услышать рассуждения: для того чтобы навсегда исчезли преступления, нужно пожестче, строже наказывать. Неправильно это! Преступлений не будет, если в детстве, отрочестве, ранней юности не будет наказаний, точнее: если исчезнет нужда, надобность в наказаниях.

В начале нашей беседы я рассказывал о мальчишке Феде С., убежавшем из дому. Выяснилось тогда: жизнь и в школе, и в семье стала для него настоящим адом. Ребенок не мог осилить учебных заданий, ему было трудно заниматься, а учителя без конца писали в дневнике родителям: «Ваш сын не хочет учиться, примите меры...», «Плохо ведет себя, примите меры». Отец и мать били мальчишку. Вознена видев школу и семью, он стал умышленно не выполнять заданий, нарушать дисциплину...

Всем надо помнить: если ребенок познал потрясение, связанное с наказанием, в его душе ослабляются внутренние силы, самой человеческой природой предназначенные для самовоспитания. Чем больше наказаний и чем они жестче, тем меньше самовоспитания.

Наказание, тем более если справедливость его сомнительна (именно так и бывает в подавляющем большинстве семейных конфликтов), огрубляет человеческую душу, озлобляет и ожесточает ее. Человек, испытывавший наказания в детстве, в подростковые годы не боится ни детской комнаты милиции, ни суда, ни исправительно-трудовой колонии.

Пусть всякой другой напасти мы, воспитатели, опасаемся именно грубости души, нравственной толстокожести,

невосприимчивости к добру, красоте. Эта напасть тоже зарождается в семье, в годы раннего детства, и предотвратить ее можно только с помощью важнейшего очага педагогической культуры – школы. Конечно же, есть трудные, очень трудные семьи. Но я, работая в школе не один десяток лет, не встречал родителей неисправимых, не встречал людей, в душе которых не осталось бы доброй искры. Превратить эту искру в яркий факел – вот в чем мучительно трудная, но благородная задача педагогов.

Время выдвигает острые, жгучие проблемы коммунистического воспитания подрастающего человека. Успешно решать их нельзя без высокой педагогической культуры семейно-школьного воспитания.

О педагогической культуре родителей

1. Волшебство слова

Какими бы прекрасными ни были наши дошкольные учреждения, самыми главными «мастерами», формирующими разум, мысли малышей, являются мать и отец. Семейный коллектив, где ребенка вводят в мир зрелости и мудрости старших, – это такая основа детского мышления, которую не может заменить в этом возрасте никто. Наблюдения ученых в детских яслях и садах убедительно свидетельствуют: когда длительное время общаются между собой дети одного возраста (например, 3–4 лет), когда они лишены систематического индивидуального духовного влияния старших, развитие их мышления задерживается. Только ежедневное общение с матерью и отцом, с бабушкой и дедушкой, со старшими братьями и сестрами обеспечивает благоприятную обстановку для развития детского мышления. Безусловно, я не отрицаю огромного воспитательного влияния на малышей и дошкольных учреждений. Но перекладывать на них абсолютно все заботы о всестороннем, и в частности умственном, воспитании детей нельзя.

Мы вступаем сегодня в такой период развития нашего общества, когда общая педагогическая культура всего населения, особенно родителей, является одной из предпосылок выполнения каждым гражданином своего долга перед обществом, а этот долг заключается прежде всего в воспитании молодого поколения. Поэтому прежде всего необходимо заботиться о повышении педагогической культуры родителей, особенно в тех ее аспектах, от которых зависит полноценное развитие мышления ребенка. У нас, например, для тех матерей и отцов, чьи дети через несколько лет пойдут в школу, создана «Школа для родителей». Учительский коллектив твердо убежден в том, что трудно найти более важное дело для учителей и родителей, чем забота о формировании и развитии мышления ребенка. И правда, почему, например, один ребенок приходит в школу сообразительным, наблюдательным, быстро схватывает то, что объясняет учитель, запоминает, а другой мыслит очень медленно, воспринимает материал с большим затруднением, имеет плохую память? В понимании этих вопросов мы были, образно говоря, слепы, искали тропинку на ощупь до тех пор, пока не создали школу для родителей будущих учеников.

Каждое занятие посвящается одной теме. Например, анатомо-физиологические особенности, нервная система, физическое и психическое развитие, духовная жизнь ребенка. Главная форма воспитания педагогической культуры родителей – лекции, насыщенные яркими фактами, убедительными примерами. Читает их директор, его заместитель, лучшие учителя.

Мы стремимся к тому, чтобы родители поняли свою ответственность в воспитании тончайших сфер духовной жизни ребенка.

Припоминаю, на одном из занятий, чтобы родители лучше осознали роль человеческого окружения в формировании разума ребенка, я рассказал им о том, как сотни лет тому назад индийский падишах Акбар задумал проверить, правду ли говорят мудрецы, что сын индийца будет говорить только на языке родителей, сын китайца – только на китайском языке, в каком бы они ни пребывали окружении в детстве, если даже никто их не учил языку их предков. По приказу падишаха в помещениях, абсолютно изолированных от внешнего мира, были размещены 30 детей грудного возраста разных национальностей. Несколько слуг с вырезанными языками прислуживали детям. Еду через маленькое окошечко принимал безголосый евнух. Ключи от комнат, где росли дети, которые никогда не слышали человеческой речи, повелитель носил на своей груди.

Так прошло семь лет. Однажды в сопровождении мудрецов

падишах открыл двери. Вместо человеческой речи их встретил вой, нечленораздельные звуки, мяуканье... Так были посрамлены «мудрейшие из мудрых».

С точки зрения науки опыт (если это злодейство можно назвать опытом) был поставлен «чисто». Акбар был одним из тех, кто показал, насколько важно для ребенка человеческое окружение в первые годы жизни. Сегодня известны десятки случаев воспитания детей зверями – львами, тиграми, волками. В силу чрезвычайных на первый взгляд обстоятельств дети-малыши попадали к зверям и жили среди них несколько лет. И вот такие «дикие» дети благодаря счастливым стечениям обстоятельств снова возвращались к людям. Большинству из них было 10–17 лет. На протяжении ряда лет ученые стремились научить этих детей говорить, но стремления эти оказывались тщетными. Отдельные «дикие» дети за год могли усвоить только два-три слова. Ни одного из них не удалось сделать полноценным членом человеческого общества именно потому, что время их пребывания в окружении зверей пришлось на самый чуткий к внешнему влиянию период. Период от двух до семи лет – самый ответственный в развитии человека. Незаметно для себя самого он получает в это время из окружающего мира много знаний, умений, привычек, которые ложатся фундаментом в его психике. Способность мыслить и говорить, владеть речью, выражать свои чувства, свое отношение к окружающему миру формируется именно в этот период. Бесперывно испытывая действие все новой и новой информации, ребенок приобретает все возрастающее стремление к знанию. У взрослого это стремление превращается в осмысленную тягу к знаниям.

У зверей нет психических стимуляторов, свойственных людям. Жизнью зверей руководят инстинкты. У детей, которые жили среди зверей в самый чуткий к внешним влияниям период, клетки коры полушарий головного мозга сохраняют инстинктивное начало, которое закрепилось на всю жизнь.

Без понимания этих истин и многих других знаний немыслима педагогическая культура родителей. Личность матери и отца – воспитателей никто и ни при каких обстоятельствах заменить не может. Я говорю отцам и матерям будущих наших учеников:

– У вас родился ребенок. Помните, что воспитание его ума начинается с того времени, когда своими глазами он увидел пестрый цветок или игрушку, услышал шелест листьев, жужжание пчелы. От того, что человеческое вошло в этот период в сознание ребенка, зависит, насколько развитым, сообразительным, умным придет он в школу. Благодаря беззаботности некоторых

родителей «воспитание» иногда дает такие последствия, что потом и самый мудрый, самый опытный педагог не может ничего сделать...

В воспитании педагогической культуры родителей мы стремимся к определенной системе и последовательности. Наряду с советами о здоровом режиме труда и отдыха ребенка, о многогранной деятельности в детстве обращаем особое внимание на духовное воспитание детей. В частности, мы даем конкретные советы, как развивать чувства у детей. Подчеркиваю, что это – одна из главных основ воспитания интеллектуального богатства. Чувства – это окна в окружающий мир, через которые ребенок познает все, что вне его. И мы добиваемся того, чтобы в детстве эти окна были чистыми, прозрачными и светлыми.

В чувственном познании мира в раннем детстве огромную роль играет эмоциональная память. Многочисленные факты убеждают в том, что, глубоко пережив в раннем детстве тот или иной образ, его красоту, дети запоминают его на всю жизнь. У детей, которые приходят в школу сообразительными, любознательными, умными, память сберегает очень много образов чувственного восприятия мира. Формируя педагогическую культуру родителей, мы совершенствуем и свою, так как в воспитании все взаимосвязано. Вот я взволнован ярким, художественным рассказом первоклассника Юры М. о первом весеннем ключе, о первых каплях, которые падают с крыши и «просверливают» снежный ковер... Еще раз убеждаюсь, как это важно для нас, взрослых, находить время и возможности приобщать малышей к миру прекрасного. Необходимо, чтобы ребенок обязательно увидел и рождение цветка, и как пчела достает нектар, и снежнику, как будто вырезанную сказочным мастером. Пусть зачарованно смотрит ребенок на город или село, что встает перед ним в ранней мгле, на удивительную игру красок радуги, на звонкое поле золотой пшеницы...

Наблюдательность, внимательность, любознательность – эти качества в большой степени определяют умственное развитие и успеваемость учеников. Наши многолетние наблюдения над детьми дошкольного возраста приводят к выводу, что любознательность, стремление знать – это не что-то данное людям природой, качества эти воспитываются в раннем детстве.

Эмоциональное богатство чувственного познания является также основой развитой, индивидуально богатой речи ребенка.

К великому сожалению, я встречал учеников даже во II–III классах, у которых, например, слово «рассвет» не вызывало никаких представлений и чувств, не несло в себе никакой эмоциональной окраски. Почему это так? Потому, что эти дети

никогда не видели собственными глазами, как кончается ночь и рождается день. У таких детей слова «вылетают из головы» именно тогда, когда есть необходимость найти нужное слово. Неясность мысли и нечеткость речи, несвязанность, косноязычие – вот что характерно для умственного развития детей, память которых в период от двух до семи лет не запечатлела ярких образов. А если не запечатлелись они – то не запечатлелось и слово, которое пришло в детское сознание как кратковременная вспышка бледных, невыразительных огней.

Наверное, каждому из нас, учителей, приходилось задумываться над вопросом: почему у одного ученика крепкая, как говорят, цепкая память, а у другого – «в одно ухо влетает, а в другое вылетает»? Наблюдения над умственным развитием детей дошкольного возраста открыли вот какую важную закономерность. Прочность памяти школьника в большой, возможно в решающей, мере зависит от того, насколько яркими, эмоционально окрашенными были слова, которые вошли в его сознание в раннем детстве.

2. Пятьсот открытий дошкольника

Я рассказываю о пробуждении жизни в лесу весной, создаю в представлении детей такую, например, картину: сквозь слой прошлогодних листьев пробивается нежная стрелочка подснежника, голубой колокольчик маленького цветка удивленно смотрит в синее озеро талой воды... Вижу, как в глазах у одних учеников загораются живые огоньки интереса, пытливости, им не терпится и самим рассказать о такой же картине. У других учеников глаза хоть и внимательны, но безразличны. Слова мои не находят отклика в их внутреннем мире. Трудно будет работать с этими учениками: они с большими затруднениями, с большими усилиями будут запоминать мои объяснения. В эмоциональной памяти их нет той «зацепки», за которую можно ухватиться, чтобы воспитывать память, пытливость, наблюдательность.

Обо всем этом рассказываем на занятиях «Школы для родителей» будущих наших учеников. Мы анализируем окружающую среду сосредоточиваем внимание родителей на тех объектах, которые могут быть источником эмоциональной окраски слова. Вот недалеко от села дубрава, в ней холодные лесные источники, есть и такое местечко, где нагретая солнцем земля пробуждается еще в феврале, между сугробами снега синют подснежники. Есть в дубраве Поляна ландышей – так называли мы ее много лет тому назад. Учителя приходят сюда с детьми не только любоваться природой, но и учить детей думать.

Есть в дубраве несколько дубов, с которых листья не опадают до весны: всю зиму стоят они среди заснеженных деревьев – разноцветные, словно какой-то волшебник украсил их багряными, желтыми, оранжевыми листьями. Есть тут и закуток, где с давних пор живут в своих норах лисички... А вот овраг, заросший кустарником. С первого взгляда кажется, что ничего интересного тут нет, а если присмотреться внимательно – сколько тут захватывающего, сколько животворных источников для эмоциональной окраски слова. В глубине оврага – родник, не замерзающий в самый лютый мороз. А заросли сирени в степи, а наш школьный двор, где дети видят редкие в нашей местности деревья – сосну, ель, рябину! Мы учим родителей: ведите детей к источникам эмоционального наслаждения словом, пусть у детей ваших возникает как можно больше вопросов. Мы верим в педагогические возможности родителей, в педагогический талант многих из них. Родительская речь, родительская жизненная мудрость – неисчерпаемый источник народной педагогики. Если доброжелательно подойти к этому источнику, внести в него научные знания – наша сухая педагогическая теория заиграет, зацветет, оживет.

Процесс передачи маленькому ребенку жизненной мудрости старших поколений, мудрости, одухотворенной материнской и отцовской любовью, ничем не заменить и не создать искусственно. Закономерности человеческого окружения, созданного в семье, становятся еще более убедительными, когда приходится анализировать отрицательные факты, которых еще, к сожалению, в жизни встречается немало.

С пяти лет наша школа начинает систематическую воспитательную работу с будущими учениками. Один-два раза в неделю, в определенный день дети приходят в школу, с ними ведет воспитательную работу будущий учитель первого класса. Главное направление – развитие мышления. В хорошую погоду дети идут в лес, в сад, в поле – к тем источникам мысли и речи, о которых мы говорим родителям. Во время этих встреч с природой мы добиваемся того, чтобы дети видели, осмысливали взаимосвязи между незаметными с первого взгляда причинно-следственными связями, придаем особое значение развитию наблюдательности, любознательности как важным предпосылкам развития мысли. Каждая встреча с природой под руководством учителя – своеобразное открытие, проникновение детской мысли в те тайны, которые незаметны, не бросаются в глаза. За год малыши делают свыше 500 «открытий». Вот отдельные из них: все, что окружает нас, принадлежит к живому или к неживому; вода, солнечный свет и тепло – необходимые условия жизни;

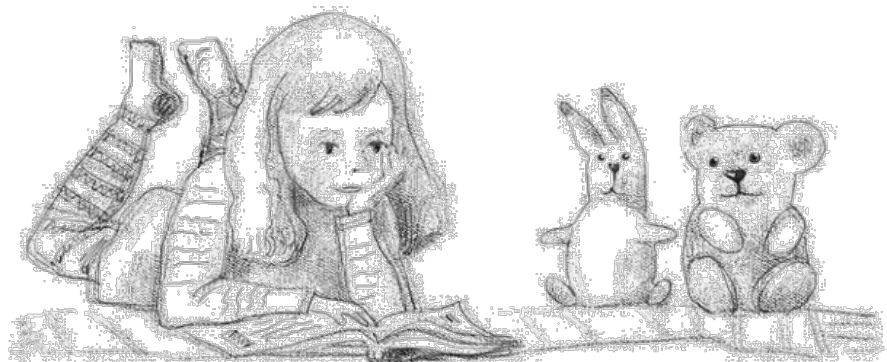
растение рождается из зерен, живет, созревает, создает плод (зерно) для продолжения рода; вода может быть в разных состояниях – жидком, твердом, газообразном; рост и развитие растения бывает более бурным, если человек вносит в землю минеральные или органические удобрения; верхний слой земли – чернозем – это среда, в которой проходит жизнь растения. Каждое из этих «открытий» возможно благодаря осмысливанию ярких образов чувственного познания. Именно в процессе этих «открытий» слово приобретает эмоциональную окраску и формируются первые понятия, например понятие о живом и неживом. Уже в этот период мы замечаем отдельные (незначительные в эти годы, но значительные потом) аномалии в умственном развитии отдельных детей. Некоторые дошкольники остаются равнодушными к тем тайнам, открытие которых у большинства детей вызывает удивление, а удивление – это, образно говоря, эмоциональное сердце мысли.

Углубленное изучение человеческого окружения в тех семьях, откуда приходят равнодушные дети, чаще всего показывает, что причиной умственной инертности является убожество, ограниченность чувственного познания, отсутствие ярких образов, которые бы влияли на эмоциональную сферу ребенка. Выявив этот недостаток, мы начинаем углубленную индивидуальную воспитательную работу, целью которой является прежде всего активизация чувственного познания, формирование эмоциональной окраски слова. Мы откровенно говорим родителям: если вы не будете вести с детьми систематической, повседневной воспитательной работы, ваш ребенок придет в школу с плохим умственным развитием и плохо будет учиться.

Период от шести до семи лет – период более систематической воспитательной работы. Как и в предыдущий год, организуются встречи с природой с целью развития мышления. Кроме того, дети учатся читать. Методика обучения чтению тесно связана с игрой. В школу дети приходят, уже владея первыми навыками чтения. Это позволяет проводить содержательную, многогранную работу по развитию мышления в школьные годы.

Осторожно: ребенок!

Важная сторона родительского авторитета

Некоторые родители считают, что послушание детей определяется уровнем их сознательности. Когда ребенок подрастет, он начинает понимать, что родителям надо повиноваться, и тогда его легко будет дисциплинировать. А пока эти родители предоставляют детям-дошкольникам полную свободу проявления своих прихотей.

В нашем рабочем поселке живет служащий Петр Афанасьевич Н. В его семье трое детей – мальчик и две девочки. Семья хорошо материально обеспечена, и родители ни в чем не отказывают детям, особенно сыну. Еще будучи дошкольником, Витя привык к тому, что родители исполняют любое его желание. За обедом, когда мать наливала ему суп в небольшую детскую тарелку, он капризно спрашивал:

– Почему ты налила мне суп в эту тарелку? Я хочу в глубокую тарелку!..

И мать переливала суп в глубокую тарелку.

– Пусть вырастет – уразумеет, что мать и отца надо слушать, – объясняла мать каждый раз, когда у ребенка появлялся новый каприз. Так же думал и отец.

Родители часто покупали Вите детские книги, которые он систематически рвал, используя страницы для изготовления бумажных голубей и самолетов. Отец пытался запретить это, но мальчик применил и здесь свое испытанное оружие: капризы, плач. Мать вступилась за сына и при нем начала говорить отцу:

– Вот пойдет в школу, начнет читать, тогда и научится беречь книгу. Зачем запрещать то, что ему нравится. Вырастет – поумнеет.

Когда Витя стал учиться, отец сказал, что его надо будить за два часа до занятий. Матери жаль было так рано будить ребенка, и Витя, отправляясь в школу, всегда спешил, забывал дома то книгу, то тетрадь, а нередко и опаздывал. В выходной день Витя спал до одиннадцати часов. Он вставал поздно, долго провалявшись в постели, ленивый, разболтанный, и слышал, как отец упрекал мать в том, что она потакает детским капризам. Но отцовские слова его не задевали, так как он знал, что мать его поддержит, а отец в конце концов уступает матери. Ребенок видел, что мать и отец часто предъявляют ему совершенно противоположные требования. Следовательно, кого-то можно не слушаться, на чью-то защиту можно полагаться. А если это так, то слушаться лучше того, чье приказание отвечает его собственным желаниям.

Как видим, в семье Н. ребенка с самого раннего детства не приучили к выполнению требований, к послушанию. Родители Вити знали, что над сыном они имеют родительскую власть, что эта власть без особого труда позволила бы им добиться выполнения своих требований. Но они сознательно ее не применяли, считая, что ребенок со временем сам поймет, что родителям надо подчиняться, а до тех пор предъявлять к нему требований не следует. Такие взгляды отдельных родителей свидетельствуют о непонимании путей, которыми воспитывается подлинная дисциплинированность, о забвении своих родительских прав и обязанностей.

В семье, где есть дети, должна осуществляться родительская власть. В советской семье необходимость родительской власти обусловлена ответственностью родителей перед государством за воспитание детей. Что мы понимаем под родительской властью? Родительская власть – это право и возможность отца и матери подчинять своей воле детей, право устанавливать свои, обусловленные жизнью конкретной семьи требования. Это право закреплено советским законодательством, возлагающим на родителей ответственность за воспитание детей.

Ошибаются те родители, которые считают, что сначала дети должны понять необходимость повиновения, а потом уже они сами будут повиноваться. В действительности дело происходит как раз наоборот: привычка к повиновению, послушанию, выработанная с раннего детства, позже находит свое отражение и в сознании, в понимании необходимости повиноваться. Если же ребенок на практике убеждается, что его капризы выполняются, что его непослушание не влечет за собой никаких неприятных последствий, он привыкает капризничать и не слушаться, а позже приходит к убеждению, что так и должно быть.

Чтобы сформировать у ребенка правильные понятия о родительской власти, надо теснейшим образом связывать их с привычкой к повиновению, послушанию. Жизненная практика ребенка начинается задолго до логического понимания им словесных доводов и умозаключений. В процессе этой практики ребенок должен получить опыт повиновения, опыт подчинения. При этом не все то, что ребенку надо или нельзя делать, можно и нужно во всех случаях мотивировать логическими доказательствами (например, совсем не нужно, чтобы мать объясняла трехлетнему ребенку, почему он должен ложиться спать раньше, чем взрослые).

Родительская власть может правильно осуществляться только тогда, когда требования матери и отца будут направлены на воспитание будущего гражданина Советского государства. Требования родителей должны быть, прежде всего, разумными с точки зрения коммунистического воспитания. Подрастая, ребенок поймет разумность этих требований и будет благодарен за то, что его приучили к их выполнению. Требование родителей, далее, становится безоговорочным для ребенка только тогда, когда оно единодушно, т. е. когда мать и отец требуют одно и то же. Если же требование (приказание или запрещение), какое бы оно ни было разумное и правильное, рождается в родительских спорах, причем на глазах у ребенка, такое требование не будет для него авторитетным и безоговорочным.

Некоторые родители считают, что их власть в отношении детей должна проявляться главным образом в форме запретов. Но это неправильно. Если ребенок слышит одни только запрещения, это сковывает его, делает робким, пассивным. Требования родителей должны выражаться не только в запрещениях, но главным образом в побуждении ребенка к определенным положительным действиям.

В течение ряда лет мы наблюдали воспитание детей в семье бригадира колхозной бригады Ивана Ивановича Ш. Отец и мать воспитывают пятерых детей: двое из них окончили уже школу и учатся в институте, трое – учатся в нашей школе. Дети прекрасно дисциплинированы как дома, так и в школе. В чем заключается секрет успеха родителей? Прежде всего в том, что свои требования – всегда твердые и единодушные – они направляют не на запрещения, а преимущественно на побуждения детей к активной деятельности. Родители сознательно избегают слова «нельзя», стремясь сформулировать свои требования так, чтобы они начинались словом «надо».

Нужда в запрещениях возникает обычно тогда, когда ребенок уже что-нибудь научился делать неправильно. Следовательно,

чтобы устранить или, по крайней мере, уменьшить необходимость запрещений, надо не допускать накопления у ребенка отрицательного опыта. Отец и мать в семье Ш. достигали этого тем, что сразу приучали детей действовать правильно. Таким образом, родительская власть была для детей руководством, стимулирующим их положительную деятельность, а не проявлялась в постоянных одергиваниях. Отдельные же запрещения, которые иной раз родителям приходилось делать, легко принимались и соблюдались детьми. И это понятно. Ребенку гораздо легче не делать того, что нельзя, если он научился и привык делать то, что надо, что правильно.

Родители Ш. никогда не жалуется на детские капризы. Дети не капризничают, потому что им никогда не предъявляют двух противоположных требований по одному и тому же поводу. Помня, что всякое расхождение и конфликт между ними порождают в душе ребенка сначала недоумение, а потом и непослушание, родители всегда идут на уступки друг другу. Если нужно, они умеют уступить и детям.

Быть требовательным не значит быть педантом, добиваться слепого послушания. Надо уметь глубоко проникать в мысли и чувства детей, в их желания. Иногда можно разрешать ребенку то, что и не совсем желательно для родителей, – разрешать только потому, что желание ребенка слишком сильно и прямой запрет вызвал бы у него тяжелые переживания. Нередко полезно, чтобы ребенок путем личного опыта понял ошибочность своего желания.

Расскажем об одном интересном случае, происшедшем в семье Ш.

Двенадцатилетний сын Гриша отличался от других детей несколько замкнутым характером. У него были «тайны», в которые мальчик не посвящал братьев и сестер.

Отец и мать как-то заметили, что Гриша со своими товарищами уединяется в старом заброшенном сарае на пустыре. «Что они там делают?» – заинтересовались родители. Но они не стали допрашивать Гришу, зная, что, если будет что-либо серьезное, мальчик сам обратится к ним. И они не ошиблись. Однажды Гриша подошел к отцу, когда тот собирался на работу в поле, и попросил:

– Разреши мне эту ночь переночевать в сарае...

– Почему? – удивленно спросил отец.

Сын рассказал, что они с товарищами организовали игру в «партизаны» и в старом сарае устроили «партизанский штаб». В эту ночь все «командиры» должны быть в сборе. Отцу не особенно понравилась эта затея. Но он видел, с каким увлечением относится мальчик к игре, с каким чувством ответственности он

переживает свою обязанность «дежурного». Отец решил, что будет грубой ошибкой нарушать эти чувства своим категорическим запрещением. Уже то, что Гриша не позволил себе самовольничать, а обратился к отцу с просьбой, чистосердечно раскрыв свою «тайну», свидетельствовало о глубоком доверии и уважении сына к отцу. Этим тоже нельзя было пренебрегать. В то же время, взвесив все, отец решил, что одна бессонная ночь не повредит здоровью мальчика. Пусть же он сам вместе с товарищами убедится, что они «хватали через край» в своей игре. И разрешение было дано. Все произошло так, как предполагал отец. В ночной игре дети увидели больше неприятного, чем романтического. Они не привыкли бодрствовать ночью и вскоре разошлись по домам, чувствуя большое желание побыстрее добраться до постели. После этого случая игра ребят вошла в нормальные рамки, а Гриша проникся еще большим доверием к отцу.

О чем говорит этот случай? Осуществляя родительскую власть, надо быть очень внимательным и чутким к внутреннему миру ребенка. Каждый родитель должен знать и чувствовать, где кончается предел его прямой власти и начинается тот интимный мир детей, который для них особенно интересен именно тем, что в него не вмешиваются взрослые. У каждого мальчика и девочки могут быть свои маленькие личные дела, связанные преимущественно с играми, товариществом, дружбой. Чем меньше будет явного вмешательства взрослых в этот круг интимных интересов ребенка, тем меньше у детей будет «тайн», тем откровеннее они будут со взрослыми.

Замкнутость, отчужденность детей порождаются, как правило, нетактичным вмешательством взрослых в мир детской жизни. Особенно недопустимо прямое и грубое вмешательство родителей в вопросы товарищества и дружбы детей. Некоторые родители ставят перед своим ребенком категорические условия: с такими-то детьми дружить можно, а с такими-то нельзя. Это неправильно. Обязанность родителей заключается не в том, чтобы «запрещать» или «разрешать» дружбу, а в том, чтобы тактично помочь правильно построить ее. Чем старше ребенок, тем шире мир его личной жизни и тем больше ограничиваются рамки прямого вмешательства родителей. Если в дошкольном и в младшем школьном возрасте ребенок простодушно рассказывает матери и отцу о всех своих «тайнах», то подросток или юноша уже гораздо более сдержан в раскрытии своего личного мира и весьма болезненно переживает попытки родителей прямо вторгаться в него.

Тут нужен совершенно другой подход, основанный на

возросшем уважении к личности подростка, юноши, на признании ее неоспоримых прав. Тогда не будет отчуждения между родителями и детьми как в младшем, так и в старшем возрасте.

Авторитет родителей зависит от многих условий. Одним из таких неперенных и важных условий является правильное, умелое использование родительской власти. Родительская власть – это не только право, но и искусство.

Нравственное иждивенчество – откуда оно?

Каждый раз, когда речь заходит о преступлении, совершенном подростком, среди главных виновников на первом месте и в статьях, и в речах называют школу.

И реже возникают вопросы: кто они, эти подростки? Из каких они семей, сколько выросло их без отца, сколько – без матери? Какое у них образование?

Литераторы часто упрекают Академию педагогических наук в том, что ученые не используют богатых возможностей для исследования проблем воспитания трудных подростков. Академия, говорят, они, располагает многим: опытом сотен тысяч педагогов, быстродействующими вычислительными машинами для обработки материала...

Обвиняется педагогика – педагогика в теории и педагогика на практике.

Поскольку статистических данных в общегосударственном масштабе у меня нет, буду опираться хотя бы на то, что мне хорошо известно.

Я учительствую 30 лет. Тысячи ребят и девочек на моих глазах стали взрослыми людьми, поженились, родили детей, привели их в школу. За годы своей работы мне пришлось встретиться с 270 трудными подростками. Это люди, душу которых надломили обстоятельства, сложившиеся в семье. Это люди, уже в детстве потерявшие веру во что бы то ни было святое, в детстве узнавшие то, что они не должны были знать. 189 человек из 270 – это дети без отцов, дети матерей-одиночек, у 77 распалась семья, и только у четверых с первого взгляда в семье все было нормально (есть мать и отец, но если бы я рассказал правду и об этих семьях, вряд ли кто-нибудь мог выслушать ее без глубокого волнения).

Это уже не эмпирика, а статистика. На каждого из 270 воспитанников у меня есть карточка, в нее занесены все данные, которые я считаю необходимыми, чтобы знать человека. О чем говорят данные, которые накопились за 30 лет моей педагогической практики?

О том, что трудные дети и подростки – это прежде всего дети без отцов, дети, не знавшие хорошей семьи. Их детство отравлено мыслью: они появились на свет случайно – как расплата за ошибки матери.

Трудно передать словами трагедию детского сердца, чувствующего, что он, ребенок без отца, никому не нужен. Дети, о которых идет речь, с первых шагов своей сознательной жизни слышали горькие слова матерей: ты мое наказание, пусть проклят

будет тот день, когда ты родился.

Перечитываю пожелтевшие страницы записных книжек, перед глазами проходят эти дети и подростки – озлобленные, ошестившиеся на воспитателя, болезненно воспринимающие ласковое слово, делающие все наперекор учителю.

Человечность, сердечность, чуткость, отзывчивость – этот моральный иммунитет против зла приобретается лишь тогда, когда человек в раннем детстве прошел школу доброты, школу подлинно человеческих отношений, а этой школой может быть только хорошая семья, только наглядный пример человеческого союза двух любящих сердец – отца и матери.

Любовь к людям воспитывается только любовью – как огонь зажигается только от огня.

Я вспоминаю 12-летнего Колю К. Когда я читал рассказ о героическом подвиге Зои Космодемьянской, в глазах мальчика сверкнули злобные огоньки и он сказал:

– Это неправда.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что все люди обманывают. Потому что в мире вообще нет правды. Красивые слова выдуманы только для книжек, – задыхаясь как будто от огромной физической тяжести, прошептал Коля...

Какое непосильное горе надо перенести маленькому человеку, чтобы до такой степени потерять веру в правду, в добро, в человечность! Этот мальчик жил в ужасающей атмосфере лжи, лицемерия, обмана. Его мать была трижды обманута: от трех мужчин, из которых ни один не стал ее мужем, у нее росли три сына. Каждый день она говорила: не верьте никому и ни во что, обманывайте, где только сможете; выигрывает тот, кто лучше сумеет обмануть... И сама учила детей обманывать, лицемерить, воровать. Мы уничтожили у себя в школе в классных журналах страницу, на которой записываются фамилия, имя, отчество отцов. Уничтожили потому, что в каждом классе есть дети, которым ставить вопрос об отце все равно, что посыпать солью рану. Не спрашиваем у детей, где работают их отцы, – узнаем об этом другими путями, потому что знать это необходимо.

Сколько таких детей в нашей стране? Уже больше десяти лет общественность требует, чтобы был наконец отменен закон о прочерках в метриках вместо отчества, закон, против которого восстают здравый смысл, нормы нашей морали. В одном из последних номеров «Литературной газеты» опубликована очень интересная беседа подполковника милиции В. Чванова со специальным корреспондентом газеты Евг. Богатом. Опытный, умудренный годами нелегкого труда, хорошо разбирающийся в

тонкостях чувств и переживаний преступников, В. Чванов считает, что один из главных источников преступности сейчас – это личная вина человека. Да, человек в любых обстоятельствах должен оставаться человеком, никакие ссылки на сложившиеся обстоятельства не могут уменьшить его личную вину. Но истинность этого утверждения имеет свои границы. Если рассматривать преступность как явление, имеющее глубокие корни, рождаются и иные мысли. Если у нас еще есть преступники, то, значит, в общественных, нравственных, духовных, этических отношениях между некоторыми людьми не все благополучно.

Ставшие обычным делом разговоры о том, что во всех нарушениях морали повинна прежде всего школа, дезориентируют общественность и прежде всего родителей. Раз во всем виновата школа, рассуждают многие родители, то, значит, в распоряжении школы есть какие-то средства, с помощью которых можно решить все задачи нравственного воспитания; если бы учителя могли использовать эти средства или если бы по-настоящему взялись за дело, все было бы хорошо. Поскольку школа может решить все или почти все, семья, следовательно, не играет существенной роли в воспитании – в этом сейчас убеждены иные родители.

Нетрудно представить, к каким печальным последствиям может привести такое мнение, и уже частично привело. Многие родители, особенно молодые, убеждены, что их дело – производить детей, пускать их на свет Божий, а воспитанием пусть занимается общество.

В понятие общественное воспитание, по существу, сейчас стали включать только школу; заботы общества о воспитании подрастающего поколения многим представляются без забот семьи. Укрепление семьи – одна из самых важных социальных проблем, от решения которой зависит нравственный облик подростков, юношества.

Надо, чтобы каждый человек понял глубоко: его долг перед обществом, его важнейшее служение обществу – воспитание собственных детей. Первый и главный воспитатель ребенка, первый и главный педагог – это мать, это отец. Будущим матерям и отцам надо давать педагогические знания уже в средней школе. Педагогика должна стать наукой для всех. Может быть, это покажется кое-кому преувеличением: я думаю, что, не изучив азов педагогики, молодой гражданин не должен иметь права создавать семью.

Общественное воспитание – это семейно-школьное воспитание. Духовное формирование человека, повторение в

человеке себя, совершенствование самого себя в своем сыне и в своей дочери – это благородное гражданское творчество.

Надо принять закон, согласно которому родители отвечали бы за воспитание своего ребенка. Следует установить строгий порядок, в силу которого родители не имеют права передавать своих детей кому бы то ни было на воспитание, если только они здоровы во всех отношениях. Если же родители утратили моральное право на воспитание, показали себя нравственно неполноценными людьми, детей должно воспитывать общество.

Для этого есть детские дома. Неправильное, одностороннее представление о сущности общественного воспитания в социалистическом и коммунистическом обществе породило в последние годы дух потребительства, иждивенчества, который глубоко проник в воспитательную работу школы, даже в жизнь пионерских и комсомольских организаций.

Любопытно проследить, как рождается то «нравственное иждивенчество», о котором говорит В. Чванов в «Диалоге о виновности и наказании». Как только приближается лето, райком комсомола не дает покоя: что вы, учителя, думаете делать для того, чтобы обеспечить летний досуг и отдых старшеклассников?

И 50-летняя учительница, которой бы все лето отдыхать, назначается дежурной в так называемый летний самостоятельный комсомольско-молодежный лагерь труда и отдыха, где труда бывает с гулькин нос, а безделья хоть отбавляй, и это безделье надо опекать, придавать ему видимость культурного досуга...

Один директор школы решил сделать так: послать 17-летних парней на все лето в тракторную и полеводческую бригады. С радостью пошли парни в поле, почувствовали настоящую работу, но в райкоме комсомола произошел неприятный разговор: как это так – труд без коллектива, без стенгазеты, без организованного утреннего подъема? Разве можно воспитать закаленных борцов за коммунизм, стойких, мужественных людей, если в отрочестве и юности они все получают в готовом виде?

Недавно в одном селе нашей области произошел случай, похожий на анекдот. Возле колхозного клуба – волейбольная площадка. И вот столбики, на которые натянута сетка, подгнили и свалились. Двадцатилетние парни написали в районную газету заметку: что же это такое делается – о нас, молодежи, не заботятся. Районная газета направила заметку секретарю парторганизации.

Тот во избежание неприятностей послал стариков – колхозных плотников, они нашли пару жердей, вкопали их вместо подгнивших столбиков. В редакцию пошла отписка: меры приняты...

Кое-кто всерьез надеется на то, что чем больше будет сооружено спортивных и танцевальных площадок, поставлено теннисных столов, тем меньше будет преступлений среди молодежи. Наивные детские надежды! Моральная стойкость, невосприимчивость к злу зависят не от танцевальных площадок и теннисных столов. У каждого юноши, у каждой девушки должна быть своя высокая жизненная цель и богатые духовные потребности. Книга – вот что должно быть главным. Почему это подростку нечего делать вечерами? Почему это он ищет, где бы убить время? Почему мы ищем, чем бы помочь ему убить время? Потому что с малых лет он привыкает, что с ним должны возиться, его должны ублажать, увлекать, «охватывать». Потому что в юные души проникает дух потребительства, иждивенчества: для меня кто-то должен что-то организовать, меня должны чем-то «охватить»... Почему это подросток обязательно каждый день должен уходить куда-то из дому – то ли во Дворец культуры, то ли в молодежное кафе, то ли к теннисному столу? Почему у него нет желания посидеть дома, почитать книгу? Почему он стремится в любой коллектив, но только не в коллектив семьи? Почему подросток, юноша не идет под руку с матерью в театр или в клуб? Все это опять-таки следствие того, что из общественного воспитания, по существу, исключена семья.

Говоря об истоках нравственного иждивенчества, нельзя забывать о том, что опаснейший среди них – атмосфера лжи или, что еще пагубней, атмосфера полуправды. Когда маленький, еще не сформировавшийся человек чувствует, что от него что-то утаивают, не договаривают что-то до конца, он поначалу недоумевает, огорчается, а потом иногда начинает думать: так и надо – пусть другие за него все решают, делают тот или иной трудный выбор, берут на себя ответственность...

Нельзя сваливать на школу вину за просчеты и ошибки, которые допускаем все мы и в своей повседневной жизненной практике, и в деятельности наших общественных организаций.

Не бойтесь быть ласковыми

Я беседую с воспитанником детской исправительно-трудовой колонии, 15-летним Сергеем З. Маленький, хрупкий, так и хочется спросить: как ты попал сюда, дитя? Тонкие черты лица, голубые глаза, одухотворенные внутренним напряжением мыслей и чувств. В глазах так много грусти и боли, что на душе у меня становится тяжело.

Сергей случайно прочитал мою книгу «Человек неповторим», написал мне письмо, просил «выслушать его повесть о жизни». И вот я приехал к нему. С первых минут нашего разговора меня удивил контраст между детским возрастом, детскими движениями и недетскими глазами, мыслями, переживаниями. Его рассказ, а потом и то, что я увидел в семье мальчика, что узнал о жизни его родителей, о школе, где он учился, – все это поразило меня, заставило задуматься над острой, самой жгучей проблемой воспитания: взрослые и дети, их взаимоотношения.

Когда Сергей рассказывал мне свою «повесть о жизни», перед моими глазами предстали картины, которые с первого взгляда могут показаться страшными, удивительными, уму непостижимыми в наши дни.

Потом, когда мы с Сергеем поехали в его село, когда я узнал о семье и школе, где прошло раннее детство мальчика, я убедился, что нередко одно-единственное слово старших – отца, матери, учителя – на всю жизнь оставляет глубокий след в человеческом сердце, определяет всю его жизнь.

Отец и мать Сергея – колхозники, живут в большом украинском селе степного юга. Есть у мальчика шестилетний брат и пятилетняя сестренка. Попал Сергей в детскую исправительно-трудовую колонию год назад за тяжелое преступление.

«А началось все, когда я учился в третьем классе, – рассказывает мальчик. – Однажды просыпаюсь ночью – слышу, мать и отец спорят. Из соседней комнаты не слышно было слов, я встал, подошел к двери, тихонько приоткрыл, и то, что я услышал, ошеломило меня. Отец и мать решили развестись. “Что значит развестись?” – искрой вспыхнула мысль. Я понял, что мать и отец будут жить в разных местах, но ни отец, ни мать не хотят брать меня. Отец настаивал на том, чтобы я остался у матери, а мать говорила: пусть сын идет к отцу, ничего я с ним не сделаю, он уже не слушается меня. Ночной спор все больше разгорался, и я впервые услышал от отца и матери такие оскорбительные, грязные слова, что я ужаснулся. Услышал страшное: отец сказал, что я, наверное, не его сын».

В горе и отчаянии мальчик едва дошел к кровати. Не мог уснуть до утра. Утром пошел в школу. В тот день III класс собирался идти в лес. Екатерина Петровна накануне сказала, чтобы каждый взял с собой кто хлеба, то сала или картошки, – будем варить в лесу кашу. Сергею надо было взять стакана два пшена. Но это ли было в голове у мальчика?

«Где же пшено?» – спросила учительница.

Мальчик молчал. Не мог говорить. И пшено, и прогулка в лес, и костер на поляне – все это казалось ему мелочным, ненужным по сравнению с тем горем, которое свалилось на него.

«Учительница еще раз спросила меня, я ничего не ответил, а потом пробормотал что-то в ответ. Не помню и сам что. Позднее узнал, что из уст у меня сорвались грубые слова: “Почему вы ко мне привязались?” Если бы день тому назад кто-нибудь сказал мне, что я могу так ответить учительнице, я никогда не поверил бы».

Слушаю рассказ мальчика и думаю: почему же учительница не сумела увидеть, прочитать горе в детских глазах? Какое это дремучее педагогическое бескультурье: не понять, не почувствовать, что в сердце ребенка – смятение, горе, страдание! Ведь от этого мгновения зависела судьба, вся жизнь человека.

«Не пойдешь в лес! Оставайся дома, грубиян! – закричала Екатерина Петровна, – И не только сегодня, но никогда не пойдешь – ни летом, ни осенью».

Что-то ожесточилось в груди у ребенка, в глазах потемнело. Он пошел сам не зная куда. В школьном саду над астрами летали пчелы, ветерок колыхал ветви черешен с крупными желтыми ягодами, в голубом небе пел жаворонок. И от этой красоты мальчику стало еще тяжелее.

«Никому я не нужен!» – когда эта мысль обожгла сердце, где-то в глубине его родилась злость. «Ах так, если вы делаете мне зло, то и я заплачу вам тем же!» Ему захотелось увидеть горе, страдание в глазах у Екатерины Петровны. Захотелось, чтобы товарищи его, одноклассники – мальчики и девочки, – не радовались, а были опечалены.

«Не думая о том, что я делаю, я стал срывать цветущие астры. Рву и бросаю цветы на траву. Сорвал все цветы, потом стал рвать серебряные стебельки шелковой травы. Сорвал цветы мака. Помню, сидел возле сорванных цветов и плакал».

Если бы в эту минуту кто-нибудь добрый, сердечный подошел к мальчику, сказал хоть одно ласковое слово, пожалел, спросил о его горе – не так, совсем не так сложилась бы его жизнь. Но подошел недобрый человек и не с ласковым словом. Подошел школьный сторож. «А, так вот кто у нас цветы рвет! – сказал он и,

увидев, что наделал Сергей в саду, закричал: – Подлец ты, преступник, что же ты наделал? Вот придет директор, выгонят тебя из школы». Мальчик молча пошел домой. На другой день не пошел в школу, прятался в камышах. Разжег костер, пек картошку. Там нашел его отец.

«Отлупил ремнем, отвел меня в школу. Пионервожатая взяла меня за руку, водила из класса в класс и говорила: вот кто сорвал все цветы в саду. Что делать с этим хулиганом, как вы думаете? Я ничего не видел, слышал только, как кто-то предлагал исключить меня из школы».

Сергея не исключили, но для него пришли трудные дни. Учительница на каждом шагу напоминала, что Сергей – маленький преступник. Класс шел на экскурсию, а Сергей – домой. А матери и отцу некогда было заниматься сыном, другое было у них в голове. Отец уже собрался было куда-то ехать, связал вещи в узлы, сложил чемоданы. Потом узлы развязал, а чемодан так и стоял у шкафа.

В конце учебного года класс поехал на экскурсию по Днепру – в Канев и в Киев. Сергей любил книги о дальних краях, представлял те места, куда ехали одноклассники, и мысль о том, что он никому не нужен, пекла теперь особенно нестерпимо. Та неделя, когда класс был на экскурсии, стала для него тяжелым испытанием. В детском сердце росла озлобленность. Он стал ненавидеть всех. Раньше чтение было любимым, очаровательным миром – теперь же и этот мир стал казаться ему лицемерным, он перестал верить не только людям, но и книгам. Ходил как неприкаянный – в дубраве, по берегу пруда, по лугу. Разжигал костер в зарослях кустарника. Нашел старую, кем-то выгнанную из дома собаку, она стала его единственным другом, он кормил ее жареным картофелем с мясом. А когда вареной пищи не было, взял из дома курицу, зарезал, зажарил на огне – ел вместе с Жучкой.

Так прошла эта тяжелая неделя... И вот однажды Сергей увидел, как одноклассники возвращаются домой. Веселые, загоровшие. Екатерина Петровна ласково улыбается маленькой Зое, ведя ее за руку. «А я никому не нужен...» И снова из глубины души поднялось озлобление: радость человеческая стала жечь детское сердце невыносимой болью.

«Мне снова захотелось принести боль и горе тому, кто счастлив. Я пошел в школу, зашел в теплицу, сломал, изувечил растения, разжег на полу костер и убежал. Издалека наблюдал, как вспыхнули сухие рамы теплицы. Злорадство наполняло мое сердце. Теперь никто не мог обвинить меня – никто не видел. Учительница долго спрашивала: «Это ты все сделал?» Но я умел

теперь говорить неправду, глядя людям в лицо, и уверять: и сном и духом ничего не ведаю, я в то время дома был, спросите у матери...»

Сергей тяжело вздохнул, как будто бы это был человек, узнавший и испытывший много на своем веку. Боль сжала мое сердце. Хотелось привести сюда отца, мать, учителя, хотелось сказать им: ведь это самое страшное, что можно себе представить, – озлобленность детского сердца. Как же вы допустили это горе, почему не увидели его в самом зародыше?

Шли месяцы и годы. Сергей жил в одиночестве, никто никогда не прикоснулся ласково к детской головке, никто не спросил, что у мальчика в сердце. Родители несколько раз расходились и опять сходились. Сергей слышал страшные, оскорбительные слова о человеке, о матери и женщине. В школе его посадили за последнюю парту. Некоторое время оставляли после уроков, чтобы выполнял домашние задания, но потом махнули рукой – делай, что хочешь. Сердце ребячье одеревенело. Сергей стал каким-то бессердечным и безжалостным. Однажды осенью – это было в шестом классе – убрали на школьном участке кукурузу. Девочки сложили на меже платочки и узелки с пищей. Сергей первым окончил ломать початки на своем рядке, подошел к платочкам, стал на них ботинками, втоптал в грязь. Сделал это без какого бы то ни было намерения причинить зло – просто так, безразлично было все. Его наказали: запретили заниматься в школьной мастерской и в спортивном зале, а отец «отлупил, как всегда, когда учителя сообщали о моем поведении...»

«И школьные, и домашние наказания совершенно не влияли на меня. Чем больше бил меня отец, тем больше озлобленности было в моем сердце. А о школьных наказаниях нечего и говорить. Они были рассчитаны на то, чтобы сделать мне больно, – так мне всегда казалось.

Знал директор школы, что единственным любимым предметом остался для меня труд в мастерской, – и запретил посещать мастерскую. Вскоре возле сверлильного станка сгорел мотор. Директор и не догадывался, почему он сгорел.

И вот теперь это, последнее преступление, за которое меня судили... Мне сейчас стыдно говорить о нем, и, наверное, мой стыд – хорошее чувство. Я хочу очистить свое сердце от ледяного безразличия, от равнодушия...»

Он не рассказывал о своем последнем преступлении, но я знал о нем. Во время новогоднего праздника, когда все дети были у елки, он бросил кусок проволоки на электропроводку. Произошел пожар. Два ученика искалечены на всю жизнь.

«Меня много раз спрашивали – и во время следствия, и после: что было непосредственным поводом к преступлению? Возможно, тебе запретили приходить на праздник новогодней елки? Нет, не запрещали. Я годы был одинок, в моем сердце запеклась озлобленность и, наверное, жестокость – я теперь много знаю о самом себе – плохо это или хорошо? С той ночи, когда я впервые узнал, что я не нужен ни отцу, ни матери, я не слышал доброго слова».

«Повесть о жизни» Сергея приближалась к концу. Как много горя пережило твое сердце, мой юный друг, и каким равнодушным, бессердечным надо быть, чтобы пройти мимо твоего одиночества! Вдумываясь во все перипетии и повороты отношений между мальчиком и учителями, я боялся мысли: неужели настоящий педагог может направлять все свое творчество, всю изобретательность в том направлении, чтобы придумывать наказания, которые могли бы выставить напоказ то, что есть в человеке плохого, ошеломить, принести боль? Почему это так произошло, что сердце мальчика оделось в ледяной панцирь? Почему никто в школе не подумал о том, чтобы прикоснуться к этой льдинке теплом, душевностью, участливостью? Почему 10-летний ребенок видел в глазах старших только подозрение и недоверие?

Я увидел в глазах Сергея не только боль и страдание. Увидел желание стать настоящим человеком. Сердце ребенка билось о ледяной панцирь, стремилось растопить лед неверия в людей. Подросток стремился теперь сам воспитывать себя, стремился утвердить в себе то, что должно было утвердиться тогда еще, когда учила и воспитывала его Екатерина Петровна. Неужели педагог может дойти вот до чего: поставить непослушного, строптивого, как говорила Екатерина Петровна, ученика у шкафа и сказать: «Постой, погуляй, а товарищи пусть посмотрят на твои ноги...»?

«Мне здесь очень хорошо, – заканчивает свою повесть Сергей. – Никто не смотрит на меня с подозрением и недоверием. Я понял, что воспитатели хотят видеть во мне хорошее. Я как будто на свет родился. Вот был недавно такой случай: в мастерской обточил я деталь не так, как надо, и мастер с гневом сказал мне: “Эх, бить тебя надо за то, что сам в себя не веришь. Ведь ты же человек – вот о чем прежде всего помни. Ты можешь сделать эту деталь прекрасной. Ведь труд твой – это ты сам, твое лицо, твои руки, твои мысли, твое сердце...” Какой очаровательной музыкой прозвучали для меня эти гневные слова! Я почувствовал, что мастер хочет мне добра, и мне впервые стало стыдно за себя. Поверьте, я впервые пережил чувство стыда.

Сердце радостно затрепетало. Неужели это и есть пробуждение того человеческого, о чем вы пишете в своей книге? Неужели во мне пробуждается Человек?»

Эта удивительная исповедь юной души навсегда останется в моем сердце. Она стала источником тревожных дум о воспитании. Как это ни досадно, как ни обидно, но надо нам, товарищи учителя, воспитатели, сознаться самим себе, что в школьном воспитании много, очень много дремучего педагогического бескультурия, порой и невежества. Это прежде всего забвение той самой простой и самой мудрой истины, что воспитание Человека – это прежде всего воспитание сердца. В той гармонии, которую представляет собой духовное богатство Человека, сердцу принадлежит самая тонкая, самая нежная мелодия. Педагогическое бескультурие в воспитании чувств – это, на мой взгляд, одно из самых больших зол, которые часто приводят к печальному концу. Это зло бросается в глаза уже при первом знакомстве с жизнью многих школ. Крик, окрик, нервные, повышенные интонации – во многих школах это стало привычной чертой взаимоотношений учителя и учеников. Привыкая к окрику учителя, к стуку рукой по столу, к повышенному, нервно-крикливому тону обращения, ученики в течение 5–6 часов находятся в состоянии ненормального напряжения – уже одно это представляет собой угрозу не только здоровью, но и нравственному развитию. Нервозность, напряженность издергивают, огрубляют сердца детей, приводят к тому, что они перестают реагировать на обычный тон обращения и реагируют только на сильные, усиленные средства – тот же окрик, стук по столу, нередко угрозу. Недопустимое педагогическое бескультурие начинается, как видим, с того, что у ребенка изо дня в день, из месяца в месяц издергивается сердце. У него притупляется чуткость, его сердце как будто бы деревенеет, становится нечувствительным к тем тончайшим тонам и полутонам человеческого слова, которые оно должно ежедневно чувствовать и которые, в сущности, и воспитывают сердечную чуткость. В атмосфере постоянной напряженности, нервозности, крика и учитель в конце концов теряет эти тончайшие нюансы – тоны и полутоны.

«Я работаю в школе шестой год, – рассказал мне молодой учитель из Калининской области, – и с каждым годом чувствую, как все больше “деревенеет” мое слово, с которым я обращаюсь к детям, – я теряю “сердечную окраску” своего слова, потому что все время вынужден “перекрывать” своим голосом крик и шум в классе. Чувствую, что чем больше “одеревенения” в моем обращении, тем равнодушнее дети к моим словам и тем чаще

приходится мне прибегать к окрику, угрозе. С уроков прихожу домой разбитый, с головной болью, несколько часов не могу ни за что взяться, лишь к вечеру немного успокаиваюсь и начинаю работать, засиживаюсь над книгами ночью, а утром встаю с тяжелой головой...»

После рабочего дня, проведенного в атмосфере нервозности, напряжения, чрезмерного возбуждения, ученики, особенно подростки, тоже приходят домой с истощенной нервной системой и не могут работать. Сидение же над домашними заданиями с тяжелой головой и истощенным, уставшим сердцем приводит к тому, что выполнение домашнего задания превращается в настоящее мучение, а результат этого сидения – поверхностные знания, головная боль, усталость на последующих уроках, снова то же равнодушие и реагирование только на «сильнодействующее» средство – крик и окрик. Присмотримся к этому заколдованному кругу, задумаемся, какое большое зло приносим мы и себе и детям забвением элементарных истин педагогической культуры. Крикливость, нервозность, напряженность ведут учителя в тот тупик педагогического бессилия, где происходит еще более позорное и более страшное: школа, которая по самой своей природе должна быть святым местом гуманности, человечности, храмом сердечной культуры, тончайших и благороднейших человеческих чувств, становится иногда – как это не дико звучит, но это так – местом произвола и несправедливости. Не зная, что делать с учеником, который, по его мнению, умышленно нарушает дисциплину, умышленно причиняет неприятности, учитель прибегает к «сильнодействующему» средству – наказанию. Слабость апеллирует к силе и насилию. Да, я не один час думал, прежде чем написать это слово – насилие, но произвол и несправедливость всегда выливаются в насилие над сердцем, волей, мыслью, чувствами ребенка. А там, где начинаются «сильнодействующие» средства – несправедливое наказание, насилие, произвол, – кончается, исчерпывается педагог и начинается надзиратель, которого дети ненавидят. Я увидел Екатерину Петровну, познакомился с ней. Мне страшно стало за судьбу тех, кого она воспитывает сейчас и кто к ней еще придет. Такие люди не чувствуют в своем питомце человеческого сердца. Их прикосновение к сердцу ребенка – это ржавая пила, а не живая вода, успокаивающая боль и лечащая горести. А между тем только от нее зависело спасти человека, не допустить его падения – озлобленности, ожесточенности.

Конечно, было бы странно и дико, если бы где-нибудь в современной школе, в нашем обществе кто-нибудь применил

палку, розгу, ремень или подзатыльник в буквальном смысле этих понятий. Эти наказания давно умерли. Но духовная палка, духовная розга, духовный ремень и подзатыльник, духовное растравливание раны и присыпание ее солью не столь уж большая редкость. И в этом и заключается нелепость, тупость того педагогического бескультурья, которое приносит много зла нашему обществу, приносит горе и несчастье людям. Ведь коммунистический человек – это не только человек большой умственной культуры, духовного богатства и физического совершенства. Это еще и человек счастливый – одаренный человеческим счастьем, и одарить его этим ни с чем не сравнимыми, ни с чем не сопоставимым богатством должны мы, педагоги, вместе с семьей.

Я с гневом отбрасываю несправедливые обвинения учителей отдельными невеждами – родителями, людьми, не представляющими, как трудна и сложна работа настоящего педагога. Я знаю десятки учителей, творческий труд которых поистине героичен, и таких учителей в нашей стране тысячи и тысячи. Но я с болью говорю, что на долю дремучего педагогического бескультурья приходится добрый процент тех жизненных трагедий, в результате которых подросток в лучшем случае оставляет школу, попадает в графу «отсев», в худшем случае за ним на несколько лет закрывается дверь исправительно-трудовой колонии, как за Сергеем. Бескультурье это почти всегда, как говорится, школьно-семейное – к невежеству и бессердечности родителей присоединяется, как это ни странно, невежество и бессердечность горе-педагога. Нередко, когда говоришь об этом, приходится слышать опасливые предостережения своего брата педагога: «Зачем об этом заявлять принародно? Ведь родители могут подумать, что виновата во всем школа, и тогда нам будет работать еще труднее». Напрасная боязнь. Родители, которым дорога судьба своих детей, прекрасно понимают истоки и причины трудностей воспитания, свои просчеты они никогда не скрывают. Педагогическая культура родителей в нашем обществе за последние десятилетия неизмеримо выросла, и, чтобы наше школьное воспитание стало в полном смысле этого слова коммунистическим, нам, педагогам, надо понять всю глубину ответственности, которая возлагается на нас обществом.

Прошлой осенью в первый класс привел своего сына отец, который четырнадцать лет назад сам сидел за партой. Я на всю жизнь запомнил его: строптивый, своенравный, непослушный мальчик, всегда действовавший как будто бы наперекор самым разумным требованиям. И вот он привел в школу сына. Волнуясь,

с трудом находя слова, чтобы выразить свою мысль, отец просил: «У сына точно такой же характер, как и у меня. Увидите в нем что-нибудь плохое – не напоминайте ни одним словом в присутствии других детей: замкнется, станет молчаливым, а делать будет совсем не то, что требует учитель. О плохом говорите с ним наедине – и он будет стремиться стать хорошим. По себе знаю...»

Каким бы трудным, «безнадежным», «пропащим» ни был человек, которого мы воспитываем, в его душе всегда есть крупица хорошего. И если бы я не верил в эту крупицу, воспитание было бы тягостью для меня и мучением для того, кого я воспитываю. Что подумали бы о враче, который, войдя в палату к больным, сказал бы тяжелобольному: «Состояние ваше безнадежное, лечить вас не стоит, можете заказывать гроб»? Бессердечность такого врача была бы строго осуждена общественностью, и вряд ли он смог бы продолжать свою работу в больнице. А в школе аналогичную картину можно встретить очень часто. О том, что ученик «безнадежный», что из него ничего не выйдет, говорят не только самому ученику, но и родителям – принародно, на собрании. Открытое напоминание об умственной неполноценности ребенка, нарочитое стремление «пробрать», задеть самые чувствительные уголки сердца – это ничем не излечимая рана, удар палкой по нежному, чувствительному детскому сердцу, удар, который, повторяясь зачастую изо дня в день, огрубляет сердце, делает человека нечутким, безразличным к собственному достоинству. Вряд ли в школе – самой гуманной среде нашей общественной жизни – можно встретить что-либо более дикое и нетерпимое. Кровь закипает в сердце от возмущения, когда узнаешь о нелепых, бессердечных, но «сильнодействующих» средствах влияния на ребенка, которые по замыслу педагога должны заставить его хорошо учиться, быть примерным. В одной школе учительница привела на родительское собрание двух школьников-второклассников и заставила читать: один читал бегло, выразительно, эмоционально насыщено, другой демонстрировал неумение читать: сбивался, переставлял слоги, читал не то, что написано. Выставление напоказ неумения, стремление изобразить неумение как моральное зло, публичное унижение человека – уже одно это большое зло. Но еще большее зло – зло, с которым не может примириться сердце, – заключалось в том, что школьник, не умеющий читать, чувствовал себя перед родителями совершенно спокойно, его не беспокоило, не удручало, не обижало публичное унижение. Значит, нежное, чувствительное сердце перенесло уже так много ударов моральным ремнем, что самая чувствительная

среди всего живого – душевная ткань стала твердой и мозолистой, не чуткой ни к наказанию, ни к доброму слову.

Задумаемся, почему в нашем обществе есть немало молодых людей и людей зрелого возраста, до которых, как говорится, не доходит ни доброе слово, ни наказание? Почему в одном прекрасном белорусском городе 18-летний юноша, которого судил народный суд за тяжкое преступление, на вопрос судьи о специальности с вызовом ответил: «Хулиган»? Да потому, что чуткое сердце, открытое добру, ласке, справедливости, подвергается в годы детства и отрочества несправедливым и ничем не оправданным наказаниям, унижениям, становится толстокожим, покрывается непроницаемым ледяным панцирем равнодушия.

Я получаю много писем от родителей и учителей. Вот о чем рассказывает учительница: «В первом классе есть у нас маленький такой, как колобок, Мишко... Заведен у нас в школе порядок: дежурные ученики пускают в школу только того, кто хорошо вымыл обувь. Хороший порядок, но... Мишко не успел вымыть ботинки и опоздал на урок. Директор выставил его в коридор и приказал: стой здесь, не сходи с этого места. Я не знала, что это директор решил проучить ребенка, смотрю – стоит Мишко лицом к стенке. “Почему ты стоишь?” – спрашиваю. Молчит, а в глазенках – слезины, как горох. Взяла я Мишко за руку, отвела в класс. И что бы вы думали? И директора, и всех учителей возмутил мой поступок, стали все приклеивать мне ярлычок: добренькой хочет быть, потекает нарушителям дисциплины. Горько и обидно слушать это. Дикость какая-то...»

Одна учительница написала в дневнике второклассника (конечно, к сведению родителей): «Володя на уроке все время улыбался». Мать прочитала, но не поняла, хорошо это или плохо, что ее сын улыбался. Но вот в дневнике вторая, грозная запись: «Володя продолжает улыбаться, примите строгие меры». Мать избила ребенка. Володя больше не улыбался.

Что, кроме возмущения, может вызвать письмо пенсионерки Е. Петровской (из г. Красного Лимана Донецкой области): «У нас сделали правилом: как только кто из учеников не слушает учителя или что-нибудь говорит с товарищем, его ставят у доски. Один ученик не встал у доски, а вышел из класса. Учительница пошла в канцелярию, звонит в милицию: такой-то ученик сорвал урок. Отправление в милицию “нарушителей” стало в городе обычным явлением. Учеников с плохим поведением не принимают в кружки. Девочек, которые учатся на тройки, запретили принимать в музыкальные школы, а в балетные кружки принимаются только отличницы. Завуч школы № 1 вызвала мать

одного ученика, говорит ей: “Ваш сын бежит по школьному двору после занятий. До каких пор это будет?” Мать ответила: “А почему же ему не бегать? Что же здесь плохого?” Завуч ответила: “Ну, такой нахальной матери я еще не видела”».

Это они и есть, удары духовного ремня, калечащие ребенка, огрубляющие его душу, ожесточающие, делающие его бессердечным, равнодушным ко всем и, что особенно страшно – к самому себе, к собственной чести и достоинству. Задумаемся, каким гражданином станет человек, который уже в детстве побывал в милиции, не раз был выставлен на публичную «проработку» перед своими товарищами или даже перед родителями? Какого уважения к законам и правилам социалистического общежития можно ждать от того, кого уже неоднократно «обнародовали», чья душа была принародно вывернута? Для такого человека не будет ничего святого.

Только ласка является той чудодейственной духовной силой, которая способна уберечь человеческое сердце от огрубения и озлобления, от жестокости и равнодушия, от бессердечно-тупого отношения к тончайшим прикосновениям к сердцу, и прежде всего к доброму, ласковому, сердечному слову. Это основа моей педагогической веры. Может быть, у кого-нибудь из моих коллег эти слова вызовут ироническую улыбку: что же, будем ласковыми, а они нам на голову сядут. Тысячу раз убежден, что зло в детском сердце рождается только грубостью, бессердечностью, равнодушием взрослых, а не лаской, и на голову взрослому садится, становится нахальным, насмехается над добротой и лаской человеческой тот, кто не знает подлинной ласки и доброты, чье сердце огрубело, измолилось. Ласка – это не сюсюканье и не детский лепет. Это – человечность. Это самая сущность, средоточие коммунистической педагогики, для которой истина – человек человеку друг, товарищ и брат – не красивая фраза, а плоть и кровь взаимоотношений между людьми. Коммунистическая педагогика, рождающаяся из практики самых человеческих в мире отношений, является сплавом мысли, идеи человечности и сердечной доброты. Я бы сказал: это идея человечности, умноженная на доброту сердца каждого учителя как живой личности, как неповторимой человеческой души.

Ласка – это не потакание капризам, не бездумное удовлетворение прихотей изнывающего от безделья ребенка. Потакание капризам и прихотям развращает человека, огрубляет, ожесточает сердце ребенка так же, как и зло, равнодушие, бессердечность, потому что капризный, «заласканный» маленький человек видит только себя и не видит людей, он – эгоист, а у эгоиста его собственный мир является центром вселенной. Речь

идет о ласке и доброте, возвышающих человека, утверждающих в его душе самоуважение и уважение к людям, чувство собственного достоинства.

Ласковое слово имеет сотни оттенков, и овладеть ими можно лишь тогда, когда вы любите детей. Как музыка непостижима для тугоухого, так ласковое слово недоступно бессердечному. Воспитание лаской – это формирование у ребенка взгляда на самого себя как на одаренное существо, достойное уважения и чести. С детства беречь чуткость, совесть, чистоту человеческого сердца, не озлоблять его, не отуплять и не ожесточать, не делать бездушным и черствым, одеревеневшим и окаменевшим – это один из самых главных принципов моей педагогической веры. Я считаю идеалом то, чтобы сердце 18-летнего юноши, воспитанного школой, было настолько чутким к слову старшего товарища, что еле заметный оттенок слова, в котором звучит упрек, заставил его переживать угрызения совести. Не верю в наказание, в котором есть хоть маленькая капелька, хоть отдаленное сходство с унижением человеческого достоинства. А унижение начинается там, где о чем-то нехорошем, что есть в ребенке, «доводится до сведения» коллектива, где то, что ребенок считает глубоко личным, выставляется напоказ, где «выворачивается душа», открывается перед глазами товарищей что-то неприкосновенное. Все эти «сильнодействующие» средства уязвляют детское сердце, обжигают его, откладываются в памяти сердца обидой, оскорблением.

Воспитание детского сердца, оберегание его от зла, от незаметных с первого взгляда ударов духовной палки и в семье, и в школе – это одна из тончайших сфер общественного воспитания. Мало чести нам, учителям, если в жизнь будут идти люди с одеревеневшими озлобленными сердцами, если уже в стенах школы они все узнали и все познали.

Страшно представить себе человека с одеревеневшим и озлобленным сердцем, воспитанного в духе морального ремня, в роли руководителя – хоть маленького, но руководителя, которому вверяется судьба людей – их сердец и чувств. Бездушность, бессердечность, удивительная тупость бюрократа, которые мы время от времени с изумлением встречаем в жизни, – это и есть следствие одеревенения чуткости сердца в годы детства и отрочества. А представим себе человека с одеревеневшим и озлобленным сердцем в роли отца семейства, мужа? Откуда берутся у нас домашние тираны? Все оттуда же – из среды, где царит грубость, где к сердцу прикасается не доброе и ласковое человеческое слово, а шершавая ладонь руки, привыкшей к единственному средству – подзатыльнику, пусть он имеет

духовное одевание, но он остается подзатыльником. А среда эта бывает и в школе, и в семье.

О плохом, что есть в ребенке, пусть знает как можно меньше людей – пусть даже совсем не знает коллектив, и это будет только лучше. Ведь мы имеем дело с детским сердцем, а это самая тонкая и самая чуткая душевная ткань, к ней надо прикасаться бережно и осторожно, лаской и добром. Чем больше тонкости и тактичности в этой сердечной сфере взаимоотношений – во взгляде педагога на хорошее и плохое в ребенке, тем более чутким становится ребенок, подросток к хорошему и плохому в самом себе, тем больше стремится быть хорошим.

Воспитательная роль коллектива заключается вовсе не в том, чтобы коллектив был пугалом и судищем. Коллектив лишь тогда воспитывает настоящего человека, когда он утверждает самоуважение личности, чувство достоинства и чести каждого человека. Искусство и мастерство воспитания человека коллективом заключается в том, чтобы каждая личность чувствовала, что она приносит что-то хорошее, красивое в коллектив, делает добро и от этого коллектив и его жизнь становятся счастливее и прекраснее. Тридцатидвухлетняя работа в школе привела меня к твердому убеждению в том, что в воспитании существует вот такая закономерность: коллектив лишь тогда становится могучей воспитательной силой, когда он видит в каждом ребенке, подростке в десять, в сто раз больше достоинств, чем пороков и недостатков. А это означает, что воспитание коллектива – тонкая, филигранная работа воспитателя с каждой личностью, тонкое, ласковое, человеческое прикосновение к каждому сердцу, тонкая и заботливая подготовка каждой личности к жизни в коллективе.

Читатель может спросить: а что же все-таки делать, если в коллективе есть хулиган, злостный нарушитель дисциплины? Я тысячу раз убежден, что зло в ребенке, в подростке творится только злом, но удаляется из детского сердца только добром.

Ласковость, если она утверждает в человеке самоуважение, имеет одно чудодейственное свойство: она развивает в детском сердце чувство стыда, угрызания совести. Умейте найти такое слово и так его сказать, чтобы не унизить ребенка и в то же время чтобы ему стало стыдно, – это одна из важнейших заповедей воспитания сердца. Слово это не заучишь из учебника педагогики, не запишешь на лекции профессора. Оно рождается в сердце учителя и окрашивается его чувствами. Воспитанник слушает сердцем своего воспитателя только тогда, когда воспитатель говорит сердцем. Можно сказать ребенку или подростку самые обычные слова: «Как же это оно так получается?», «Что-то мы

теперь с тобой будем делать?» – и эти слова прикоснутся к самым чувствительным уголкам сердца, заставят пережить свой поступок, пробудят благородные движения души. Чудодейственная сила слова рождается в любви педагога к ребенку, в его глубокой вере в человека. Любовь к человеку и вера в него – это, образно говоря, воздух, на котором держатся крылья ласки. Нет этого воздуха – птица камнем падает на землю, и самые, казалось бы, ласковые слова остаются мертвыми звуками.

Пусть звучит в наших школах чарующая мелодия музыки сердец. Прикасайтесь лаской и добром к самой нежной и самой чуткой в мире материи – детскому сердцу. Берегите человеческое достоинство, утверждайте в человеке уважение к самому себе, воспитывайте тонкость и чуткость реагирования детского сердца на добро и зло. Как зеленый листок тянется к солнцу, так душа вашего воспитанника пусть тянется к ласке и добру. Умейте быть ласковым.

Автору письма «Ременная педагогика»

Читатель – прежде всего и наш брат, педагог, – прочтя письмо А. Буренковой, скажет: но ведь это единичные факты. Можно ли на их основании строить обобщения, выдвигать проблему? Разве недостаточно, если те, о ком говорится в письме, узнают себя и устыдятся?..

Но нет, как бы ни богата была наша школа прекрасными педагогами-мастерами, умеющими понимать душу и разум юношества и детства, это не дает нам права не замечать педагогического бескультурья и безразличия к судьбе ребенка, даже если случаи эти были бы единичными.

Пройти мимо отчаянного родительского, а значит, и детского вопля «что же делать?» никак нельзя. А ведь он повторяется не в десятках – сотнях писем.

Кое-кто представляет себе школу только как кладовую знаний. Каждый день приходит сюда ученик, берет какую-то частицу ценностей из кладовой... Чем меньше взял, тем хуже. Мало берет – пропащий человек.

Забываем мы, что назначение школы в государстве, написавшем на знамени своем «Все во имя человека...», неизмеримо сложнее. Мы, педагоги, стоим у колыбели человека, личности – этой величайшей ценности, которая составляет главное богатство общества и которую общество доверило нам. Помним ли мы об этом?

Однажды мне пришлось зайти в хорошее, вновь построенное здание школы. Все здесь было прекрасно: и учебные кабинеты, и светлые коридоры, и душевая рядом со спортивным залом. Но кто-то из детей посадил чернильное пятно на свежевыкрашенную панель. И тут, у чернильного пятна, собрались директор, его заместитель по хозяйству, дежурные. Все по очереди скоблили, отмывали пятно. А у подъезда школы играли в мяч два шестиклассника. Они не пошли на урок. И никто не заметил этого – ни директор, ни учителя. Не заметили ни тотчас же, ни через час... Как могло случиться, что чернильное пятно на панели заслонило перед педагогами самое важное, что есть в школе, – детей, их неблагополучие?

Когда видишь, сколько стараний прилагает иногда школа, чтобы избавиться от плохого ученика, какая изобретательность при этом проявляется, жаль становится сил и энергии, заслуживающих лучшего применения, жаль неиспользованных возможностей. Ведь каждый, буквально каждый без исключения ребенок – это целый мир. Мир еще не открытый и не

исследованный. Нам, педагогам, его открывать. Нам поднять этот мир до самопознания и самоусовершенствования.

Может быть, я погрешу против научной точности, отвечая на вопрос, что такое воспитание, но, на мой взгляд, это возвышение человека, постоянное и кропотливое, многотрудное и радостное.

Подлинное мастерство воспитателя заключается в том, чтобы его питомец уважал себя, дорожил своим достоинством. Если ребенок не уважает себя – это уже грань катастрофы.

Строки из письма: мальчик, стараясь не разбудить мать, тихонько встает ночью, открывает тетрадь, подделывает отметку... Если он стирает двойку, если ему еще стыдно за нее, то это не так уже и страшно. Хуже, когда мальчишка, придя из школы, равнодушно бросает портфель и на вопрос «Какие сегодня отметки?» отвечает: «Смотрите сами...» Или – бывает и это – разрывает дневник и на вопрос учителя: «Где же тебе отметку ставить?» – отвечает: «Хоть на лбу и ставьте...»

Существу, рожденному в человеческом коллективе и осознающему свое «я» в этом коллективе, хочется быть хорошим. Хочется, чтобы люди считали его хорошим. И наша миссия – это желание всячески развивать.

Поймите драму, которая развивается порой в душе ребенка: у других буквы получаются красивые, а у меня не получаются. Другие легко решают задачу, а у меня почему-то «не выходит». Другие хорошие, а я плохой. Плохой сегодня, плохой завтра... В детском уме еще не может уложиться, почему он, такой же ученик, как и другие, и вдруг плохой. Ему стыдно. А потом уже не стыдно, ребенок привыкает к тому, что он не такой, как все. В нем утверждается убеждение: не всем же быть хорошими, кому-то и плохим надо быть.

Происходит огрубение, окостенение души, и я не знаю ничего более печального в школе.

Драма еще более усугубляется, когда в таинство воспитания, где должны править мудрость и добро, где все – итог тонкого и могучего напряжения духовных сил, врывается ремень, то, о чем пишет А. Буренкова.

До тех пор, пока хоть какая-то часть родителей верит, что ремень сильнее убеждения и доброго слова, школа не может стать в полной мере домом, где возвышается человек. И мы должны без усталости развенчивать на ивную веру в пользу «ременной педагогики», самым беспощадным образом пресекать ее применение в семье.

Но права А. Буренкова: беда в том, что и какая-то часть учителей в этом смысле «теоретически» недалеко ушла от родителей.

Если я знаю, что отца моего Вани бог умудрил единственным талантом – рожать детей, и если при этом я вызываю этого «мудрого» отца в школу и говорю ему: «Ваня ваш – лодырь, не хочет учиться», происходит элементарная вещь: я, учитель, которому, конечно, не пристало заниматься побоями, бью мальчика рукою отца. Становлюсь соучастником преступления.

Я видел немало людей, считающих себя интеллигентами, что, впрочем, не мешает им придерживаться убеждения, будто отсутствие шлепков размягчает, разнеживает ребенка, порождает своего рода неприспособленность к жизни. Ремень не только унижает достоинство ребенка, но и развращает его душу, пробуждая в ней самые темные, самые подлые черты: трусость, человеконенавистничество и лицемерие. Самыми стойкими, самыми непримиримыми к злу становятся те, кто не знал в детстве ни шлепка, ни подзатыльника.

Лет пятнадцать назад ко мне в школу пришла девочка. Фантазерка, она удивляла нас своей способностью создавать сказки. Однажды на перемене Олеся – так звали девочку – подбежала ко мне, и я увидел ужас в ее глазах. «Петя на Гришу... палку, палку», – сказала она. Оказалось, что в ее словаре даже не было слова «ударить». Она не знала, что один человек может бить другого, так счастливо сложилось ее детство. Что же, из-за этой своей неосведомленности девочка вошла в жизнь неподготовленной? Получилось совсем по-другому. Когда на ее глазах хулиган поднял нож, чтобы нанести удар женщине, девятнадцатилетняя студентка вырвала нож. Получив ранение, она защитила человека от верной гибели.

Разрушая душевную связь взрослых и детей, ремень заведомо обрекает на неудачу все воспитательные усилия и родителей, и учителей. Если от маленького ребенка под страхом порки можно добиться показного благонаравия, то подростка уже не выпорешь. Чем же заменить потерявший власть ремень? Такому наказания не страшны, а разумное и сердечное слово непонятно. Здесь кончаются и родительский авторитет, и родительская власть. Дальше человек будет предоставлен самому себе и случаю.

Нельзя мириться и с тем, что некоторые педагоги – в силу ли низкой педагогической культуры, потому ли, что не умеют подчинять эмоции разуму, – прибегают к духовному ремешку. Уважение к ребенку не совместимо с унижением, как не совместимо и с «сильными», «волевыми» мерами воздействия – окриками, стуком по парте, угрозой.

Это не проповедь всепрощения, как кажется кое-кому, когда произносишь слова «уважение», «чуткость», «сердечность». Я убежден: с «сильными», «волевыми» средствами воздействия

несовместима и подлинная педагогическая требовательность. Выдвигать перед ребенком многочисленные наши требования, в то время как он не верит в свои силы, да и ты, педагог, примирился с тем, что твой ученик плох и никудышен, – это все равно что пытаться плыть, гребя веслами, в песчаных волнах.

Школа не кладовая знаний, а светильник разума. Все дети не могут иметь одинаковые способности. И важнейшая задача школы – воспитание способностей.

Разве можно быть спокойным, если в учении, которое должно приносить радость бытия и радость познания, ребенку становится неуютно и жутко? Жутко и неуютно потому, что и сегодня, и завтра, изо дня в день он чувствует: я плохой. У меня есть еще такое письмо: «Девочка моя не успевает. Двойки и двойки. Приходит домой грустная. Однажды ночью просыпаюсь, слышу – плачет. “Что с тобой, доченька?” – “Мама, уедем туда, где нет школы...”»

Возвышать человека на поле учения – это значит никогда не забывать, что мы имеем дело с детской, неокрепшей мыслью. У одного она как стремительная река, другой – тугодум. Не спешите ставить оценку, не превращайте ее в идола. Не ставьте вообще в начальных классах двоек – это кнут и дубинка. Не подрубайте корень желания быть хорошим.

У меня в школе в начальных классах есть правило: до тех пор, пока ребенок не научился удовлетворительно выполнять ту или иную работу, ему не ставится никакой отметки. Ты еще поработай, говорят ему, ты ведь можешь... И ребенок, подгоняемый желанием быть хорошим, напрягает все свои силы для того, чтобы выполнить задание. Вот где начало той подлинной требовательности, о которой шла речь выше. Он, маленький человек, собираясь с силами – а силы эти в детской душе неисчерпаемы, – поднимается на одну ступеньку выше. Он несет из школы радость. Он видит в счастливом сне свой подъем, а не встает украдкой, чтобы подтереть в дневнике отметку. Не одного ребенка мы спасли от унижения и даже падения тем, что не ставили ему двойки и не прибегали ни к каким «сильным» мерам воздействия.

Все это не значит, разумеется, что из класса в класс можно переводить с двойками. Это было бы самым жестоким равнодушием. Я за то, чтобы пробудить в человеке уважение к самому себе. А если ребенок уважает самого себя, он сам будет ставить перед собой требования, выдвигаемые учителем.

Школа – это то место, где развиваются самые сложные, какие только могут быть в мире, человеческие отношения. Сложные потому, что происходит великое и трудное, радостное и

мучительное творение человека. Педагогическая мудрость в том и заключается, чтобы видеть своего питомца глазами созидателя.

Берегите чистоту души ребенка

Иногда в жизни встречаются факты, которые на первый взгляд невозможно объяснить никакими закономерностями. В одной из школ произошел такой случай.

В четвертом классе сельской школы 24 ученика. Учительница шутя говорила: «Я настолько хорошо знаю своих воспитанников, что, войдя в класс и посмотрев в глаза детям, уже вижу, кто из них сегодня знает урок и кто не знает, кто ответит на “отлично”, а кто – на “посредственно”».

В классе было несколько мальчиков и девочек, которые быстро и безошибочно решали задачи. Гордостью учительницы был Миша Н. – талантливый мальчик. Ему не нужно было даже записывать условия задачи: прослушав, он в уме решал ее, устно выполняя все расчеты. Безусловно, Миша получал только отличные оценки. Похвалу, восхищение товарищей и учительницы блестящим решением задач – все это Миша воспринимал как должное.

Был в классе и другой ученик – Николай П. Он хорошо решал задачи, но работал очень медленно. Иногда получал четверки, но в большинстве случаев учительница ставила мальчику тройки – слишком уж медленно он работал.

Но вот однажды случилось неожиданное. Учительница продиктовала условие сложной задачи. К доске вызвала Николая. Мальчик не спеша, но с глубоким пониманием объяснил условие задачи и тут же решил ее, выполнив все расчеты устно. Класс слушал как завороченный. Впервые за четыре года обучения учительница поставила Николаю пятерку.

Вдруг в классе послышалось всхлипывание. Ученики были крайне удивлены: склонившись к парте, плакал Миша. Учительница поняла, что творилось в это время в детской душе, – ее разрывала, мучила зависть. Мальчик не мог примириться с тем, что теперь не только он отличник по арифметике.

Тревожные мысли не давали учительнице покоя. Она пришла со своей болью ко мне – посоветоваться. Мы долго думали: откуда же заползло это страшное зло в детское сердце? Ведь мальчика окружала атмосфера доброжелательности, знания всегда оценивались объективно.

Нет, все-таки зло подкараулило ребенка, вселилось в его сердце. Размышления над этой необычной историей привели меня к выводу: иногда зло кажется с первого взгляда совсем незаметным, как будто его и совсем нет, а между тем ребенка окружает атмосфера, которая уродует, калечит душу.

Где же кроется опасность, от которой необходимо оберегать детскую душу? Если на плодородной земле не культивируется виноград, если земля не орошена потом, то на ней вырастает чертополох, хотя чертополох никто и не сеет. Так и с душой человеческой: в годы детства и отрочества ее необходимо оберегать от зла утверждением добра. Нравственное уродство может созреть в ребенке и тогда, когда его никто и не учит злу, – достаточно только человека не учить добру, не беречь чистоту души. А плевелы зла так неприметны, так микроскопически малы, что воспитатель часто хватается за голову только тогда, когда семена чертополоха уже дали могучие корни. Одну из важных особенностей моей системы воспитания составляет принцип: постоянно оберегать чистоту души ребенка, чтобы на плодородную почву не попало ни одно семя зла.

Что же это за плевелы зла и откуда они попадают в душу ребенка? От чего же нужно беречь ее?

1. От пустоты душевной, от такого состояния, когда у человека нет ничего за душой – ничего святого, незыблемого. Пустота души – это самое страшное зло, для утверждения которого в душе ребенка и подростка не нужно никакого вредного окружения, – достаточно только быть равнодушным к человеку, не интересоваться, чем он живет. Человек с пустой душой лишен самого драгоценного счастья – счастья творить добро и противопоставлять силы своей души злу. Он ходит по земле как бы с завязанными глазами, он не видит добра в самом себе, не переживает чувства собственного достоинства. Беречь душу ребенка – это значит заботиться о том, чтобы в душе его крепко утвердились незыблемые святыни, которые были бы для ребенка так же дороги, как собственная жизнь, как честь и совесть, как благополучие и благо, счастье и ласка семьи. Святынями, которые надо утверждать в душе ребенка, чтобы беречь ее чистоту, являются:

- вера в добро, вера в то, что человек – творец добра не только для себя лично, но и для других людей; вера в то, что высшее счастье человека – в творении добра для людей;

- вера в великую, чудодейственную, преобразующую силу труда, в то, что трудом человек создает свою собственную красоту; вера в самого себя, умение видеть в себе добро и ум, способность переживать чувство гордости за самого себя, за успехи в труде, за добро, что создается собственным трудом для людей;

- вера в великую правду наших общественных идеалов, нашей

морали, нашего настоящего и нашего будущего; способность чувствовать себя не безвестной пылинкой в коловороте судьбы, а великой творческой силой.

2. Утверждать в детской душе эти незыблемые святыни не означает ограничиваться красивыми словами о святынях. Настоящее идейное воспитание – это воплощение идей в деятельности, в поступках, в борьбе. Идеи только тогда становятся святыней детского сердца, когда они неотделимы от личности, от личных интересов, желаний, стремлений, замыслов. Чтобы в детской душе не поселилось зло, ребенок должен утверждать добро – своим поведением, поступками.

3. В связи с этим большое практическое значение в воспитательной работе приобретает идейный, нравственный смысл детского поведения, детских поступков. Я вижу смысл прикосновения к детской душе в том, чтобы ребенок своим поведением, своими поступками утверждал сам себя, видел в своем поведении воплощение своих душевных порывов. Казалось бы, простая вещь – утвердить в детском сердце веру в добро. А между тем это едва ли не самое сложное, что есть в воспитании, и если в этой сфере создания человека вам удалось достичь успеха, можете быть уверенными, что ваш воспитанник никогда не встанет на шаткую дорогу. Однако чтобы утвердить веру ребенка в добро, нужно добиться, чтобы он видел созданное собственными силами добро, чтобы оставил в созданном для людей добре частицу собственного сердца. Вера в добро станет святыней детского сердца только при том условии, если созданное ребенком добро будет выражать его естество, его личность. Я считаю, что приближаюсь к конечным результатам воспитательной работы только тогда, когда воспитанник творит добро по велению совести, когда он не может не творить добро, так же как не может человек, испытывающий жажду, пройти мимо чистого родника. Средоточие воспитания чистой души заключается, на мой взгляд, в том, чтобы ребенок созданием добра выражал свое духовное человеческое естество. Вдохнуть в детское сердце стремление творить добро не для человеческих глаз, а для самого себя, из внутренних своих побуждений, одухотворить этим стремлением личность – в этом добрая половина всех «секретов» воспитания.

4. От бездушного, бессердечного отношения к человеку, от той тупости, толстокожести, из которой вырастает самый ядовитый плод эгоизма: «мне все дозволено; делаю то, что мне нравится; только бы мне было хорошо, а до других мне дела нет». Человек – это самое удивительное, самое сложное, самое красивое и самое непостижимое из всего, что окружает нас.

Познавать мир и вместе с тем облагораживать самого себя – это прежде всего познавать самое удивительное из чудес – Человека. Когда человек поднимает руку на существо, подобное себе – одухотворенное, мыслящее, со сложным и неповторимым духовным миром, – то великая трагедия этого преступления кроется как раз в том, что преступник и не думает, на что он поднимает руку, что такое Человек. Как добиться, чтобы самым дорогим на свете для воспитанника был Человек – его мысли, чувства, все богатство внутреннего мира? Годы воспитания я считаю прежде всего годами познания человека. Первое, что должен познавать ребенок в окружающем его мире, – это Человек. Сколько бы ни познавал ребенок Человека – никогда он не перестанет открывать все новое и новое, красивое и удивительное, никогда не перестанет удивляться величию и сложности Человека. Необходимо, чтобы процесс познания человека пронизывал школьную жизнь, взаимоотношения ученика с людьми, которые его окружают, – в этом и заключается оберегание детской души от зла.

5. Прикосновение к сердцу и уму ребенка с целью познания им Человека требует большого педагогического искусства и знаний. Я добиваюсь того, чтобы самыми главными, основными чертами в отношении ребенка к другому человеку были сердечность, тактичность, глубокое уважение к тончайшим сферам духовного мира личности – мыслям, желаниям, чувствам. Я стремлюсь строить взаимоотношения в детском коллективе на тонкости ощущений, сердечности, тактичности. Уже в младшем детском возрасте очень важно утвердить в детском сознании ту мысль, что каждый человек – и самый маленький ребенок, и человек зрелого возраста, и старик на склоне лет – имеет право на счастье... Уважать человека – это означает избегать грубого прикосновения к самому чувствительному и больному. Как практически воспитывать эти тонкие духовные качества у ребенка? С малых лет ребенок должен расти чувствительным к самым тонким, самым нежным средствам влияния на духовный мир, а этими средствами являются слово, красота, эмоциональная память. Душа ребенка должна быть бесконечно чуткой к слову, такой же чуткой, как тонкая струна музыкального инструмента к звучанию камертона того же диапазона. Слово – это могучее средство оберегания души ребенка от грубости, бессердечности, тупости, толстокожести. Как же пользоваться этим тонким и мощным инструментом, что здесь самое важное? Это прежде всего умение педагога словом создать картину духовного мира человека. Я стараюсь найти такие слова, которые бы создали у детей представление о тонкости человеческих переживаний.

Бывает нередко так: у человека, с которым дети часто встречаются, горе, а они не замечают. И не заметят никогда, если не учить их познавать человека сердцем. А сердце пробуждается словом. Я рассказываю им о человеческом горе. У детей высоко развита способность перевоплощаться, представлять себя на месте другого человека (но эта способность никогда не пробудится, если сердце не разбудить словом). В этой способности – источник сопереживания. Кто научился сопереживать, тот научился уважать другого человека – щадить его чувства и переживания, беречь чужое сердце. Эта способность учит чувствовать внутреннее душевное состояние другого человека, без слов понимать, что у него – страдание, горе, несчастье. Встретившись с человеком, которого он видел вчера и позавчера, ребенок сегодня замечает какую-то незначительную новую черточку в его душевном состоянии. Восприятие изменений, оттенков душевного состояния человека развивает и облагораживает эмоциональную память ребенка: он запоминает не только умом, но и сердцем, запоминает не только то, что видит глазами, но и то, что переживает сам, как относится сам к чужому горю, страданию, несчастью. Воспитание и облагораживание эмоциональной памяти ребенка – одна из важных граней педагогического искусства. С первых же шагов школьной жизни я учу детей чувствовать сердцем душевное состояние самых близких и самых дорогих людей – матери, бабушки, отца, дедушки. Я использую все богатства родного языка для того, чтобы создать в сознании детей представления о десятках, сотнях оттенков тревожных, безрадостных, горьких переживаний, о которых даже самый близкий и самый дорогой человек никогда не расскажет ребенку, но которые надо уметь ощутить, распознать. Мать приходит с работы, учу я детей, – пусть сердце ваше прислушается, хорошее или плохое у нее самочувствие. Есть десятки причин и десятки оттенков его. По глазам, по движениям, по тому, как мать обращается к тебе, ты должен почувствовать, спокойно или взволнованно ее сердце, с радостью или с тревогой пришла она домой. В зависимости от того, какое душевное состояние у матери, ты должен управлять своим поведением.

6. С особым вниманием нужно добиваться развития эмоциональной чуткости к переживаниям людей преклонного возраста – бабушки, дедушки. Я стараюсь, чтобы ребенок не только понимал, но и сердцем чувствовал, что человек преклонного возраста вступает в сумерки своей жизни. Чуткость к душевному состоянию дедушки, бабушки – это один из самых главных показателей эмоциональной культуры ребенка,

подростка. Сердечность, забота о людях преклонного возраста не какое-то «шефство». Я добиваюсь того, чтобы у внука были общие духовные интересы с дедушкой, чтобы потребность в человеке как одна из главных духовных потребностей объединяла самого младшего и самого старшего. Тут я подхожу к иной, такой же тонкой и сложной задаче воспитания ребенка.

7. Надо оберегать детскую душу от эгоизма, индивидуализма. Самым главным корнем детского эгоизма является то, что в первые годы сознательной жизни, когда психика гибкая, чувствительная, легко поддается воспитательному воздействию, – как раз в этот период «центром вселенной» для ребенка являются его личные желания; все его чувства, его отношения к людям и к самому себе – все это вырастает исключительно на почве личных желаний и зависит от того, как они удовлетворяются. Самое малое ограничение желаний вызывает тяжелые переживания, его сердце глухо к душевному состоянию других людей, он не способен ни увидеть, ни почувствовать, ни пережить горе, несчастье близких или родных. Эгоизм калечит детскую душу. У эгоиста нет чуткости к духовному миру даже того человека, который всю свою жизнь отдает во имя создания радостей сына или дочери, – к духовному миру матери, отца. Человек для эгоиста – это не безграничный мир мыслей, переживаний, стремлений, а источник наслаждения или же совершенно нейтральное существо, которое не может принести ему никакой пользы.

Как же уберечь детскую душу от эгоизма?

1. Основное лечение от эгоизма – научить ребенка управлять своими желаниями. Воспитательная работа в этом направлении начинается в семье с того времени, как только ребенок осмыслит, что он живет среди людей и что у каждого человека есть желания, которые он стремится удовлетворить. Мы учим молодых родителей: чтобы дети уважали людей, необходимо прежде всего уважение человеческих желаний, интересов, стремлений. Когда ребенок становится школьником, воспитание уважения к человеческим желаниям занимает большое место в познании окружающего мира разумом и сердцем. Нет и не может быть индивидуального желания, которое бы в той или иной мере не затрагивало духовного мира других людей, не соприкасалось с чужими желаниями. Уклониться от этого столкновения желаний нельзя. Чтобы жизнь была согласованной гармонией, каждый человек должен идти навстречу закономерным желаниям других людей, подчинять свои желания гармонии жизни. Все это я

поясняю на ярких, понятных для детей примерах и – что особенно важно – использую разнообразные жизненные ситуации для того, чтобы человек учился ориентироваться в мире желаний, в переплетении интересов, стремлений.

Вот около школы осенний цветник – хризантемы. Десятки раз каждый из вас проходит мимо этих цветов. Хочется сорвать цветок, один-единственный, чтобы полюбоваться им и получить наслаждение. Но что было бы, если бы каждый делал так, как ему хочется? Вместо цветов стояли бы ободранные стебли. Гармония жизни превратилась бы в хаос разнообразных прихотей и капризов, которым нет границ и удержу. Помни, что твое желание – это быстрая птичка по имени «хочу», которая, летая в голубом небе, непременно встретится там с другой: «нельзя». «Хочу» встречается с «нельзя». И в большинстве случаев бывает так, что птичка, которую ты выпустил, должна вернуться назад в гнездо. Для тебя это должно быть наукой: в другой раз птичку «хочу» не следует и выпускать. Ориентироваться в этой сложной системе – хочу, нельзя, можно, нужно – это умение требует от ребенка большой сердечной чуткости к духовному миру других людей, к той гармонии согласованной жизни, о которой говорилось выше. Ребенок должен быть сам в какой-то мере творцом этой гармонии – вот как нужно вводить ребенка в мир познания разумом и сердцем. Гармония согласованной жизни звучит для человека красотой мелодий благодаря тому, что люди, как рабочие пчелы, несут добро в общий улей сложных человеческих взаимоотношений. На капельке того добра, что приносит рабочая пчелка-человек в общую кладовую духовных богатств и ценностей, держится, по сути, человеческая мораль, нормы человеческого общежития. Если бы не было этой ежедневной заботы о капельке нектара – добра для общего блага, – жизнь общества превратилась бы в адские муки, страдания, изматывание нервов. Следовательно, чтобы предостеречь ребенка от эгоизма, необходимо последовательно учить его вносить эту ежедневную капельку добра в гармонию согласованной жизни. Тут очень важно придерживаться закономерности: из общего улья благ ребенок не должен брать добра больше, чем сам его приносит. Если нарушается это равновесие, рабочая пчелка становится трутнем.

2. В тесной связи с предупреждением эгоизма находится оберегание (охрана) чистоты детской души от зла, имя которого – равнодушие. Это одна из граней эгоизма. Проклевывается росток равнодушия из того маленького зернышка, в зародыше которого лежат поучения отца-матери: «Думай и заботься о себе, а до других тебе дела нет». Начинается посев этих зернышек с

незначительного и, казалось бы, невинного. Мать учит сына: «Видишь, ребята дерутся, дают друг другу тумаки – не обращай внимания, обходи стороной, не твое засыпалось, не твое и смелется». И вот сын закрывает глаза не только на шалости товарищей, но и на то, что сильный обижает слабого, хулиган издевается над незащищенной девочкой. Тут опять-таки есть закономерность духовной жизни: если человек закрывает глаза на что-то одно, то скоро он будет закрывать их на всё. Ничто его не будет тревожить, ничто он не будет принимать близко к сердцу. Равнодушие опустошает душу, обедняет и без того убогий мир моральных ценностей эгоиста. Человек начинает жить, как писал Ф. М. Достоевский, в «собственное брюхо». Равнодушие – это ягоды, которые вызревают на цветах эгоизма. У равнодушного человека в душе нет никаких идеалов, он может стать предателем, сегодня он будет втаптывать в грязь то, перед чем вчера преклонялся. Равнодушие – родная сестра бессердечности, бездушности, эмоциональной толстокожести. У равнодушного человека нет близкого, родного, дорогого существа, которому бы он отдавал свое сердце. Равнодушие не знает, что такое органическая потребность в человеке, что такое настоящая дружба, преданность человека человеку, долг сына перед родителями и отца перед детьми. За равнодушием следом идет моральное развращение. Уберечь детскую душу от равнодушия – это означает найти и отшлифовать в каждом человеке самую прекрасную грань человечности. Первая предосторожность от равнодушия: для ребенка в жизни не может быть ничего, что не волновало бы его сердце. Отклик детского сердца на добро и зло окружающего мира – это одна из самых тонких сфер духовной жизни личности, та сфера, в которой сливаются общественные идеалы и личные стремления, рождаются и утверждаются нравственные убеждения. Вдумчивый воспитатель никогда не допустит, чтобы ребенок скользнул холодным взглядом по тому, что должно его порадовать, вызвать восхищение или же, наоборот, пробудить протест, возмущение. Подлинное искусство воспитателя состоит в том, чтобы ребенок видел мир не только глазами, но и сердцем.

3. От неправды, обмана, фальши, от всего, что делается для «формы», для «отчета», необходимо защищать детскую душу. Неправда, обман, стремление выдать черное за белое, пригладить лохматое, создать видимость благополучия – все это воспитывает подлость, лицемерие, тупую бессердечность и равнодушие. Когда ребенок видит, сердцем чувствует, что взрослые стараются показать действительность не такой, какая она на самом деле, он теряет веру в правду, для него нет в жизни святого и

незыблемого. У него постепенно укрепляется убеждение, что каждый старается приспособиться в жизни; надо говорить не то, что думаешь, а то, что нравится тем, от кого зависит твоя судьба, благополучие, благосостояние. Подхалимство, лесть – это уродливое дитя неправды, обмана, лицемерия. Оберегая детскую душу от этого большого зла, нужно иметь в виду, что зерна неправды, обмана, фальши часто бывают для нас, взрослых, незаметными, а дети всегда видят, чувствуют их сердцем и – или протестуют, или привыкают к неправде. Ученик знает предмет кое-как, а ему из четверти в четверть «натягивают» тройки и «перетягивают» из класса в класс; на школьном участке что-то едва зеленеет, а в районной газете пишут: такая-то школа хорошо поставила опытническую работу; комсомольский комитет ничего не делает, а на отчетном собрании его работу оценивают удовлетворительно – все это зерна отравляющей фальши, обмана, которые, приживаясь на плодородной почве чистой души, дают отвратительные ростки лицемерия, бесстыдного подхалимства, лести, подлости, предательства, хамелеоновской способности приспособливаться и менять убеждения, как перчатки. *Беречь чистоту детской души – это значит воспитывать правдой.*

Правда должна быть для воспитателя высшим судьей. Воспитатель при любых обстоятельствах должен быть для ребенка тем человеком, который утвердил в юном сердце отвращение к фальши, неправде, обману.

С первых же дней пребывания ребенка в школе предметом особой моей заботы является то, чтобы детская совесть была чиста, как капля утренней росы. Забота о чистоте совести – это большое педагогическое искусство, это сложный труд, благодаря которому сливаются голос разума и первое движение чистого детского чувства.

Отшлифовывание граней человеческой совести, на мой взгляд, как раз и основывается на том, что, познавая окружающий мир не только разумом, но и сердцем, ребенок дает очень выразительную, яркую, правдивую эмоциональную характеристику тому, что он видит. Мысли ребенка о явлениях окружающего мира чаще всего выливаются с первыми порывами чувства, а они бывают всегда самыми чистыми.

Если вы хотите воспитывать своих детей в духе правды и отвращения к фальши и обману, никогда не старайтесь погасить этот чистый и благородный порыв.

Особенно пристально и внимательно воспитателям необходимо следить за тем, чтобы не было ни тени фальши, неправды, обмана во всем, что касается труда. Труд и правда – это две могучие воспитательные силы, которые дополняют друг

друга. Здесь имеет большое значение правдивая, объективная оценка трудовых усилий каждого ребенка. Нам, воспитателям, никогда нельзя забывать о том, что результат умственной работы ребенка – его знания, выполнение конкретных учебных заданий на конкретном этапе – далеко не точно выражает меру затраченных сил. Нередко бывает так, что ребенку знания даются чрезвычайно легко, он не затрачивает, по сути, никаких усилий и получает отличные оценки. В то же время работа ребенка, который очень много сидит над учебником, преодолевает трудности, завершается посредственной оценкой. Создается ненормальное положение: оценка измеряет и характеризует не затраченные силы, не настойчивость, а только природные способности ребенка. Если глубоко проанализировать внутренние стимулы учебной работы школьников, то мы придем к выводу, что такой подход к оценкам является одним из самых серьезных недостатков воспитательной работы школы. У ребенка, который много работает и получает низкие оценки, постепенно в душе утверждается обида, а иногда и озлобленность, рождаются нездоровая зависимость и неверие в собственные силы. В душу же того, кому оценки достаются легко, вселяются высокомерие, зазнайство.

Как же защитить юные души от этой беды? Как добиться того, чтобы оценка правдиво характеризовала труд ребенка, учитывая, конечно, и способности? Как показывает опыт лучших воспитателей, выход тут один: индивидуализация учебных заданий, умелый, осторожный, тактичный подход к оценке знаний. С того, у кого ярче проявляются способности, нужно и больше спрашивать. (Например, во время самостоятельной письменной работы по арифметике или грамматике более способному ученику можно давать задание сложнее, чтобы он напрягал умственные силы, работал по-настоящему.) От педагогической культуры учителя целиком зависит, чтобы более способный ученик не ощущал, будто эта характеристика закрепляется за ним навсегда, а менее способный не думал, что его участь – всегда выполнять легкие задания. Правдивая оценка умственной работы способствует тому, что способности развиваются, и тот, кто вчера не мог пойти дальше задания средней сложности, сегодня пробует свои силы на задании значительно более трудном и добивается успеха. Объективность оценки труда – неременная предпосылка открытой критики в коллективе учащихся.

4. От лени, безделья, привычки выполнять работу кое-как нужно оберегать детей. Я бы назвал лень спячкой души. Лени развращает душу человека не только тогда, когда он ничего не

хочет делать. Лодырь, бывает, и делает все, что требуют, но единственным побуждением для него является принуждение, контроль. Особую разновидность лени представляет собой полная инертность духовных сил, отсутствие внутренних стимулов, которые бы заставляли человека работать лучше, справляться с заданием успешнее, чем представлял себе ученик в начале работы. О такой лени свидетельствует абсолютное равнодушие к качеству работы, выполненной собственными руками.

Лень уродует душу ребенка тем, что она лишает его самого главного внутреннего духовного стимула деятельности – вдохновения. Вдохнуть в душу ребенка желание, зажечь его работой – это означает дать ему счастье творчества, полноту духовной жизни. Искусство пробуждать в детской душе вдохновение – это одна из тончайших черт педагогической культуры; это искусство предостерегает, буквально спасает ребенка от безрадостного, монотонного существования, от уродливого взгляда на труд как на обузу.

Первоисточником лени в школьной жизни является леность мысли, ведь работа – и умственная, над учебником и тетрадью, и физическая, на участке и в саду, – любая работа всегда является выражением духовной жизни, в которой красной нитью проходит мысль. Вдохновение начинается от пробуждения мысли, в мысли – та искра желания утвердить себя в работе, без которой невозможен трудолюбивый, творческий человек. Вот я вижу, как, склонившись над тетрадью, ученик четвертого класса Юра пишет сочинение про теплый день «бабьего лета». Мальчик напрягает все силы для того, чтобы заставить себя написать что-нибудь. Ему не хочется работать. В его представлении не яркие картины солнечного осеннего дня, которые нужно передать словами на бумаге, а та минута, когда, облегченно вздохнув, можно будет положить ручку и выбежать из класса. Нежелание работать пронизывает все существо мальчика, угнетает его. А между тем я видел, как, наблюдая явления природы во время походов к источникам мысли и родного языка (в лес, в поле), Юра зажигался, в его глазах горели огоньки мысли, его душа была одухотворена увлечением. Я напрягаю память, вспоминаю, что именно, какая картина природы пробудила у Юры восторг. Я пытаюсь, как за ниточку, ухватиться за эту картину, чтобы пробудить в детском сердце вдохновение. Я подхожу к Юре и тихо говорю ему. «Вспомни, как ты увидел иней... кристаллик» иней на лепестках ромашки в то осеннее утро – помнишь? Как солнышко растопило те кристаллики и на лепестках заиграли капли росы...»

В детских глазах вспыхнули огоньки. Вижу, мальчик вспомнил. Вижу, что он уже забыл об угнетающем желании как

можно скорее, кое-как закончить работу. В его сознании предстали картины тихого осеннего утра... Картины просятся в слово, будоражат мысль, рука тянется писать, перед ребенком уже не чистый лист бумаги, а большое полотно, на котором он, художник, отражает красоту окружающего мира. Так рождается вдохновение. Оно – в игре живой мысли, оно – мысль, которая захватывает душу. Оно становится той внутренней силой, которая заставляет забыть, что сидишь на уроке и работаешь. Вдохновение буквально преобразует человека. Только что в глазах Юры я видел тупое безразличие, какую-то обреченность («Пусть что будет – то и будет»), теперь его глаза, его лицо одухотворены живой мыслью. Вдохновение приносит удовлетворение, наслаждение трудом.

Я вижу свою самую важную задачу в том, чтобы каждый ребенок испытывал вдохновение в умственном труде. Только в этом – могучий источник самостоятельной, одухотворенной умственной работы, желания учиться. Вдохновение необходимо во всех видах умственного труда – и тогда, когда ребенок выполняет однообразное грамматическое задание, и тогда, когда учит стихотворение, и тогда, когда решает задачу. А искорок, угольков для пробуждения вдохновения у учителя тысячи.

Вдохновение – такая же могучая сила и в предупреждении лени в производительном труде. Нежелание работать начинается с того, что у ребенка спит мысль, а мы, воспитатели, пытаемся принудить, чтобы руки трудились. Руки же без мысли не могут пробудить вдохновения. Каким бы простым и однообразным ни был физический труд, к которому мы побуждаем ребенка, в нем всегда есть поле для развития творческой мысли – для того, чтобы вдохновение, разбуженное в мыслях, звало к работе руки, чтобы труд стал гармоничной игрой мысли и рук. В каждой работе я стараюсь найти ту ниточку, которая соединяет усилия рук с вдохновением мысли. Это очень большая, серьезная проблема – проблема единства умственного и физического труда, необходимо специальное ее исследование.

5. Честолюбие – еще одна опасность для детской души. Болезненное стремление к почестям, жажда похвалы, отличия, особого места в коллективе, – к сожалению, эти болячки детской души порождаются иногда самим стилем школьной жизни, особенно там, где воспитатель игнорирует внутренние духовные стимулы побуждения и преувеличивает роль всевозможных внешних стимулов.

Медвежью услугу в развитии честолюбия делает и увлечение оценками: не успел ученик слово сказать, как ему уже ставят оценку. Захваливание порождает искаженное представление о

некой исключительности умственных сил и способностей, ведет к эгоистическому умилению собой, рождает неуважительное отношение к товарищам, таит в себе угрозу лени мысли, убогости запросов, интересов. Честолюбие – это обратная сторона бездушности, бессердечности.

К чему приводит честолюбие, видно из такого примера. Ученица четвертого класса нашла на школьном дворе 20 копеек, принесла учительнице: может, найдется тот, кто потерял деньги. Учительница похвалила девочку перед классом. О ее поступке написали в школьной стенной газете (даже фотографию поместили), рассказали в радиогазете. Через неделю в перерыве к учительнице подошли две девочки: одна из них нашла и отдала учительнице 10 копеек, другая – 5. В этот раз учительница не хвалила девочек. Недовольные, обиженные, они спросили: «А почему же о нас не написали в стенгазете?» Выяснилось, что девочки не находили денег: они просто решили «купить» похвалу...

Из добрых побуждений учителя часто стремятся не оставлять без «моральной оценки» ни одного поступка – и хорошего, и достойного осуждения. Хвалят за поступки, естественные для нормальных человеческих отношений. Помог бабушке перейти улицу – хвалят, пошел к больному товарищу рассказать о домашнем задании – хвалят, приготовил подарок матери в день 8 Марта – хвалят уже не только перед учащимися, но и перед родителями. Так постепенно вырачивают прихотливое существо – честолюбие, и оно крепко гнездится в детской душе.

Надо изгнать из школы дух честолюбия. Это требует вдумчивого, разумного подхода к оценке знаний, к воспитанию способностей. Для чего в школе, в классе выделяют группу школьников, за которыми, словно ярлычок, закрепляется репутация детей с исключительными способностями? Тут еще раз нужно повторить: блестящие способности должны встречать более трудные задания. Ученик с так называемыми посредственными способностями пусть хоть в чем-нибудь достигнет отличных успехов. Вообще картина становления и развития способностей должна быть живая, подвижная – это самое надежное предостережение от честолюбия.

Не следует и оценивать всего, что делает учащийся в школе. Значительную часть интеллектуальной работы ученик должен выполнять, особенно в средних и старших классах, не для оценки, а из-за интереса к знаниям.

С особой осторожностью нужно относиться к похвале в сфере нравственных отношений. Нужно стремиться к тому, чтобы человек делал добро из внутренних побуждений, по велению

совести, а не для похвалы.

6. Последнее предупреждение – от инфантилизма. Речь идет о том странном на первый взгляд изъёме духовного развития человека, который заключается в моральной незрелости, «запоздалом детстве». Часто можно встретить в школах 15–16-летнего юношу, который по физическому развитию приближается к зрелости, а в нравственном и трудовом развитии остается на уровне 10–11-летнего ребенка. В одной школе группе 16-летних юношей – учащихся девятых классов – было поручено в зимний день выполнить в колхозном саду работу: снять с деревьев листочки, в которых бабочки отложили тысячи личинок. На улице было тихо, три градуса мороза – в таких условиях 16-летние рабочие-строители трудятся под открытым небом в течение шести часов. Школьники же не смогли проработать и часа: им было холодно, они бросили работу и пошли греться в школу. Это типичный пример трудовой и нравственной инфантильности.

Инфантильная беспомощность, беззащитность, неподготовленность к труду, неумение преодолевать трудности – все это ведет к инфантильности мысли. Я слышал ответы 16-летних девушек о романах Толстого и Тургенева... Эти ответы поражают детской наивностью, узостью кругозора, детским представлением о сложных жизненных явлениях.

Инфантильность – большое зло, оно сковывает духовные, творческие силы человека, ограничивает его участие в общественной жизни.

Как же предостеречь от инфантильности? Самое главное – это единство нравственной и трудовой зрелости, единство физической и духовной закалки личности. Духовной, нравственной, трудовой зрелости никогда нельзя достигнуть, если ученику все легко, если он не встречает никаких трудностей, не напрягает усилий, не знает, что такое пот и мозоли.

Единства моральной и трудовой зрелости мы достигаем тем, что 12–13-летние подростки выполняют работу, которая требует значительного напряжения физических и духовных сил. В 15–16-летнем возрасте напряжение становится еще большим и приближается к трудовым усилиям взрослых людей. Подростки выполняют нелегкую работу, какая им под силу, на свежем воздухе, если мороз небольшой, а 15–16-летние юноши работают при 10–15-градусном морозе, иногда в метель (например, привозят с поля на ферму сено для скота). Познавая на собственном опыте, что такое настоящая работа, подростки и юноши убеждаются в том, что без преодоления трудностей невозможна жизнь. Этот опыт и является самым важным элементом нравственной и трудовой зрелости. Тот, кто в годы

отрочества и ранней юности научился по-настоящему трудиться, преодолевать трудности, – тот и думает не по-детски, а как взрослый человек.

Продолжаем себя в детях в сердцах сыновей

1. Счастливые и несчастные семьи

Есть старинная украинская легенда. У матери был единственный сын – дорогой, ненаглядный. Души в нем мать не чаяла; по капельке собирала росу для умывания, из тончайшего шелка вышивала рубашки. Вырос сын – статный, красивый. Женился на девушке изумительной, невиданной красоты. Привел молодую жену в родную хату. Невзлюбила молодая жена свекровь, возненавидела ее. Боялась мать показаться снохе на глаза, сидела в сенях. А потом в сарай переселилась. Но и это не успокоило красавицу. Говорит она мужу: «Если хочешь, чтобы я жила с тобой, убей мать, вынь из груди ее сердце и сожги на медленном огне».

Не дрогнуло сердце в груди сына, околдовала его невиданная красота жены. Говорит он матери: «Приказала мне жена убить вас, мама, вынуть из груди вашей сердце и сжечь на медленном огне. А послушаюсь – уйдет она от меня. Не могу я жить без нее... не могу и послушаться...» Заплакала мать и отвечает сыну: «Ну что ж, сын, делай так, как велит сердце».

Пошел сын с матерью в дубраву, наломал сухих сучьев, разжег костер.

Убил мать, вынул из груди сердце. Положил на раскаленные угли. Вспыхнул сучок, треснул, полетел уголек, ударил в лицо сыну, обжег. Вскрикнул сын, закрыл ладонью обожженное место. Встрепенулось сердце материнское, горящее на медленном огне, прошептало: «Сыночек мой родной, тебе больно? Сорви листок подорожника, вот растет у костра, приложи к обожженному месту, а к листу подорожника приложи сердце материнское... Потом в огонь положишь».

Зарыдал сын, схватил горячее материнское сердце в ладони, вложил его в растерзанную грудь, облил горячими слезами. Понял он, что никто и никогда не любил его так горячо и преданно, как родная мать. И столь огромной и неисчерпаемой была любовь материнская, столь всеильным было желание материнского сердца видеть сына радостным и беззаботным, что ожило сердце, закрылась растерзанная грудь, встала мать и прижала кудрявую голову сына к груди. Постылой стала ему жена-красавица, не мог он возвратиться к ней. Не вернулась домой и мать. Пошли они вдвоем степями широкими, стали двумя курганами высокими.

Такова легенда, созданная народной мудростью. Нет любви сильнее материнской, нет нежности нежнее ласки и заботы материнской, нет тревоги тревожнее бессонных ночей и несомкнутых глаз материнских.

Сыновняя благодарность... Нет выше радости для человека, чувствующего приближение сумерек своей жизни, чем признательность детей за добро и благо, созданные родителями во имя их, сына и дочери, добра и блага. И нет горше и скорбнее чувств для отцовского и материнского сердца, чем чувствовать, что сын или дочь равнодушны, бессердечны, что они забыли обо всем добре, сделанном для них матерью и отцом.

«Неблагодарный сын», «неблагодарная дочь» – в сокровищнице народной морали это, пожалуй, самое острое, самое глубокое осуждение человеческих пороков. Тридцать два года работаю я в средней школе, давно стали отцами и матерями те, кто сидел за партой в первые годы моего педагогического труда. Сотни человеческих судеб сложились и складываются на моих глазах. И жизнь убедила меня, что у трудового народа нам нужно учиться воспитанию чистого, благородного сердца, в неисчерпаемом источнике народной морали нам нужно черпать духовную энергию подлинной человечности, дружбы и товарищества, подлинного братства свободных людей. Трудовой народ беспощадно осуждает сыновнюю неблагодарность и возвышает благородство сыновней любви и преданности. Расскажу о поучительной жизненной истории, которая произошла в нашем

селе не так давно.

Рядом жили две матери – Мария и Христина. Работали в колхозе, растили сыновей: у Марии вырастал сын Петр, у Христины – Андрей. Мальчики были одногодками. Осенью тридцать девятого года пришла пора Петру и Андрею идти в армию.

Вместе провожали Мария и Христина сыновей на службу, вместе считали, сколько дней осталось ждать синеглазого, белокурого Петра, черноглазого, с чубом, как воронье крыло, Андрея.

Началась война, пришел на украинскую землю враг-захватчик, два года матери ничего не знали о сыновьях, не было долгожданной весточки. Освободила родная Советская армия землю украинскую, пришли Христине и Марии письма в синеньких треугольных конвертах, затрепетали радостные сердца – живы сыновья. Отгремели последние залпы войны. На одной неделе возвратились Петр и Андрей. Радость пришла в изболевшиеся сердца материнские.

Но недолгой была радость. По-разному сложились судьбы матерей, но одинаковым было горе. Заболела Мария, слегла в постель, перестали слушаться ноги. Трудно было Петру, не только болезнь матери свалилась на него бедой неожиданной; одна беда, как говорится, другую ведет за собой.

Ожидала Петра невеста чернобровая, на радостях решили пожениться. Не наложишь запрет на молодую любовь, забеременела Галина. По законам народной морали надо сыну ввести девушку в родной дом, а тут болезнь приковала мать к постели. Видит она, как мучается сын, ночи не спит. И говорит ему: «Не позорь Галину, пусть войдет в наш дом законной женой твоей, а со мною что будет, то и будет». Пришла Галина в дом, зажили с Петром дружно и согласно, все хорошо было бы, если бы не болезнь матери.

Прослышал Петр, что в Киеве есть замечательный врач. Повезти – деньги нужны на дорогу. Решили Петр с Галиной: продадим и хату, а мать поставим на ноги. Продали, перешли жить к дальней родственнице матери, повезли Марию в Киев. Оставили в больнице. Сказал врач: надо лежать с полгода, а то и больше.

Трудно стало жить молодым, но матери помогали все время. Продали одежду Галины, баян Петра, а мать поставили на ноги.

Не полгода, а два года пролежала Мария в больнице. Выздоровела. «Не лекарства подняли меня с постели, – говорила она людям, – а великая сыновняя любовь».

С одобрением, с большим уважением говорили в селе о Петре

и Галине. Матери и отцы ставили их в пример, поучали детей, как жить на свете.

Оставим пока счастливую Марию с ее счастливыми детьми и внуками (невестку неспроста у нас свекровь называет дочерью, и невестка свекровь – матерью), заглянем в хату Христины. По-иному сложилась ее судьба. Привез Андрей несколько чемоданов трофейного добра. Не открывал чемоданов в материнской хате. Хата материнская тесной стала ему, решил он новую строить.

Выбрал место в глухом конце села, от степи. Возвел кирпичный дом, покрыл цинком – большая редкость в те годы. Женился. Зажила молодая пара безбедно.

А у Христины хата разваливалась. Попросила сына: отремонтируй крышу. Сын ответил: своих забот хватает, думай о своей хате сама. Заплакала мать, прикрыла хату соломой как-нибудь. «Это еще не горе, – думала Христина. – Было бы здоровье...» Но вот пришло и настоящее горе: заболела мать Андрея, не может подняться с постели. Парализовало руку и ногу. Пришли к Андрею соседи матери, говорят: «Есть у тебя совесть, Андрей? Мать с постели не может подняться, нужен уход постоянный за нею». Пообещал сын навестить мать и не навестил. Стали соседи ухаживать за больной старухой.

Прошло полгода. Год прошел. Здоровье Христины не улучшилось. А сын так ни разу и не пришел к ней. Пошла молва по селу: сын отказался от матери. Назвали люди Андрея бессердечным, а потом и более выразительным словом – скотиной.

Люди обходили Андрея, не здоровались с ним. Страшно стало Андрею, и он наложил руки на себя.

Почему так бывает?

Почему сыновья иногда оказываются неблагодарными? Откуда берутся люди с казенными сердцами? Вспоминали люди жизнь этой несчастной матери: все силы своего сердца вложила она в любимого сыночка своего, в «золотко свое», в Андрийко, ночей недосыпала. Вспомнили люди, как, бывало, еще до организации колхоза выезжала Христина с мужем в поле косить пшеницу. Положит, бывало, на подводу сена ароматного, застелит полотном белым, перенесет спящего Андрийка с подушками и одеялом, закроет лицо от солнца жгучего. Спит Андрийко. Такие, как он, восьмилетние, собирают в лесу дрова, разжигают костер, воду носят, а он спит.

Вырастал Андрийко здоровый и жизнерадостный, мать души в нем не чаяла и больше всего была озабочена тем, чтобы ничто тревожное не коснулось его сердца, чтобы ни одна невзгода не омрачила его безмятежного детства. Как-то осенью угостила

Христина мальчика жаренными в сметане грибами. Еда до того понравилась ему, что каждый день он просил грибов со сметаной. А грибов вблизи все меньше и меньше оставалось, и приходилось ходить Христине в лес верст за двенадцать. Однажды мать порезала ногу, еле домой дошла. Но скрепя сердце даже виду не подавала, что несчастье случилось: разве можно, чтобы у Андрияка настроение испортилось? «Зачем ему знать, что в мире есть горе?» – так всегда говорила Христина, когда хотела закрыть детские глаза на что-нибудь печальное. Так и на этот раз. Перевязала кое-как раненую ногу, пошла к соседке. Ежедневно приносила соседка корзинку грибов, а мать давала ей за это свои вышитые сорочки.

Так и не узнал Андрияк, какая с матерью стряслась беда. Сердце его жило только радостями и удовольствиями. Брал у людей и ничего не давал им – вот почему и вырос он человеком с каменным сердцем.

2. Альфа и омега воспитания

Совсем по-другому прошли годы детства Петруся. Мать тоже любила его, тоже души не чаяла в сыне, но не оберегала его сердце от всех тех сложностей и противоречий жизни, в которых радость переплетается с горечью, счастье – с бедами и тревогами. В детстве человек познает мир не только разумом, но и сердцем; все, что происходит в жизни, пробуждает в детской душе самые разнообразные чувства, переживания, порывы, стремления. Среди этих душевных движений детства особенно глубокий отпечаток в сердце оставляют чувства сострадания, милосердия, участия. Чуткое материнское сердце Марии заботилось о том, чтобы с малых лет человек чувствовал: рядом со мной живут люди, у них есть свои интересы, желания, им хочется быть счастливыми.

Чтобы быть самому счастливым, надо бережно, тонко, сердечно, чутко, заботливо прикасаться к сердцам других людей. Эту святую заповедь народной нравственности Мария, конечно, не повторяла на каждом шагу (ребенок не смог бы понять глубины этой истины) – она учила сына так жить.

Рядом с Марией жила одинокая старуха, часто болевшая. Помню, как только в большом саду Марии что-нибудь начинало созревать – черешни, вишни, яблоки, груши, сливы, виноград, мать звала Петруся:

– Понеси старому, одинокому человеку, – и давала в руки тарелку с первыми созревшими плодами.

Для ребенка это стало привычкой.

– О любви к человечеству говорить легче, – поучала Мария

сына, – чем помочь бабушке Ярине нарубить дров на зиму. Человечество – оно далеко, а бабушка Ярина – рядом, совесть не позволит сомкнуть глаза ночью, если у нее нечем будет топить. Прислушайся, сын, сердцем к заботам и горестям человеческим.

Прошли годы. Давно окончили школу дети Петра и Галины; четвертый десяток лет педагогического труда разменял я и надеюсь, что в новое солнечное сентябрьское утро буду встречать на школьном пороге внуков Петра и Галины – скоро уже. Каждый день школьной жизни начинается для меня детской радостью. Я вижу в радостных детских глазах восхищение красотой раскрывающегося цветка розы, вижу изумление, удивление ребенка, созерцающего что-то необычное, новое в окружающем мире – удивительное, похожее на фантастическую птицу облако, пеструю бабочку среди листвы... С радостью показывают мне дети подарки мам и пап... Как хорошо, что общество и родители дают детям много радостей. Но при виде радостных, безмятежных детских лиц в мое сердце почему-то закрадывается и тревога.

Вспоминается маленький Андрийко: он тоже был всегда вот таким жизнерадостным, он не был даже капризным, потому что любящее материнское сердце предвидело возможные капризы и предотвращало их в самом зародыше.

Меня тревожит вечный вопрос, который можно назвать альфой и омегой семейного воспитания: как сочетать требовательность и доброту, строгость и ласку, повиновение и свободу в воспитании детей? «В чем же заключается она, мудрость родительской любви?» – этот вопрос прочитал я и в десятках писем отцов и матерей, которые получила редакция после опубликования письма Толи Н. и откликов на него.

Мы подошли к тому замечательному времени, когда ни с чем не сравнимое счастье каждый гражданин нашей страны видит в высшем человеческом творчестве – в повторении самого себя в своих детях, в творении человека, в формировании его разума, чувства, воли, характера, моральной красоты и неповторимой человеческой индивидуальности. Каждый из нас что-то создает для своих соотечественников – хлеб или машину, одежду или космический корабль, новую породу продуктивного скота или симфонию, – но у каждого из нас есть глубоко личное и в то же время глубоко общественное созидание – созидание человека. Как мы воспитываем своих детей, кого мы введем в мир после себя? Что мы оставляем в сердцах своих сыновей, отцы? Задумаемся над этим. Это так же важно, как строительство фабрик и заводов, нефтепроводов и электростанций, – создание Человека.

Мы, отцы и матери, строим коммунистическое общество для

счастья наших детей и внуков. Во имя того, чтобы наши дети были счастливыми, мы, в сущности, живем, трудимся, боремся за наши идеалы. Я принадлежу к поколению, которое в трудном 1941 году встретило врага с оружием в руках в рядах кадровых войск Советской армии.

В огне войны сгорели сердца многих из нас, тысячи братских могил – в тени 20-летних деревьев. А на долю тех, кому суждено было вернуться с войны, выпал нелегкий труд: из пепла и руин мы возродили фабрики, заводы, построили новые города и электростанции, возвели чудесные школы и дворцы.

Счастливы наши жены, счастливы и мы, отцы, – у нас растут дети. Мы искренне радуемся, когда видим, как для детей сооружается новый дворец, как они веселой стайкой идут вместе с мамами, бабушками и дедушками к автобусу, увозящему их на лето в пионерский лагерь. Бабушки и дедушки несут чемоданы, матери в сотый раз напутствуют детей. Загудел мотор автобуса, облачко пыли обволокло каштаны, склонившиеся над вечным часовым у могил героев... Раз в неделю навещаем мы в лагере своих детей – 14-летних и 15-летних, – дотошно расспрашиваем их, чем кормят, возмущаемся, узнав, что в летней столовой разбито стекло – куда смотрит завхоз, ведь ребята могут простудиться. И как только мы высказали свое возмущение начальнику лагеря, через пять минут пришли завхоз со стеклянщиком – стекла вставлены.

Все это – закономерности нашей жизни, всему этому надо только радоваться. И было бы глупо сожалеть по поводу того, что в трудные дни, мол, легче было воспитывать. Пусть никогда не вернутся они, те дни, когда дети голодали и крошка хлеба была их мечтой. Но меня, отца, коммуниста, и, я уверен, многих отцов и коммунистов тревожит вопрос: зажигает ли наш большой, поистине неугасимый факел любви к ребенку ответную искорку благодарности в его сердце? Чувствует ли ребенок, что радости и блага его жизни – это большой труд и пот родителей – добрых, сердечных, чутких, отзывчивых людей, это забота многих и многих «не родных», «чужих», но дорогих для него людей – дорогих потому, что без них он не может жить, хотя часто бывает, ему это и в голову не приходит? Всегда ли озарена отцовская, материнская любовь человеческой мудростью? В чем заключается мудрость родительской любви?

Сотни человеческих судеб, сложившихся на моих глазах, привели меня к твердому убеждению в том, что высшая мудрость родительской любви заключается в том, как мы, отцы и матери, умеем раскрыть перед нашими детьми подлинные источники радостей жизни, в чем видят и чувствуют дети радость бытия.

Детское счастье по своей природе эгоистично. Добро и благо, созданные для ребенка старшими, дети воспринимают как нечто само собой разумеющееся. До тех пор пока они не почувствовали, не пережили на собственном опыте (а опыт сам по себе стихийно никогда не приходит), что важнейший источник их личной радости – это труд и пот старших, они будут глубоко убеждены в том, что мать и отец существуют лишь для того, чтобы приносить им радость.

Одно время был широко распространен такой взгляд: лодыри и бездельники, неблагодарные сыновья и дочери вырастают, дескать, чаще всего у родителей-интеллигентов, далеких от производственного труда. Но этот взгляд оказался мифом, надуманной схемой, его опровергает жизнь. Жизнь твердо убедила меня в противоположном: люди с каменными сердцами чаще всего вырастают именно в тех трудовых семьях, в семьях рабочих, колхозников, интеллигентов, где отец и мать души не чают в своих детях, отдают им все и не требуют от них ничего. С первого взгляда это может показаться странным и парадоксальным: в хорошей, трудовой, честной семье, у добрых, чутких, отзывчивых, сердечных родителей дети вырастают иногда равнодушными, бессердечными. Но никакого парадокса здесь нет: ребенок вырастает с каменным сердцем потому, что он лишь потребитель радостей, все радости его жизни заключаются только в том, что он берет, получает, а это самое страшное, что может быть в семейном воспитании.

3. Мудрость родительской любви

Воспитание духовной готовности к мудрой родительской любви – это сейчас, на мой взгляд, одна из самых важных и тонких задач в сфере становления нравственных основ нашего общества. Глубоко ошибочным является взгляд (его еще разделяют, к сожалению, не только многие родители, но и отдельные партийные работники), согласно которому общественная деятельность гражданина нашей страны – это нечто совершенно не связанное с воспитанием детей, с выполнением родительских обязанностей.

Воспитание человека, воспитание собственных сына и дочери – важнейшая, первая общественная деятельность гражданина, его гражданский долг. Подавляющее большинство родителей это прекрасно понимают. На родительском собрании у нас в школе отец одного из пятиклассников заявил, что из-за перегруженности общественными делами у него «руки не доходят» до сына. Родители прямо сказали ему: грош цена вам как общественнику,

если вы не находите времени воспитывать собственного ребенка. Некогда воспитывать сына – значит некогда быть человеком.

Добиться того, чтобы родители овладели мудростью отцовской в материнской любви, – в этом мы видим одну из важнейших задач учебно-воспитательного процесса. Уже не одно десятилетие работает у нас «Школа для родителей». Кстати, мы считаем совершенно ненужным называть ее родительским университетом – это звонкая фраза, не отражающая сущности той скромной воспитательной работы, которая проводится с родителями. В «Школе для родителей» есть группа родителей будущих учеников (с ними мы начинаем работу за три года до поступления их детей в школу), группы родителей учеников I–III классов, IV–V классов, VI–VIII классов, IX–X классов.

Красной нитью через все, о чем мы говорим с родителями, проходит мысль о мудрости материнской и отцовской любви, о гармонии доброты и требовательности, ласки и строгости. С большим тактом, не прикасаясь к личному, зачастую болезненному, мы стремимся предотвратить ошибки родителей в этом самом тонком деле духовной жизни.

Там, где нет мудрости родительского воспитания, любовь матери и отца к детям уродует детей. Есть много разновидностей этой уродливой любви, главные из них: 1) любовь умиления; 2) любовь деспотическая; 3) любовь откупа.

Любовь умиления – это самое печальное, что можно себе представить в отношениях родителей и детей. Это инстинктивная, неразумная, иногда напрашиваются слова – куриная любовь. Мать и отец радуются каждому шагу ребенка, не задумываясь над тем, какой это шаг и к чему он может привести. Вот несколько фактов, удручающих бездумностью родителей, их фанатическим поклонением перед ребенком как перед божеством.

Я своими глазами видел такую картину. К матери пятилетнего Сережи пришла соседка. Женщины стояли во дворе, возле них играл мальчик. Тут же, на глазах у матери и соседки, он справил свою маленькую нужду. Мать умилилась: «Вот видите, какой у нас сыночек, никого не боится». Безрассудное умиление приводит потом к печальным результатам: сыновья и дочери «сажаются на шею» родителям, превращаются в маленьких тиранов.

Любовь умиления развращает душу ребенка прежде всего тем, что он не знает удержу своим желаниям; принципом его жизни становится девиз дикаря, подлеца и хулигана: все, что я делаю, мне разрешается, ни до кого мне дела нет, главное – мое желание. Ребенок, воспитанный в духе умиления, не знает, что в человеческом общежитии есть понятия «можно», «нельзя», «надо». Ему кажется, что ему все можно. Он вырастает капризным,

нередко болезненным существом, для которого малейшее требование жизни становится непосильной тяжестью. Воспитанный в духе умиления – эгоист, как говорится, до мозга костей. Он не знает своего долга перед родителями, не умеет и не хочет трудиться, потому что не видит людей и не чувствует сердцем, что у тех, кто его окружает, и прежде всего у матери, отца, бабушки, дедушки, есть свои желания, свои потребности, свой духовный мир. У него складывается твердое убеждение в том, что он приносит радость, счастье родителям уже тем, что он живет на свете, существует.

Меня до глубины души возмутила фотография, опубликованная прошлой осенью в одном из наших литературно-художественных журналов: первый день школьных занятий, малыши-первоклассники только что зашли в класс и расселись за партами, а в окна, в двери со всех сторон заглядывают счастливые мамы и папы, и в глазах у всех сладкое умиление. Умиление написано и на лице учительницы. Дети чувствуют, что все смотрят на них с умилением, у них складывается первая мысль о том, что уже то, что они пришли и сели за парты, – большая заслуга.

Дети – радость нашей жизни, мы живем и трудимся во имя счастья детей. Все это бесспорные истины. Но говорить об этом детям, устраивать инсценировки, подчеркивающие эту мысль (например, в торжественной обстановке передавать ключи от школ и детсадов), – это значит развращать детей, создавать червоточину в гражданской сердцевине человека. От того, что мы, отцы, на каждом шагу вдальблываем в головы наших детей истину: «Вы – радость нашей жизни», – у них утверждается убеждение в том, что они делают нам большое одолжение, получая от нас материальные и духовные блага. А если это так, то мне все позволено, каждое мое желание должно быть удовлетворено – так зреют семена капризов и того детского тиранства, от которого родители потом хватаются за голову.

Есть еще одна разновидность неразумной, инстинктивной родительской любви. Это *любовь деспотическая*. 22 января 1967 г. «Рабочая газета» опубликовала письмо 16-летнего юноши, девятиклассника одной из школ Кривого Рога Толи Н. Это письмо продиктовано отчаянием. Юноша учится на «4» и «5», делает дома все, что надо делать для помощи родителям, – моет полы, посуду, чистит одежду и обувь всей семье. «Родители и одевают меня хорошо, и заботятся, чтобы я ел хорошо, – пишет Толя, – но купят какую-нибудь обновку и без конца попрекают...» Постоянные упреки создают обстановку настоящего ада. И все это родители делают, как они говорят, только потому, что любят сына, желают

ему добра, учат жить – чтобы умнее был и родителей уважал.

Я знаю несколько таких семей, как семья Толи. Жизнь детей в этих семьях – беспросветное мучение. Казалось бы, нет у нас давно никакой почвы для такого самодурства – ни социальной, ни моральной. Но самодурство-то есть, значит, есть и какая-то почва, может быть, какие-то гнилые кочки.

В тех семьях почвой для самодурства родителей является смесь дремучего бескультурья и эгоизма. К своим детям они относятся, как к вещам: мой стол – где захочу, там и поставлю; моя дочь – что захочу, то и скажу, что придет в голову – то и потребую. Я знаю отца, который дошел вот до чего: купил 15-летней дочери, ученице VIII класса, модные туфли и хорошенькое платье. Туфли приказал поставить рядом со столом, за которым девушка выполняет уроки, платье повесил здесь же. И предупредил: будут по всем предметам к концу четверти оценки не ниже четверки – надевай туфли и платье.

Будет хоть одна тройка – не прикасайся к обновкам.

Трудно представить что-либо более отвратительное, чем это деспотическое упоение властью человека над человеком.

Гнусный деспотизм невежественных родителей – это одна из причин того, что у ребенка с малых лет извращается представление о добром начале в человеке, он перестает верить в человека и человечность. В обстановке деспотического самодурства, мелочных придирок, постоянных упреков маленький человек *ожесточается* – это, на мой взгляд, самое страшное, что может произойти в духовном мире ребенка, подростка. Самодурство изгоняет важнейшее душевное движение, которое в нормальных семьях является источником добра, разумной сдержанности и уступчивости детей. Это движение души – ласка. Не знающий ласки в детстве становится грубым, бессердечным в годы отрочества и ранней юности.

Я часто слышу тревожные раздумья родителей: был сын маленьким ребенком – был добрым, сговорчивым, послушным; стал подростком – стал грубым, своенравным. Почему это так происходит?

Я тысячу раз убедился, что причина этого явления – в неумении родителей пользоваться родительской властью; в том, что принуждение осознается и переживается ребенком как злая сила, подавляющая его волю. Родительская власть должна поощрять, одухотворять внутренние силы ребенка – *его желание быть хорошим*. Это желание есть буквально у каждого ребенка, и с тончайшим своим инструментом – родительской властью – надо подойти к ребенку так, чтобы не сломать этого еще нетвердого, хрупкого душевного порыва. Если же вы превратили умную,

мудрую власть в деспотическое насилие – неокрепшее желание быть хорошим лопнет, и произойдет самое тревожное, что может произойти в душе ребенка.

Уважайте детское желание быть хорошим, берегите его как самое тонкое движение человеческой души, не злоупотребляйте своей властью, не превращайте мудрость родительской власти в деспотическое самодурство, не сломайте человеческого желания вашего ребенка быть хорошим. Помните, что ваш сын, ваша дочь – такой же человек, как и вы, его душа явно протестует, когда кто-то пытается сделать его игрушкой своего произвола.

Некоторые родители почему-то считают, что, если «хорошо нажать», ребенок будет учиться на «5» и «4». По мнению многих родителей, оценка успеваемости выражает вместе с тем и оценку нравственности. Это глубокое заблуждение наносит серьезные травмы ребенку, а иногда просто калечит его душу. Смещение оценок по предметам и нравственного облика – это результат бездушной и односторонней погони за единственным показателем благополучия – цифирью, процентом успеваемости. Это большое зло школы. Многие учителя с оценки начинают и оценкой кончают разговор с родителями об ученике. Все сводится к прямолинейному выводу: хорошие оценки – хороший ребенок; оценки «не те, что надо», – значит, и ученик «не дотянул до уровня».

В этом странном, педагогически неграмотном взгляде исчезает человек как гармоническое единство многогранных черт, качеств, способностей, наклонностей. Этот взгляд, к сожалению, проник в семью, в общественную жизнь. Я не могу без возмущения слушать и читать многочисленные статьи, в которых красной нитью проводится идея: тройка – это слабые, никудышные знания.

Пора твердо сказать нам самим себе, дорогие товарищи педагоги, тройка – это характеристика совершенно удовлетворительных знаний. Кстати, если у всех учителей будет правильный взгляд на эти вещи, исчезнет очковтирательство, не будут неудовлетворительные знания оцениваться тройкой. И родители не будут требовать от своих детей невозможного: ведь не у всех одинаковые способности, одному легко учиться на «4» и «5», а для другого и оценка «3» является большим успехом. Особенно важно это помнить сейчас, когда мы стоим на пороге осуществления всеобщего среднего образования.

Третья разновидность неразумной родительской любви – это *любовь откупа*. Есть отцы, искренне убежденные в том, что, обеспечивая все материальные потребности детей, они выполняют свой родительский долг. Ребенок одет, обут, сыт,

здоров, у него есть все учебники и наглядные пособия – что же вам еще надо? Материальными затратами, считают такие отцы, можно измерить родительскую любовь, на худой конец откупиться...

Здесь мы имеем дело с небольшим числом отцов (но они есть, и о них надо говорить) – людей, страдающих неизлечимым пороком – нравственно-эмоциональной толстокожестью. По существу, они не знают, что такое родительская любовь. Почему речь идет прежде всего об отцах? Потому что среди матерей, связанных с детьми узами повседневной духовной общности, таких людей почти нет. Нравственно-эмоциональная толстокожесть, бездушное отношение к своим детям – далеко не всегда результат низкого уровня образования отца. Это результат порочного взгляда на воспитание детей как на что-то совершенно обособленное, отделенное забором от общественных обязанностей.

Если в такой семье и мать не уделяет достаточного внимания детям, если она не стала центром духовной жизни детей – их окружает атмосфера духовной пустоты, убожества. Они живут среди людей и не знают людей – вот что наиболее опасно в таких семьях: их сердцам совершенно незнакомы и недоступны тонкие человеческие чувства, прежде всего ласка, участливость, сострадание, милосердие. Они могут вырасти эмоционально невежественными людьми. По отношению к этим детям воспитательный долг школы особенно велик: они должны пройти в стенах учебного заведения специальную школу воспитания чувств. Это целая проблема теоретической и практической педагогики; к сожалению, этой отрасли педагогики по существу нет: никто специально не исследует того, как воспитывать в школе детей, у которых в силу семейных обстоятельств опустошен, обезличен эмоционально-нравственный мир. В лучшем случае школа заботится о том, как «обеспечить» хорошую успеваемость ребенка, который чувствует, что в семье он никому не нужен.

Какой же должна быть подлинная родительская любовь?

4. Имеющий в руках цветы

Какой же должна быть подлинная родительская любовь? Что оставлять в сердцах сыновей и дочерей наших, чтобы они выросли настоящими людьми? Как добиться, чтобы родительская любовь зажигала в детских сердцах неугасимые искры благодарности? Чтобы золотые крупинки, которые дарят мать и отец сыну, дочери, превращались в золотые россыпи для людей,

для народа?

Учить ребенка видеть и понимать людей – это, пожалуй, самое сложное в трудном деле воспитания человека. Родительская любовь должна быть такой, чтобы у ребенка пробуждалась чуткость сердца к окружающему миру, ко всему, что создает человек, что служит человеку, и, конечно, прежде всего к самому человеку. Я твердо убежден, что воспитание человеческого благородства в детском сердце начинается с максимального очеловечивания его отношений к людям, одухотворения этих отношений чистыми, возвышенными чувствами уважения человека, и прежде всего уважения матери и отца.

Дети только что переступили порог школы, стали учениками. В первые годы школьной жизни исключительное значение имеет связь школы с родителями, подчеркиваю, с обоими родителями, и с матерью, и с отцом. Еженедельные индивидуальные беседы учителя, директора школы с матерями и отцами, раздумья, советы – это лаборатория воспитания человека. Мы сообщаем, что должен делать ребенок, в чем должна заключаться его активная деятельность, чтобы он чувствовал сердцем, что живет среди людей.

Вместе с родителями мы добиваемся того, чтобы школьные годы, особенно годы обучения в начальных классах, были школой сердечности. Самые ценные уроки в этой школе – создание красоты, заботы о красивом для человека. Все, что доставляет ребенку эстетическое наслаждение, радость, удовлетворение, имеет чудодейственную воспитывающую силу. Дети создают красоту для семьи, для матери и отца, для других людей.

Каждую осень в семьях проводится праздник Розы – он, подчеркиваю, прежде всего семейный, а потом школьный. Дети не собираются всем коллективом, нет той торжественности, в которой, к сожалению, мало искренних, неподдельных детских чувств и много искусственного, не свойственного природе ребенка. Наши детские праздники проводятся главным образом в семье, но готовит детей к ним школа.

Осенний праздник Розы – это день, в который каждый ребенок сажает на приусадебном участке родителей несколько кустов роз. Мы даем ребенку саженцы роз – возьми, посади, ухаживай за ними, создавай красоту, принеси радость матери, отцу, бабушке, дедушке.

Ребенок сажает розы. Ему часто приходится напоминать: полей, прикрой от холода, разрыхли землю. Он не привык к заботам и настойчивым усилиям. Результат, о котором говорит учитель, – благоухающий цветок – в его представлении

невообразимо далек. Ребенок не умеет терпеливо ждать и стремиться к цели – этому его надо учить, и учить трудом.

Но вот появляется первый бутон, второй, третий. Бутоны раскрываются, блестят на солнце алые, розовые, синие, голубые лепестки. Огоньки радости в детских глазах в эту пору ни с чем не сравнимы. Это не та радость, которую переживает ребенок, получивший что-нибудь в подарок от родителей. Это не радость досуга, отдыха, не радость предвкушения удовольствий предстоящей поездки на экскурсию.

Это радость творения добра для самых дорогих людей – матери, отца, бабушки, дедушки. И это добро трогает, волнует, радует детское сердце как раз потому, что добро это – красота. Ребенок ждет не дождется, когда бутоны расцветут. Тут он уже умеет быть терпеливым. И если случается, что кто-нибудь сорвал цветок, предназначенный для подарка матери, – для ребенка это горе. И тот не настоящий человек, кто никогда не пережил этого горя.

Для меня нет счастья больше, чем видеть сияющие детские глаза в те мгновения, когда ребенок срывает цветок розы и несет его матери. Глаза его одухотворены в эти мгновения чистым сиянием человечности. Они озарены глубокой внутренней радостью – радостью творения добра для людей.

Ребенок, переживший первое чувство творения красоты, добра для людей, приобретает новое видение красоты. В цветущих ветвях яблони, в созревающих гроздьях винограда, в задумчивых цветах хризантемы он видит воплощение труда, забот, тревог. У него не поднимется рука сломать ветку, сорвать цветок просто так, «зазря».

«Имеющий в руках цветы плохого совершить не может» – в этих прекрасных стихах Вл. Солоухина поэтический ответ на вопрос о том, какой должна быть родительская любовь, что мы должны оставлять в сердцах своих сыновей. Наша любовь, дорогие отцы и матери, должна быть свежим ветром, раздувающим в детском сердце ту искру работы, тревоги о нас, родителях, о людях вообще, которую мы же зажгли своим умением одухотворить маленького человека желанием быть добрым, человечным, душевно красивым.

Проходит первый год школьной жизни, дети переходят во второй класс: и вот мы с ними закладываем сад Благодарности. Это сад для людей, для стариков, которые проработали на земле 40, 50, 60, 70 лет, а есть люди, проработавшие и 80 лет. Для сада Благодарности мы берем, как правило, участок заброшенной неплодородной почвы, превращаем ее в плодородную, высаживаем виноград, яблони, груши, сливы. Нелегкий это труд –

бывает, надо перенести десятки тонн плодородного ила, чтобы в земле пробудился источник жизни. Но этот труд одухотворен высокой целью: мы приносим радость людям. И поэтому радости этого труда ни с чем не сравнимы и не сопоставимы.

В саду Благодарности созревают первые плоды, дети приглашают в сад уважаемых дорогих своих односельчан – дедов своих и прадедов. Дорогие родители, направьте своего сына по этой тропинке нравственного развития, одухотворите его труд, и вы увидите, что то мгновение, когда он сорвет плоды в саду Благодарности и поднесет человеку, полстолетия проработавшему на земле, – это мгновение оставит неизгладимый след в его душе – он как бы поднимется на первую вершину в своем нравственном развитии.

Переживая бескорыстную радость творения добра, ребенок приобретает драгоценное богатство души: он чувствует сердцем, когда и где товарищу, другу, любому человеку, живущему рядом, надо помочь. Ребенок, испытывающий потребность делать добро, потребность в человеке – а об этой потребности писал Маркс как о величайшем духовном богатстве свободного человека, – становится очень зорким, восприимчивым, чутким к окружающему миру, к людям, к поступкам, событиям, взаимоотношениям между людьми. Как чутки дети, пережившие радость творения добра для людей, к огорчениям, невзгодам матери, отца! Они чувствуют, что уставшие на работе мать и отец нуждаются в отдыхе, что тишина, покой, чистота в доме, красота – это важные условия той полной духовной жизни, которую надо дать матери и отцу. Дети, познавшие радость творения добра для людей, сердцем чувствуют, что их плохое поведение, плохие успехи в учении – все это приносит огорчения матери и отцу, а принести огорчения самому близкому, дорогому человеку – для сердечного, отзывчивого ребенка – равносильно злumu, дурному поступку.

Сердечный, отзывчивый ребенок чувствует зло там, где, казалось бы, с первого взгляда и нет дурного поступка. «Я должен учиться хорошо, – сказал мне однажды Коля, ученик четвертого класса, – у мамы большое сердце». Ребенок чувствует, что, если в его таблице появится плохая оценка, сердце матери будет огорчено. Ему хочется, чтобы мать была спокойна. Он знает, что своим трудом он может успокоить сердце матери, не причинять ей беспокойства.

Это заветное желание каждого отца, каждой матери – чтобы детям хотелось хорошо учиться. Чем же пробудить это хотение, желание? Оно имеет своим источником желание принести матери и отцу радость. А это желание пробуждается в детском сердце

лишь тогда, когда ребенок уже пережил, испытал радость творения добра для людей. Я глубоко убежден, что заставить ребенка хорошо учиться можно, пробудив его к добрым поступкам для блага людей, утвердив в его сердце чуткость к окружающему миру, воспитав способность познавать душевный мир другого человека сердцем.

Помню маленькую девочку Зою. Обожая дочурку, мать потакала всем ее прихотям. И вот мать стала болеть. Это была длительная, изнуряющая болезнь с временными улучшениями здоровья и неожиданными ухудшениями. Мы считаем одной из важнейших воспитательных задач то, чтобы чуткое сердце ребенка читало в человеческих глазах, в оттенках речи, в движениях боль, горечь, печаль, плохое настроение. У детей, которые воспитываются в духе бездумного умиления, пробудить эту чуткость очень трудно.

Третий класс, в котором училась Зоя, собирался ехать в интересное путешествие по Днепру – дней на пять. Пришла в школу мать Зои – посоветоваться, что надо приготовить дочке в дорогу. Ей было очень тяжело, но она стремилась не замечать атак недуга. Мне с трудом удалось убедить мать, что Зое никуда ехать не надо: нельзя оставлять мать в таком состоянии. Я позвал девочку с урока и сказал, что она не поедет. Девочка расплакалась. «Неужели ты не видишь, в каком состоянии мама? – спросил я. – Ведь она тяжело больна. Сколько сил стоит ей казаться здоровой – неужели ты этого не видишь?» Девочка смотрела на меня с недоумением.

«А откуда мне это знать? – равнодушным тоном сказала Зоя. – Ведь мать не говорит, больна она или здорова».

Девочка была явно недовольна тем, что ей нельзя поехать с товарищами. Рассудок подсказывал ей, что нельзя оставить мать, но сердце ни о чем не говорило, вот в чем беда. Не один год пришлось мне пробуждать сердце этой маленькой девочки – как это ни странно, оно уже было окаменевшее... Я учил ее: смотри в человеческие глаза – это зеркало души, умей почувствовать, чем живет человек, что его радует или огорчает.

Однажды мы с Зоей пошли в поле, к колхозницам, работавшим на свекловичной плантации. В звене – восемь человек. Среди этих женщин, сказал я Зое, мать, у которой погибли смертью героя на фронте три сына. Сколько бы лет ни прошло, это горе никогда не оставляет душу, и каждый, у кого чуткое сердце, прочитает его в материнских глазах, почувствует сердцем. Зоя узнала мать героев... Этот день оставил в ее сердце глубокий след на всю жизнь. Теперь она была уже не равнодушной девчонкой, а чуткой, сердечной, внимательной

дочерью. Она не оставляла мать по вечерам одну дома, старалась, чем только могла, принести ей радость.

Сейчас Зоя стала взрослым человеком, вышла замуж, у нее сын. Прошлой осенью она пришла в школу очень взволнованная.

«Идемте скорее, там человек нуждается в помощи, – сказала она, задыхаясь от усталости после быстрой ходьбы. – Если ему не помочь – плохо будет». Потом она рассказала более спокойно: в лесной чаще на старом пне сидит старик, удрученный безысходным горем, склонившийся к земле, ничего не видит и не слышит. «У него в глазах – боль, отчаяние, надо скорее идти к нему», – закончила свой рассказ Зоя.

Мы поехали в лес. Старик оказался жителем нашего села. У него большое горе: три дня назад он похоронил жену, теперь остался один на свете – ни родственников, ни близких; сын и брат погибли на фронте... Мы отвезли старика домой, в хату, куда он боялся зайти, страшись одиночества. К нему ежедневно приходили пионеры. Зоя подружилась со стариком, подружилась с детьми, ставшими для дедушки Андрея дорогими, родными. На приусадебном участке старика дети заложили большой питомник роз. «Если бы не Зоя и не дети, я уже не жил бы», – сказал мне однажды дедушка Андрей.

Что мы оставляем в сердцах своих сыновей, отцы? – давайте почаще ставить самим себе этот вопрос. Будем оставлять в сердцах своих сыновей моральные ценности, созданные, добытые, выстраданные трудовым народом за его многовековую историю, за столетия его борьбы, утверждающей высокое достоинство Человека. Будем помнить всегда, что самое высокое и почетное творчество в обществе, строящем коммунизм, – это творение Человека.

Слово к отцам

В зимние вечера к нам в школу частенько приходят отцы. И мы, педагоги, ведем с ними особый разговор – о высокой миссии мужчины в семье. Этому разговору придается важное значение, потому что роль отца в воспитании детей особенная.

В самом деле, как хочется ребенку, чтобы отец его был личностью сильной, ярко выраженной, умеющей быть ответственной. Если бы каждый отец знал и понимал, какую огромную потребность в нем испытывает ребенок, как он хочет, чтобы рядом был мудрый, мужественный мужчина!

В начале 50-х гг. учились у нас в школе две подружки-второклассницы. У одной из них, Наташи, не было отца. Когда девочка была маленькой, она часто спрашивала у мамы, где отец.

Мама молчала, а однажды расплакалась... Став школьницей, Наташа больше никогда не задавала вопросов об отце.

У ее подружки Насти были и мать, и отец. Как-то пришла в гости Настя к Наташе и спросила: «Где твой папа?» Девочке стыдно было сказать, что у нее нет отца, и она ответила: «Тато мой – летчик. Он летает... и дома бывает редко». Из денег, которые мать давала на обед, Наташа ежедневно откладывала по несколько копеек. Однажды села в автобус, поехала в город и купила картуз летчика... Если в дневнике у девочки появлялись неважные отметки, она говорила подружкам: «Ой, что же мне тато мой скажет...» В этих словах звучала не боязнь, а гордость...

Наташа выросла. У нее теперь своя семья: муж и две дочери. Помнится, в день, когда молодая мать впервые привела в школу свою старшую дочь, она рассказала:

– Вы не представляете, как требовался мне в детстве отец. Я создала его в своем воображении. Так легче было жить. Отец представлялся мне добрым, но строгим, требовательным. Хотелось, чтобы он взял однажды мой дневник и сказал: «Ну, что у тебя там, дочка...» Особенно тяжело было в дни, когда я болела. Как ждала я, что подойдет к кровати большой, сильный человек, положит руку на голову и обрадует: «Ничего, дочка, скоро выздоровеешь...»

Я знал многих детей, отцы которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Взрослые уже люди, они до сих пор берегут, как святыню, какую-то вещь, оставшуюся от отца: звездочку, ремень, платок, ручку, кiset, сумку...

Никогда не забыть маленького Сережу. Его отец пал в битве в Карпатских горах. Долго плакала мать, получив синий конверт с похоронным извещением. Окончилась война, возвращались солдаты из армии. Однажды в горячий летний день на двор к Сережиной матери пришел седоусый солдат. Он рассказал ей о смерти мужа. «Погиб твой отец-пулеметчик от фашистского снаряда, – обратился солдат к Сереже. – Нашел я на месте гибели только ложку своего верного друга». И передал ее мальчику.

Шли годы. Сережа тоже стал солдатом. В армию юноша взял с собой отцовскую реликвию. Три года служил, и алюминиевая ложка была его неразлучной спутницей. Теперь и у Сережи растут три сына. Ложка их деда лежит в доме на самом видном месте, и я уверен: лежать будет вечно.

Если мы говорим о гражданском облике отца, его способности стать образцом для детей, то измеряется эта гражданственность прежде всего обязанностью быть ответственным за своих детей.

Отношения в семье исторически сложились так, что труд

отца, имеющий целью заботу о здоровье, благополучии, жизни детей, становится средоточием нравственности. Чем желаннее и радостнее для мужчины этот труд, тем благороднее его моральный облик, тем лучший образец для подражания являет он собой.

Отец – самый родной, самый дорогой для ребенка мужчина, в образе которого выражается человеческая ответственность за его приход в свет, за каждый его шаг и поступок в жизни. В отцовстве – великая миссия преемственности поколений, нравственного совершенствования в новой, созданной отцом и матерью личности.

Хочется, чтобы все отцы понимали: мера сыновнего подчинения, послушания, дисциплины определяется мерой отцовской ответственности. Его служение людям, верность и преданность родной стране – это гордость детей. Они дорожат тем, что отец отдал и отдает своему народу, что оставляет от своей души, своего разума в материальных и духовных ценностях Отечества.

В народе говорят: «Сыну надо иметь свой корень». Родительский корень, родительские заслуги, родительская честь не должны стать для сына капиталом, на который можно жить, приобретая на него блага и привилегии. На родительском корне, если у сына не будет корня собственного, может вырасти чертополох. Чем ярче светят заслуги отца перед обществом, тем необходимее сыну собственный свет. Этот свет зажечь может отец. Зажечь огнем своей верности высоким идеалам общества, своим трудом во имя этих идеалов. Наши учителя стремятся в своей воспитательной работе к тому, чтобы каждый школьник видел, открывал в своем отце те черты, которые создают непреходящие человеческие ценности – гордость, достоинство семьи. Познание нравственных богатств в собственном отце – ничем не заменимые уроки гражданской чести. Вот два таких урока.

Когда окончился учебный год, отец сказал Пете:

– Сегодня поедem на мое поле, сынок.

– Разве у тебя есть свое поле? – спросил сын.

– Есть.

Добирались долго: поездом, автобусом. Наконец достигли леса. Вдоль опушки увидели широкое ровное поле, на нем колосилась пшеница.

– Это мое поле, – сказал отец. – Здесь я сражался с фашистами. Выбили мы отсюда врага. На этом поле – моя кровь... Вон там я лежал раненый...

Задумчиво, строго, совсем по-новому смотрел сын на поле,

казавшееся ему до сих пор самым обыкновенным. Может быть, именно в этот миг понял мальчуган, что значит служить своему народу. И здесь же увидел в своем отце верного защитника Родины, храброго человека. Если каждый из сыновей станет, как Петя после посещения такого поля, смотреть на отца влюбленными глазами – уверен, не будет места непослушанию, неуважению.

А вот другой пример. У Пилипка, маленького второклассника, отец тоже воевал с фашистами, был награжден медалью «За боевые заслуги». Зимними вечерами отец рассказывал сыну о трудных дорогах войны, окопах в снегах и болотах, мужестве наших воинов.

«Какая это трудная медаль...» – сказал однажды Пилипко, ложась спать. А вскоре завершился учебный год. Мальчик принес домой большую книгу с яркими рисунками – награду за успешное учение. Мама улыбалась, рассматривая книжку, а Пилипко молчал.

– Что случилось? Почему школьная премия тебя не радует? – с удивлением спросила мать.

– Потому что не было трудно... – ответил сынишка.

Есть над чем задуматься не только отцам, но и нам, учителям. Порой еще мало заботимся мы о том, чтобы в сознании детворы сливались воедино три понятия: «трудно», «прекрасно», «надо». К тому же, воспитывая чувство любви и уважения к старшим, и в частности к отцу, нам, педагогам, следует быть очень чуткими и тактичными.

...Идет урок. Учительница по очереди спрашивает первоклассников об их родителях. Дети отвечают, учительница записывает. Услышав вопрос об отце, обращенный к соседу по парте, Петя побледнел.

Оказалось, накануне, возвращаясь из школы, мальчуган встретил своего отца возле чайной. Склонившись на забор, тот смотрел на дорогу пьяными глазами. «Тату, идемте домой», – уговаривал Петя отца на глазах у проходящих мимо людей, и мальчишке было бесконечно стыдно перед ними...

В поле гудел трактор, светило солнце. Мир казался счастливым и спокойным. Но разве может быть счастливым хоть один человек, пока маленький Петя плачет над пьяным отцом, а потом, ожидая вопроса учительницы, обливается холодным потом? Всегда ли мы задумываемся о том, что в такие минуты ломается вера у маленького человека во все светлое, радостное и правильное. Без веры в «правильное» – это слово я заимствовал из рассказа одного подростка о своем домашнем горе – не может быть и речи о полноценном воспитании. Ребенок счастлив лишь

тогда, когда он верит. Непослушание, дерзости, грубость – все это появляется в детском поведении именно в те моменты, когда ломается вера.

Если бы меня спросили, что самое трудное в нашей работе, я бы ответил: говорить с ребенком о его отце и матери. Здесь малейшее неумение, оплошность, неточность могут привести к пагубным последствиям.

...В первом классе было тихо, дети рисовали осень. «А Митин тато в тюрьме», – вдруг послышался звонкий мальчишеский голос. Павлик живет по соседству с Митей. Мальчик не мог сберечь такую интересную новость: мама вчера рассказывала, что отца Мити осудили.

Я от неожиданности не мог собраться с мыслями. Митя покраснел: карандаш, которым он рисовал дождь, задрожал в его руке.

«Ничего удивительного в этом нет. – сказал я малышам. – Вы знаете, что Митин папа – стекольщик. Помните, он в школе стеклил окна? В тюрьме есть выбитые стекла... Митин отец поехал туда стеклить окна. Не такая это быстрая работа».

В глазах Мити засветились огоньки благодарности.

Наша учительская миссия – защитить детскую душу. Бывают такие обстоятельства, когда перед ребенком как будто бы острое лезвие ножа: он в ужасе, все в нем замирает. Такое чувство переживается в минуты обнажения тех интимных семейных взаимоотношений, которые ребенку хочется прикрыть, спрятать.

Вот почему мне хочется сказать отцам: знайте и помните – дети переживают ваше падение, как свое личное горе, воспринимают вашу радость, как свою. Берегите же детскую любовь к человеку, укрепляйте веру в человека.

Мы продолжаем себя в детях

Из глубины веков пришла к нам утвердившаяся в народной морали истина: хорошие дети – честь отца и матери, их достоинство; плохие дети – горе, несчастье, страдания. В извечном стремлении к отцовству и материнству выражается духовный, нравственный порыв, постигнутый человеком как высшее счастье. Это порыв к тому, чтобы оставить себя в своих детях, продолжить свое бытие, утвердить нравственные ценности, постигнутые, обретенные, добытые предыдущими поколениями, умноженные крупицей собственного опыта, собственного творения и творчества.

Это не легенда, а быль, истинное событие, которое произошло в старинном селе на берегу Днепра.

Жила в этом селе старая-престарая женщина. Вырастила она пять сыновей и семь дочерей. У каждого сына и у каждой дочери по несколько внуков. У каждого внука по двое, а то и по трое детей. Лишь у одной внучки Веры, вышедшей замуж несколько лет назад, не было детей.

В теплый летний день исполнилось Праматери – так называл ее весь род – сто семь лет. Пришли поздравить ее с днем рождения дети, внуки и правнуки. Стали вокруг нее в яблоневом саду, поклонились, пожелали доброго здоровья, сильного духа, ясной мысли, зоркого взгляда и справедливого слова. Посмотрела Праматерь на всю свою родню и видит: все пришли, а Веры нет. Заболело старое сердце. Только хотела спросить она: «А Веры почему нет?» – как вдруг прибежала соседка, поклонилась и сказала: «У Веры сын родился».

Вздыхнула с облегчением Праматерь. Радость засветилась на ее лице. Посмотрела она в глаза каждому своему родственнику и тихо сказала: «Я умираю». И умерла самым счастливым человеком на земле.

Много лет приходится мне каждый день беседовать с отцами и матерями – и с теми, кто с изумлением и восторгом приходит сообщить о рождении сына, и с теми, у кого дети готовятся стать матерями и отцами. Мне очень дорого то, что родители приходят ко мне со своими радостями и горестями, доверяют тайны, сохранение которых является огромным трудом души. С каждым годом я все больше убеждаюсь, что отцовство и материнство – это второе рождение человека. Я говорю без преувеличения, что, став отцом или матерью, человек, нравственно подготовленный к этому великому акту человеческого деяния, по-настоящему рождается.

Никогда не забуду волнующего события, ставшего для меня поучительным. Был у нас в школе мальчик по имени Степан. Невыносимым шалуном и проказником, но в то же время добрым, сердечным человеком остался он в памяти учителей. Прошли годы. Степан стал взрослым человеком, женился, в памяти нашей постепенно стал тускнеть его образ. И вот однажды сидим мы в учительской – человек пять учителей. Открывается дверь, входит взволнованный, радостный Степан. Без шапки, с бутылкой шампанского. Извиняется за неожиданное вторжение, сбивчиво объясняя его причины:

– У меня сегодня большая радость. Везу из больницы жену с дочерью. Сегодня, дорогие учителя, мое сознание как будто бы солнце озарило. Я понял, что настоящий человек – тот, кто отвечает за другого человека. И от этой мысли вспомнились школьные годы. Как только увидел я ее маленькое личико, сразу

же перед глазами предстал я сам. Сколько огорчений принес учителям... Простите меня, непутевого. Теперь я знаю, что такое ваш труд. Научите, как воспитывать... Вы знаете это...

Потом он сказал, что они с женой договорились: дочке дадут имя его первой учительницы – Ольги Петровны. Мы вышли из школы, поздравили мать.

Шли дни, недели. Степан часто приходил ко мне со своими сомнениями. Правильно ли они воспитывают Олю? Вот ей уже полгода, вот она уже сделала свой первый шаг, лепечет на своем детском языке... Меня радовали его сомнения и волнения, но больше всего радовало его чувство ответственности. «Где бы я ни был, что бы ни делал – меня тянет к дому, к колыбели Олиной, – делился с нами своими чувствами Степан, – как будто кто-то в сердце стучит: если ты долго не будешь дома, что-то случится нехорошее...»

Молодой отец нес ко мне радости, тревоги, заботы свои и материнские и каждый раз спрашивал: как? Наибольшей радостью отца и матери стало то, что Оля полюбила бабушку Марию. Оля помогала бабушке по хозяйству, и бабушка относилась к помощи правнучки как к очень серьезному делу. «Мы работаем», «мы заняты делом», «нам трудно», «мы устали», «мы отдыхаем» – это те полные глубокого смысла слова, которым в общении с бабушкой научилась Оля. Они несли в себе тонкую эмоциональную окраску любви, доверия, радости общения с любимым человеком. Я присматривался к воспитанию ребенка в этой семье и радовался, наблюдая, что ребенок познает мир через труд и как благодаря этому одновременно с пониманием вещей и явлений в детскую душу приходит нравственная оценка. Ко всему, что его окружает, ребенок определенным образом относится, и в этом отношении с малых лет четко определяются любовь и непримиримость. Маленькому ребенку невыносимы стали безделье, нерадивость.

Когда бабуса слегла в постель, Оля впервые пережила человеческое горе, плакала наедине. Молодой отец пришел однажды рано утром очень взволнованный: что делать? Бабуса умирает. Не лучше ли будет, если пятилетняя Оля не будет видеть любимого человека в предсмертные часы? Я посоветовал: нельзя уводить ребенка из мира человеческого. Познавание жизни начинается с познания человека. Первое, что ребенок видит перед собой, – это материнские глаза, улыбку, радость, солнце. Дорожить радостями жизни – это значит беречь ее, понимать ее как ни с чем не сравнимую ценность. Угасание огонька жизни, старость и кончина дедушек и бабушек тоже воспитывают детей.

Если вы, отцы и матери, стремитесь, чтобы сын ваш хотел

быть хорошим человеком, дорожил своим достоинством, чтобы слово и воля отцовские и материнские были для него непреложным законом, – научите его в детстве видеть все дерево жизни – от тончайших корней до отмирающих, уходящих в небытие ветвей.

Понимать жизнь, ценить жизнь, дорожить жизнью, беречь жизнь от мерзостей и унижения человеческого достоинства, презирать и ненавидеть эти мерзости – вот средоточие той педагогической мудрости, которую я стремлюсь передать матерям и отцам. Когда будущие матери и отцы приходят на первое занятие родительской школы, я рассказываю им вот какую бль.

Это было очень давно. В одном селе на Украине девушки и женщины решили показать свое мастерство. Договорились, что в воскресенье все придут на сельский майдан, и каждая принесет самое лучшее, что она создала своими руками: вышитый рушник, кружева, полотно, скатерть. В воскресенье все девушки и женщины принесли на майдан множество изумительных вещей. У стариков и старух, которым общество поручило назвать самых искусных мастериц, глаза разбежались: так много было талантливых девушек и женщин. Жены и дочери богачей принесли вышитые золотом и серебром шелковые покрывала, тонкие кружевные занавески, на которых были вывязаны удивительные цветы и птицы.

Но победительницей неожиданно для всех оказалась жена бедняка Марина. Она не принесла ни рушника, ни кружев, хотя все это она прекрасно умела делать. Она привела семилетнего сына Петруся, а Петрусь принес жаворонка, которого он сам вырезал из дерева. Поднес мальчик жаворонка к губам – и запела, защебетала птичка, как живая. Все стояли на майдане, затаив дыхание, а над майданом, в голубом небе, пел живой жаворонок, привлеченный пением с земли.

«Тот, кто творит умного, доброго, мужественного человека, – самый искусный мастер» – таково было решение стариков.

В семье, в тончайших прикосновениях отца и матери к детскому сердцу и разуму пишется самая мудрая, самая сложная и в то же время самая простая – потому что она доступна каждому отцу, каждой матери – страница книги, которую все мы называем общественным воспитанием. Общество – это огромный дом, сооруженный из маленьких кирпичиков – семей. Крепкие кирпичи – крепкий дом, рыхлые кирпичи – о, это опасное для общества явление: ему приходится лечить себя. А рыхлость эта заключается чаще всего в безответственности. Если у вас нет сына – вы просто человек. Если же у вас есть ребенок, вы трижды, четырежды, тысячу раз человек – эту мысль мы стремимся

красной нитью провести через всю воспитательную работу с родителями. Давая жизнь новому человеку, вы как бы вписываете свое имя в летопись своего народа.

Безответственность и легкомыслие в отцовстве и материнстве – это пороки личности, первопричина которых в извращенном представлении о счастье и радостях жизни. Тот, кто не сумеет продолжить себя в своих детях, забывает, что в старости его ожидает одиночество.

Одиночество старости – самое страшное горе человеческой личности, его можно понять, мысленно и сердцем своим проникнув в душевный мир людей, которые в молодости порхали с одного сладкого цветка на другой, а в старости стали нищими. Прочитайте, беззаботные молодые люди, прочитайте, отцы, неожиданно для самих себя разлюбившие любимую когда-то жену, потому что на пути вашем появился новый ароматный цветок, а старый немножко увял над детской колыбелью... Прочитайте – это истинное событие, к которому мне пришлось в свое время прикоснуться. Обо всем я рассказываю, как было, не называю только имен.

Жили на свете мать, отец и сын. Сыну еще и года не было, когда отец оставил его мать. Оставил и ушел тайком, не сказав, куда он идет и почему.

Остались мать с сыном одни. Нелегко было матери. Рано утром она относила сына в детские ясли, а сама шла на работу.

Сын выросстал. Мать уже не относила, а отводила его, не в ясли, а в детский сад. Сын узнал, что у других детей есть не только мать, но и отец. Это открытие поразило детскую душу. Маленький сын спросил у матери:

– Почему у других детей есть отцы, а у нас нет? Ребята говорят, что без отца нельзя появиться на свет... Правда ли это?

– Да, без отца нельзя появиться на свет.

– Значит, у нас был отец?

– Да, у нас был отец. Он ушел от нас...

– Почему ушел?

– Он не любит нас, потому и ушел...

– А что значит – не любит? – спрашивал сын.

Мать объясняла это как могла; трехлетнему мальчику не все было понятно, и мать говорила:

– Подрастешь немножко – поймешь...

Прошел еще год, второй. Пятилетний сын спрашивает у матери:

– Мама, а себя наш отец любил?

– Себя он любил еще меньше, чем нас. Себя он не только не любил, но и не уважал...

– А что значит – уважать себя?

Мать пыталась объяснить, но пятилетний мальчик еще не мог понять столь сложных вещей.

Прошел год, два года прошло. Семилетний сын спрашивает у матери:

– Мама, что же это значит – уважать себя?

– Это значит оставить себя на земле в своих детях. Кто не хочет оставить себя в своих детях – тот не хочет быть человеком.

– Но разве он, отец, не понимал этого? – спрашивал изумленный сын.

– Он поймет это только в старости.

Когда сыну исполнилось семь лет, мать вышла замуж. Оставшись наедине с сыном, мать сказала ему:

– Этот человек любит меня, и я его люблю. Если он полюбит тебя и ты полюбишь его, может быть, ты станешь его сыном, а он – твоим отцом. А пока не называй его ни отцом, ни дядей – так нехорошо. Обращайся к нему просто «вы».

Второй муж матери был добрым, сердечным человеком. Но мальчик не открывался перед ним, потому что не верил ему. «Если человек, без которого я не мог бы родиться, не стал моим отцом, то разве может стать отцом чужой человек?» – думал мальчик, и от этих мыслей ему было тяжело.

Сын заболел. Дни и ночи он лежал в забытии, и лишь изредка к нему возвращалось сознание. Однажды ночью он почувствовал себя лучше, открыл глаза и увидел перед собой отчима. Мужчина держал в руке его слабенькую ручку и плакал... Мальчик закрыл глаза, ему хотелось, чтобы эти мгновения продолжались вечно. Прошла минута, вторая, третья. Сердце мальчика трепетало от счастья: мужчина ласкает его руку. Он чувствовал: мужчине хочется, чтобы он выздоровел. Мальчик не мог больше лежать с закрытыми глазами, он открыл глаза, улыбнулся и сказал:

– Я буду называть вас Отцом, хорошо?

Прошло несколько лет, и на счастливую семью обрушилось страшное горе: неизлечимый недуг приковал мать к постели. Десять лет она болела, и все эти годы о ней заботились муж и сын. Когда сыну исполнилось 23 года, мать умерла. Сын женился. У него самого уже родился сын. Отчим стал старым, слабым человеком. Сын горячо и преданно любил его. Без него никогда в семье не начинался обед, без его совета не решалось ни одно дело.

И вот однажды, когда семья ужинала, в хату кто-то постучался. Вошел старик.

– Узнаешь меня?

– Нет, не узнаю.

– Я твой отец.

Сын вспомнил все. Он ответил:

– Вот мой Отец... А вы для меня просто старик.

– Но ты мой кровный сын, – взмолился старик. – Приюти меня.

– Хорошо, живите у нас, – сказал сын. – Но я не могу ни любить, ни уважать вас, ни отцом называть.

Так и живут они в большом доме, среди яблонь и вишен.

В теплые летние дни семья садится за стол в саду. Слышится оживленный разговор, смех. А старик сидит в своей комнате у окна и, склонив седую голову, плачет.

Задумайтесь над этой историей, отцы. Задумайтесь и вы, юноши, собирающиеся вступить в брак. Сила, создающая и укрепляющая семью, – это любовь. Взаимная, верная, честная, преданная любовь отца и матери, отца и детей, матери и детей. Но любовь – это не вдохновение или озарение, приходящие откуда-то извне. Любовь – это огромный труд. «Созидается же семья неустанно трудом любви», – писал великий мыслитель и художник Ф. М. Достоевский. Труд любви – это и есть сознательное стремление к тому, чтобы в детях утвердить самого себя, продолжить свою внутреннюю духовную красоту. Если вы по-настоящему любите своих детей, если преданы и верны им, ваша любовь к жене с годами не только не ослабевает, но становится более глубокой и единственной. Любовь – нежное, хрупкое, капризное дитя мужества. Продолжать себя в своих детях – это значит быть мужественным в любви.

1. Ты пришел в школу семилетним ребенком. Мать и отец считают тебя маленьким и беззащитным. Ты в самом деле нуждаешься в постоянной опеке, заботе и защите взрослых; без них ты не можешь обойтись в сложном и многостороннем мире. Ты маленький, но не забывай, что через десять лет, окончив школу, ты станешь взрослым. Десять раз опадет листва с этой виноградной ветви, и ты будешь уже не семилетним несмышленишкой, а самостоятельным тружеником, воином, завтрашним отцом, а ты, девочка, будешь уже думать о своем родном несмышленишке – сыне или дочери. Для тебя, семилетнего, эти годы сейчас кажутся невообразимо огромной жизнью – так и должен отражаться мир в сознании ребенка... но для твоего учителя десять лет – не такой уж длительный период... Он знает, что старая липа, ровесница школы, через десять лет совсем не постареет, а ветка виноградной лозы в годы твоей юности будет такой же, как сегодня.

Умей думать о своей взрослости – вот что поможет тебе стать настоящим человеком. Взрослые – мать, отец, учитель – делают из тебя человека, но ты должен помнить, что от твоих усилий, от твоей самостоятельности – и с каждым годом все больше и больше – зависит то, каким человеком ты станешь. Я, твой учитель, говорю тебе эти слова без преувеличения: от того, какова твоя деятельность именно в те годы, когда ты малыш-

несмышлениш, зависит, кем ты станешь, как будут развиваться твои способности, что в тебе откроется. Дорожа опекой и заботой со стороны взрослых, благодаря за них, в то же время стремись поскорее избавиться от них. Не бойся взрослого труда и взрослых трудностей. Вообще не бойся ничего трудного. Гордись тем, что ты умеешь быть стойким, выносливым и по трудолюбию, настойчивости, сознательности приближаться к взрослым.

Надо ли говорить маленькому ребенку обо всем этом? Многолетний опыт убеждает, что одной из бед школьного и особенно семейного воспитания является взгляд на ребенка как на вечное дитя. Именно забвение того, что сегодняшний ребенок завтра станет взрослым человеком, часто приносит неприятные неожиданности. Воспитание взрослости – целая проблема этической культуры, в которой как бы сливается интеллектуальное, нравственное, творческое становление человека. Это поучение рассчитано не только на семилетнего ребенка. Его надо повторять из года в год, но речь идет прежде всего об исключительной важности младшего возраста для воспитания творческих способностей.

Этот вопрос нельзя считать узкопсихологическим. От того, какие способности откроются в человеке, какая грань заиграет в нем и будет сиять всю его жизнь, зависит в конечном счете личное счастье человека, а значит, и счастье общества, потому что невозможно представить гармоническое общество, если из детства будут приходить в отрочество, юность и зрелость недоучки, неудачники, ни к чему не способные люди – а они приходят именно из раннего детства, из того возраста, когда малыш еще только готовится к школе и учится первые годы. Проблема становления и развития способностей – это проблема широкого этического плана. Способность развивается в детстве – в этом убеждает многолетний опыт. Научить маленького человека думать о взрослости важно для того, чтобы утвердить в его сознании *взрослость мысли, зрелость духа*.

В мозге каждого психически здорового ребенка заложены возможности для широкого диапазона творческих способностей. Природа закладывает все необходимое для того, чтобы каждый стал творцом. Как расширяется этот диапазон, какие способности откроются в ребенке – это зависит от деятельности в младшем возрасте (конкретно – 2–3 дошкольные года и в первые 2–3 года школьного воспитания). При этом очень большое значение имеет то, как относится сам ребенок к этой деятельности, какие элементы взрослости мысли, зрелости духа мы, взрослые, сумеем пробудить и утвердить в детском сознании. Вот почему необходимы этические поучения, побуждающие думать о

взрослости.

Человек отличается от всех других высших существ очень большой продолжительностью «дозревания» мозга. Период созревания детского мозга на фоне интенсивной, яркой, насыщенной духовной жизни ребенка выглядит ни с чем не сравнимым чудом – но это уже не чудо природы, а поистине человеческое чудо. Ребенок живет, развивается, радуется и огорчается, смеется и плачет, любит и ненавидит, но он еще как бы по-настоящему не родился – в том смысле, что именно период созревания мозга есть время *наивысшей пластичности*, наибольшей чувствительности не только к внешним, но и к внутренним условиям, но и к тому, что делается в это время в «не родившемся окончательно» организме, к тому, как отражается внешняя среда в мыслях, в видении окружающего мира. В этот период мы имеем дело не просто с ребенком, но с мозгом, в котором закладывается будущее человека – его человеческие способности. То, что мы называем «природными данными», в утробе матери закладывается только как живая материя, бурная же человеческая жизнь начинается только в период наивысшей пластичности созревания мозга. Мудрость материнского и отцовского воспитания – а педагог является сознательным средоточием этой мудрости – заключается в том, чтобы в период наивысшей пластичности мозга ребенок побуждался к наиболее интенсивной деятельности, отражающейся в мозге. Ребенок в определенном смысле беспомощен и не может быть без нашей заботы и защиты, но пусть он не думает о своей беспомощности. Наоборот, пусть его поступками движет уверенность в том, что он сильный и что мир вокруг него населен бесчисленным множеством существ, значительно слабее его, которых нужно защищать и опекать. Вот для чего необходимо этическое поучение: ты ребенок, но не забывай, что ты будешь взрослым. Думай о том, что ты не всегда будешь ребенком. Так думать может только человек, для которого любознательность стала сущностью его души. Я вижу задачу исключительной важности в том, чтобы с поступлением в школу деятельность маленького ребенка не превратилась в одностороннюю – исполнительскую. Это страшная угроза для умственного развития.

С началом учения, когда в деятельности за партой особенно много однообразного, представляющего собой пассивное запоминание (это необходимо и неизбежно), особенно возрастает роль специальной деятельности, питающей – так можно сказать – лавину любознательности.

О познавательной деятельности (уроках мышления) речь уже

шла в одном из поучений. Надо сказать еще о взрослости детского труда в рабочей комнате, на школьном участке, в саду, на школьной животноводческой ферме. Всюду ребенка должно сопровождать чувство настоящего. У нас в школе есть маленькие, но настоящие машины для детей – трактор, автомобиль, мотоцикл, молотилка, косилка, зерноочистительные механизмы. Есть детская электростанция со всеми устройствами, исключаящими возможность несчастных случаев. Глубокий смысл поучения: ты ребенок, но не забывай, что ты станешь взрослым, – доходит до сознания ребенка именно благодаря тому, что он убирает урожай хоть и небольшой, но настоящей машиной, обмолачивает пшеницу настоящей молотилкой, управляет настоящим трактором. В эти часы вырабатывается взрослый стиль мышления и взрослый взгляд на мир, с точки зрения нас, взрослых, многое из этой деятельности кажется игрой, для ребенка это вовсе не игра (как и подлинная игра для него не игра).

Коллектив учителей, работающих в начальных классах, стремится к тому, чтобы труд детей был проникнут таким же чувством ответственности, как у взрослых. Уже в годы отрочества человек должен видеть трудовые корни своего детства: дерево, выращенное им из маленького семечка, должно дать плоды; единственное зернышко, за которым любовно ухаживает ребенок в детстве, пусть превратится в огромный ворох пшеницы. Творческий, желанный, жизнерадостный труд в годы детства – ничем не заменимый животворный источник мысли, умственного развития. Образно говоря, это и горячее и чистый воздух, без которых угасает огонек любознательности.

2. Высокой человеческой радостью является рождение человека. Знай, что твое появление на свет было большой радостью для матери и отца, и каждый год, когда приходит День твоего Рождения, они с волнением вспоминают, какими были они, когда родился ты, каким был твой первый крик, какое ты первое слово произнес. Каждый пришедший в мир не только продолжение рода человеческого, но и ни с чем не сравнимое богатство, несущее в себе источник славы, величия, могущества Родины. Рождение человека – это будущее народа, радость отца и матери – крупинки радости всего народа. От того, как относится ребенок к самому факту рождения новой жизни, к беременной женщине и особенно к своей матери, готовящейся стать роженицей и снова матерью, зависит душевная чистота, нравственная порядочность, моральное целомудрие отношений в детской среде. Формируя благородное отношение к рождению человека, мы воспитываем будущих отца и мать.

Есть на Украине села, где рождение нового человека переживается как общий праздник, и в воспитании такого отношения к этому событию активную роль играет школа. В хорошей семье у ребенка развита потребность в духовном общении с братом, сестрой. В семье с одним ребенком значительно обедняются условия для гармонического воспитания чувств. Забота о другом человеке начинается с заботы о братике, сестричке. Чувство кровного родства является благоприятной почвой для воспитания и развития отзывчивости, участливости, сердечности, а для старшей сестренки – это и первая школа материнских забот. Появление в семье ребенка, даже ожидание рождения нового человека означает своеобразную ступень нравственного развития детей.

С ожидания рождения нового человека в духовной жизни мальчика, девочки начинается период особенно активного выражения своей подлинно человеческой сущности. В индивидуальных беседах и консультациях мы советуем родителям: если вы хотите, чтобы в семье сложились отношения должностования и любви, уважения и ответственности, – будьте матерью и отцом детей, а не дитяти; пусть у каждого вашего ребенка будут братья или сестры, по крайней мере один брат или сестра. Наиболее счастливо обстоятельства складываются тогда, когда интервал между рождением старшего и младшего ребенка – от 3–4 до 5–6 лет. Рождение новой жизни оставляет в душе ребенка особенно сильное, неизгладимое впечатление при том условии, когда ребенок еще не взрослый и не подросток, но уже достаточно развит умственно и эмоционально для того, чтобы понять и почувствовать хотя бы в общих чертах смысл человеческих отношений, в которые он вступает в связи с появлением на свет кровно родного существа. Появление на свет младшего – брата или сестры – создает наиболее благоприятные условия для гармонического развития и младшего, и старшего в семье. И в беседах с маленькими детьми, и в советах матерям и отцам по этим очень тонким вопросам (советы эти возможны лишь в условиях полного взаимного доверия и многолетней работы, которая ведется с семьей) братья или сестры, по крайней мере один брат или сестра, готовились к появлению нового человека как к великому торжеству жизни и сами переживали это событие как нравственное обновление, возвышение – в том смысле, чтобы они чувствовали: передо мной теперь будут новые моральные требования, я теперь уже не только сын, но и брат. Если школа поможет родителям, подскажет, что можно и чего не надо говорить ребенку, как отвечать на его вопросы, – это событие войдет в его духовную жизнь как акт великой

нравственной чистоты; не будет прикосновений к неприкосновенному, сохранится романтический ореол тайны рождения и материнства.

Родителей и учителей часто волнует вопрос: как объяснить детям тайну их рождения? Одни считают, что надо говорить об аисте, другие уверены, что будет лучше, если ребенку рассказать всю или почти всю правду, третьи находят наиболее целесообразным ответ: ты еще маленький, подрастешь – узнаешь. Все-таки вариант с аистом в нравственном отношении наиболее подходящий, потому что это – художественный образ, в котором выражается народная мудрость и поэзия, заботливое отношение к сокровенному в нашем бытии и к чуткой душе ребенка. Расскажите ребенку о прекрасном добром Аисте, и он поймет ее именно как сказку, поверит в нее так, как верят дети в сказку. В сокровенном и неприкосновенном должны быть недомолвки – иначе человек просто перестанет быть человеком, должно быть поэтическое мышление – иначе мы опустимся до грубости и примитивизма. Тот, кто с появлением в семье нового живого существа обретает волнующее чувство братства, пусть находит удовлетворение своей любознательности в чистой романтической сказке – в этом нет никакой опасности, наоборот – только таким путем можно воспитать целомудрие.

Специально для маленьких детей – дошкольников и младших школьников – я придумал сказку о рождении человека. Вот эта сказка:

– Ты спрашиваешь, Оленька, где взялся твой братик, откуда он пришел к вам, почему твоя мама стала и его мамой, ты стала его сестрой, а он стал твоим братом? Слушайте, дети, я расскажу вам самую правдивую в мире сказку. Смотрите, алеет небо на востоке. Скоро взойдет Солнце. Там, далеко-далеко, где Солнышко ночью отдыхает, у него есть прекрасное Маковое Поле. Вот сейчас Солнце приближается к своему Маковому Полю. Алые Маки цветут там вечно, в долине журчит прозрачный ручей. Каждой матери, и твоей маме, Оленька, Солнышко дарит на своем Поле Маковый Куст. Когда матери хочется сына или дочь, она мечтает: какое у меня будет дитя? И вот по ее мечте под Маковым Кустом и рождается сын или дочь. Рождается новый человек – из материнской мечты и из золотых лучей Солнца. Лежит маленькое дитя на алых маковых лепестках, протягивает ручки, улыбается – ему хочется к груди материнской. В эту минуту на Маковое Поле прилетает Аист – птица с серебряными крыльями и изумрудными глазами. Берет Аист дитя и приносит матери. Это ее родное дитя, она взлелеяла его в своей мечте. Солнышко создало тебя, Оленька, такой, как маме твоей

мечталось. А птица чудесная – Аист с серебряными крыльями летит снова к Маковому Полю, потому что много в мире матерей, и у каждой своя мечта...

От материнской и отцовской мудрости зависит поддерживать в ребенке бережное, заботливое, восторженное отношение к новой жизни – даже тогда, когда она еще и не появилась.

3. Человек рождается не для того, чтобы бесследно исчезнуть никому не известной пылинкой. Человек рождается для того, чтобы оставить по себе след вечный. Человек оставляет себя прежде всего в человеке. В этом наше бессмертие. В этом высшее счастье и смысл жизни. Если ты хочешь остаться в сердце человеческом – воспитай своих детей. Воспитание человека – важнейший общественный долг. От того, насколько отчетливо видит человек в отцовстве и материнстве высший смысл своего бытия, зависит его нравственный облик. Наша важная воспитательная миссия заключается в том, чтобы человек, которого мы творим, отвечал не только за каждый шаг своего сегодняшнего поведения, но и за будущее, а будущее – это ум, чувства, убеждения живого. В день совершеннолетия девушек, когда им исполняется шестнадцать лет и каждая из них может стать матерью, я рассказываю им украинскую легенду «Кто самый искусный мастер на земле». Вы вступаете в жизнь, юноши и девушки. Перед вами солнце вашего пленительного дня – оно только поднялось над горизонтом, его путь еще впереди. Вам пахать землю и строить дома, возводить мосты и пасти скот, радоваться прилету птиц из теплого края и тревожиться о судьбе нежной былинки – зеленого ростка пшеницы, идти в далекие походы и стрелять по врагу, если он вздумает нарушить священные рубежи нашей Родины. Во всем этом вы оставите какую-то крупицу своей души, разума, таланта. Но полностью переложить свою душу можно только в человека. Не забывайте, что вам быть отцами и матерями. В отцовстве и материнстве – самая сложная трудовая мудрость. Это труд, труд и еще тысячу раз труд. Вам с замиранием сердца придется слушать крик новорожденного сына, отец, – я обращаюсь сейчас к вам как к будущим отцам. Вам придется в болях и муках рожать сыновей и дочерей, мать, – я обращаюсь к вам как к будущим матерям. Собираясь в далекий жизненный путь, помните, что вам надо взять с собой как можно больше богатств из отрочества и юности – эти богатства нужны вам для созидания Человека.

Есть народная сказка о Человеке-Пустоцвете. Любил этот человек петь, веселиться, не мог он долго задерживаться на одном месте – все время переезжал с зеленой нивы в цветущий луг, с цветущего луга в тенистую рощу. И вот родился у него сын.

Повесил Человек-Пустоцвет колыбельку на дубовую ветку и сидит, поет. А сын не по дням, а по часам растет. Выпрыгнул из колыбельки, подошел к отцу и говорит:

– Отец, покажите мне, что вы сделали собственными руками?

Удивился отец таким мудрым речам сына, улыбнулся. Подумал, что же показать сыну?

Ждет сын, а отец молчит и петь перестал. Смотрит сын на высокий дуб и спрашивает:

– Может быть, это вы посадили дуб?

Склонил голову отец, молчит. Повел сын отца в поле, смотрит на полный колос пшеницы, спрашивает:

– Может быть, это вы вырастили колос?

Еще ниже склонил отец голову, молчит.

Пришли сын с отцом к глубокому пруду, смотрит сын на синее небо, отразившееся в воде, и говорит:

– Отец, скажите мудрое слово...

А Человек-Пустоцвет не только руками ничего не может делать, но и слова мудрого сказать не умеет. Еще ниже склонил голову и молчит... Так и превратился он в траву-пустоцвет. Цветет она с весны до осени, а ни плодов, ни семени не дает. Как величайшего горя, бойтесь, юноши и девушки, войти в жизнь пустоцветом. Вам стыдно будет перед сыном, перед дочерью, перед людьми за бесследно прожитую жизнь.

4. Оставить себя в человеке – это значит не только в буквальном смысле родить сына. Человеческий дух тем и отличается от существования животного, что, продолжая род свой, мы оставляем в человеке свою красоту, идеалы, преданность высокому и возвышенному. Чем глубже вы, юноша и девушка, сумели отразить, запечатлеть себя в человеке, тем богаче вы как граждане и тем счастливее ваша личная жизнь. Единство гражданского и личного сливается и запечатлевается в вашем ребенке, потому что он – ваше личное счастье и в то же время надежда народа; слово Отечество – самое прекрасное в нашем языке слово не только потому, что оно отражает величественную гражданскую, всенародную сущность, но и потому, что оно уходит своими корнями в глубоко личное. Каждому поколению юношей и девушек я рассказываю быль, которая глубоко потрясла меня как воспитателя.